

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

I.

Начало священства моего отца.—Отецъ въ качествѣ благочиннаго.—Протоіерей М—ъ и архіепископъ Арсеній.—Мое пребываніе въ семинаріи.—Ректору Платонъ.—Іеромонахъ Іеронимъ. Генералъ.

Начну свою біографію ab ovo, что помню, не заботясь о системѣ и украшеніяхъ.

Родился я въ 1831 году 8-го ноября въ селѣ Темиревѣ Елатомскаго уѣзда. О предкахъ своихъ знаю, что въ селѣ Почковѣ Елатомскаго уѣзда жилъ былъ діаконъ Флоръ Семеновъ; у него былъ сынъ Герасимъ, дьячекъ въ томъ селѣ, и отецъ съ сыномъ жили вмѣстѣ. Затѣмъ Герасима поставили въ то же село Почково священникомъ. Герасимъ былъ простой—малограмотный. Будучи дьячкомъ, онъ ничѣмъ не отличался въ жизни отъ мужиковъ. Поэтому, когда повезли его въ Тамбовъ—ставить въ попы, мужики дивились и говорили: „Гараська-то—попомъ у насъ будетъ,—какъ же это мы будемъ у него благословеніе получать“!! Но Гараська пріѣхалъ изъ Тамбова настоящимъ уже отцемъ Герасимомъ и до конца жизни благословлялъ своихъ собратій, и всѣ его любили. Жилъ онъ просто, какъ и мужики, ходилъ лѣтомъ въ рубахѣ, пахалъ самъ землю и все, что нужно по мужицкому быту, исполнялъ самъ.

Случалось такъ, что нужно ему идти въ церковь отслужить вечерню, а онъ съ утра въ полѣ пашетъ и боронуетъ. Оторвется отъ поля, пріѣдетъ вечеромъ съ сохой или бороной верхомъ на лошади къ церкви, привяжетъ лошадь въ оградѣ церковной, а самъ, въ чемъ былъ и боронилъ—въ храмъ, надѣветъ ризу церковную и, отслуживъ вечерню, поѣдетъ тутъ же опять въ поле доканчивать свое дѣло. Мѣсто свое онъ при жизни своей уступилъ сыну Матвѣю, а самъ жилъ при сынѣ заштатнымъ священникомъ; сыну своему Матвѣю онъ дѣлалъ одно лишь безпокойство тѣмъ, что любилъ вѣнчать тай-

комъ незаконныя свадьбы. Для этого онъ приходилъ въ избу вечеркомъ, или когда сына не было дома, гдѣ ожидала его брачная пара, которую окружить онъ около стола, да благословить жить по Божію и дѣлу конецъ. И все это по тогдашней простотѣ сходило съ рукъ и не доходило до начальства. И любили же его за это мужики и бабы.

Матвѣй былъ священникомъ въ селѣ Почковѣ и имѣлъ двухъ дочерей и семь сыновей, изъ которыхъ старшій Георгій былъ мой отецъ. Сыновья всѣ получили образованіе въ Тамбовской семинаріи, учились отлично и были очень даровиты. Старшій изъ нихъ мой отецъ Георгій, кончилъ курсъ семинаріи студентомъ изъ высшихъ по списку и поступилъ въ священники въ село Темирево въ 1828 г. Второй, Адріанъ, по окончаніи семинаріи тоже студентомъ, поступилъ на службу свѣтскую и уѣхалъ съ губернаторомъ Косовичемъ въ Вятку, гдѣ скоро скончался. Много было заботъ и хлопотъ Адріану, чтобы выйти изъ духовнаго сословія. Архіерей Арсеній ни за что не хотѣлъ выпустить его. И только настойчивость Адріана, послѣ многихъ переписки и при помощи нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, напр. доктора Грамбаума, у котораго былъ домашнимъ учителемъ, достигла дѣли къ негодованію Арсенія. Третій, Иванъ, поступилъ въ Московскую академію, какъ первый студентъ Тамбовской семинаріи, и кончилъ тамъ магистромъ, затѣмъ въ 1840 году поступилъ профессоромъ въ Рязанскую семинарію и въ концѣ своей службы на 25-мъ году опредѣленъ инспекторомъ. Всей его службы въ семинаріи было 30 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ пользовался отъ всѣхъ искреннимъ уваженіемъ и любовью, предметъ свой зналъ и преподавалъ прекрасно и въ обращеніи былъ гуманенъ и любвеобиленъ, къ тому же имѣлъ прекрасный даръ слова. Всѣ, кто учился у него или имѣлъ съ нимъ обращеніе и сношеніе, доселѣ помнятъ незабвеннаго Ивана Матвѣевича Сладкопѣвцева. Былъ онъ не карьеристъ, дѣлалъ дѣло и думалъ думу безъ шума, а потому и прослужилъ скромнымъ труженикомъ 30 лѣтъ, холостякомъ, въ монахи не пошелъ, чтобы быть архіереемъ, изъ духовнаго званія не вышелъ. За то наградъ никакихъ не получилъ отъ начальства: умеръ безъ крестовъ наградныхъ, съ однимъ крестомъ Христовымъ. Подъ конецъ его жизни былъ ревизоръ карьеристъ Сергіевскій въ семинаріи. Не понравился ему Иванъ Матвѣевичъ, какъ человѣкъ самостоятельнаго ума и опыта жизненнаго; и устроилъ ему незаслуженное увольненіе отъ инспекторства къ общему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его рязанцевъ. Ревизоръ Сергіевскій былъ потомъ почителемъ Виленскаго учебнаго округа, Иванъ Матвѣевичъ вскорѣ послѣ отставки умеръ въ 1871 году, не проживъ и 60 лѣтъ при умѣренной и регулярной жизни. Четвертый сынъ, Григорій, дошелъ до

богословскаго класса семинаріи, былъ во всѣхъ классахъ первымъ ученикомъ, назначался какъ лучший въ академію, но умеръ отъ чахотки. Пятый, Василій, даровитый и атлетическаго здоровья и сложенія, въ философскомъ классѣ заболѣлъ горячкою и сверхъ чаянія умеръ въ семинарской больницѣ отъ отсутствія присмотра за больными. Ночью въ горячечномъ безпамятствѣ Василій имѣлъ полную возможность уйти изъ больницы въ одной рубашкѣ и босой и плутать въ городѣ до утра, пока въ больницѣ о томъ узнали и его разыскали; а дѣло было зимой. Шестой, Петръ, окончилъ курсъ С.-Петербургской академіи магистромъ, служилъ профессоромъ Псковской семинаріи, затѣмъ въ Западномъ краѣ въ одной изъ гимназій учителемъ и теперь въ отставкѣ съ заслуженною пенсіею. Седьмой рано умеръ — это Михаилъ. Предки мои фамиліи не имѣли. Такъ и подписывались, гдѣ подобаетъ, именемъ и отчествомъ только: Флоръ Семеновъ, Герасимъ Флоровъ, Матвѣй Герасимовъ. Когда Матвѣй привезъ сына своего старшаго Георгія въ г. Шацкъ — учиться въ училище, смотритель или, какъ тогда было, ректоръ Агишевскій далъ ему фамилію Грандовъ, съ каковою фамиліею и прошелъ Егоръ училищный курсъ; но при поступленіи въ Тамбовскую семинарію ректоръ, не любившій латинскихъ фамилій, переименовалъ фамилію Егора изъ „Грандова“ въ „Пѣвницкій“, такъ какъ Егоръ имѣлъ хорошій голосъ и былъ пѣвчій. А второму сыну, Адриану, который въ училищѣ прозывался Фортунатовъ, далъ фамилію — „Сладкопѣвцевъ“; эту послѣднюю фамилію усвоили себѣ и всѣ послѣдующіе братья.

Георгій Матвѣевичъ Пѣвницкій прожилъ въ селѣ Темиревѣ около пяти лѣтъ, построилъ порядочный домикъ и устроился во всемъ хорошо. Родилось въ это время у него три сына: старшій Михаилъ, второй я — Викторъ, третій Григорій. Жили мы тихо и благословляли Господа, какъ вдругъ совершенно неожиданно отецъ былъ переведенъ изъ Темирева въ село Трескино Кирсановскаго уѣзда, — болѣе чѣмъ за 200 верстъ. Это роковое извѣстіе, какъ громомъ, поразило насъ. Перебираться изъ родной страны, гдѣ за пять верстъ были Почково — родина отца и село Нестрово — родина матери, и ѣхать въ чужую, далекую, неизвѣстную сторону, съ маленькими дѣтьми, на голое мѣсто, оставивъ благоустроенный домъ и хозяйство, — было страшно тяжело, и тѣмъ болѣе, что ни прогоновъ, ни кормовыхъ и подъемныхъ, при перемѣщеніи, священникамъ не полагалось: переѣзжай на свои послѣдніе гроши, продавай за безцѣнокъ домъ, или такъ оставляй. Въ гнетущей тоскѣ поѣхалъ отецъ въ Тамбовъ — хлопотать объ оставленіи его Темиревъ, на своей лошадекѣ съ работникомъ; дорога дальняя — 200 — 300 верстъ. На полпути заболѣла лошадь, поломалась телега, и отпустилъ онъ работника съ лошадью назадъ — домой; а самъ

сѣлъ на улицѣ какого-то села на сложенных бревна, на большой Моршанской дорогѣ, ждать проѣзжихъ въ Тамбовъ и къ нимъ примоститься до Тамбова. Какъ ни хлопоталъ мой отецъ у Тамбовской консисторіи и у архіерея — ничего не выхлопоталъ; пришлось собираться въ дорогу. И какъ ни умолялъ самого владыку — не разорять его съ семействомъ, — грозный Арсеній былъ неумолимъ. Опъ не только не обратилъ никакого вниманія на горькое положеніе; не хотѣлъ помочь тяжелому положенію хоть чѣмъ-либо матеріальнымъ или моральнымъ; онъ строго и непреклонно пригрозилъ даже совершеннымъ лишеніемъ мѣста.

Возвратился отецъ Георгій Матвѣевичъ изъ Тамбова темнѣе ночи, снова всѣ поплакали и слезами облегчили свое горе. Затѣмъ стали собираться въ дальнюю дорогу — въ *terram incognitam*. Нѣкоторое утѣшеніе было хоть въ томъ, что на мѣсто Темиревское поступилъ зять, женатый на старшей сестрѣ, который взялъ за себя оставшійся домъ, общааясь за него, что стоитъ, заплатить. Но заплатить ничего не имѣлъ возможности, потому что былъ бѣденъ, эго священникъ Марко Васильевъ Добровъ, который впрочемъ скоро и померъ.

Въ селѣ Трескинѣ, куда ѣхалъ отецъ, было нѣсколько семействъ молоканъ; и ему было предписано заняться ихъ обращеніемъ въ православную вѣру. Этою причиною мотивировалъ свое распоряженіе о переводѣ моего отца епископъ Арсеній, который рѣшилъ во что бы то ни стало истребить молоканъ въ епархіи. Молоканъ, конечно, не истребилъ. Они все болѣе размножались и доселѣ процвѣтаютъ въ епархіи.

Пріѣхавъ въ Трескино, отецъ мой помѣщался на квартирѣ у одного крестьянина и жилъ тамъ, пока явилась возможность устроить домъ на своей усадьбѣ. Эту усадьбу долго не очищалъ переведенный въ село Бокино священникъ Егоръ Александровъ Бѣляковъ, человѣкъ пьяный и буйный, который постоянно ругалъ моего отца за то, что пріѣхалъ на его мѣсто, и не хотѣлъ пускать на усадьбу селиться. Этотъ полъ Егоръ стариннаго закала, полуграмотный, изъ дьячковъ, постоянно отравлялъ всякое наше спокойствіе. И ничего съ нимъ нельзя было подѣлать. Братъ его родной былъ священникомъ и благочиннымъ въ томъ же селѣ Трескинѣ, Василій Александровичъ, другой братъ — въ Тамбовѣ священникомъ и членомъ консисторіи, Павелъ Александровичъ Бѣляковы. И вотъ безалаберный полъ Егоръ и свободно безобразничалъ, надѣясь на защиту. Надо было терпѣть и ждать, когда дѣло уладится по доброй воли буяна. Года черезъ два, впрочемъ, такого безпокойства удалось наконецъ устроиться своимъ дешевымъ домишкомъ и вздохнуть свободно на своемъ гнѣздѣ.

Въ новомъ селѣ нужно было начинать снова. Все, что имѣлось

и нажито было въ Темиревѣ, пропало даромъ и ушло на разорительное перемѣщеніе. Семейство стало увеличиваться, и число дѣтей достигло до девяти человекъ, которыхъ нужно было воспитывать—кормить и учить. Но Господь былъ видимо милостивъ къ нашему семейству. Оно никогда не оскудѣвало въ средствахъ, и всѣ существенныя нужды удовлетворялись свободно. Жизнь, конечно, была самая скромная, умѣренная, воздержанная отъ всякихъ излишествъ. Мать наша была трудящаяся и экономная хозяйка, все дѣлала въ домѣ своими руками и за всѣмъ слѣдила своими глазами, отъ того все шло въ дѣло и ничто даромъ не пропадало. И прихожане, видя много-семейность отца, не оставляли безъ помощи. Село Трескино въ крѣпостное время отличалось обиліемъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые всѣ, при даровомъ крестьянскомъ трудѣ, жили богато и охотно великодушничали. Отецъ мой, имѣя кроткій, миролюбивый и общительный характеръ, былъ ими уважаемъ и любимъ. Они съ удовольствіемъ снабжали его всѣмъ, что нужно было ему въ житейскомъ быту: присылали мужиковъ и бабъ для обработки земли и уборки хлѣба, дровъ изъ своихъ рощъ, всякаго рода зерна изъ своихъ магазиновъ, и плодовъ изъ огородовъ и садовъ. То же дѣлали и нѣкоторые мужики зажиточные, такъ, что у отца въ домѣ было изобиліе. Самъ отецъ хозяйствомъ своимъ мало занимался—все въ домѣ было на рукахъ матери. Да ему и некогда было. Все время его поглощала служба и требы по приходу, который былъ большой и состоялъ изъ многихъ мелкихъ поселковъ и деревень, на порядочномъ другъ отъ друга разстояніи. Бывало—видишь, только-что пріѣхалъ батюшка къ обѣду изъ одной деревни, куда ѣздили съ причастіемъ съ утра, какъ является новое требованіе въ другую деревню. Въ 1842 году, по смерти священника сего же села Трескина Василя Александровича Бѣлякова, который былъ благочиннымъ, должность благочиннаго возложена была на моего отца,* что еще болѣе отвлекало его отъ дома и хозяйства.

Умершій Бѣляковъ, Василій Александровичъ, былъ авторитетный человекъ, но имѣлъ, къ сожалѣнію всѣхъ, тотъ недостатокъ, что пилъ запоемъ, отъ чего и рано умеръ, въ бѣдности оставивъ сиротами жену и дочерей. Незадолго до смерти онъ возведенъ былъ епископомъ Арсеніемъ въ санъ протоіерея, когда еще не имѣлъ никакихъ наградъ, даже набедренника и скуфьи. Это особенно и придавало авторитетности Бѣлякову. Но случилось это такъ: извѣстная помѣщица всему Тамбову Анд—ская, близкая епископу Арсенію и въ него проживавшаяся, устроила новый храмъ въ селѣ Богословкѣ. Освящать храмъ, конечно, пріѣхалъ, нарочно изъ Тамбова самъ Арсеній. Она хотѣла, чтобы при ея церкви въ Богословкѣ священникъ

Іоаннъ Евдокимовичъ Рождественскій былъ непремѣнно протоіерей. Арсеній, конечно, отказать въ этомъ не нашель возможности, хоть Рождественскій и былъ къ протоіерейству очень молодъ и не имѣлъ никакихъ наличныхъ правъ, но смущался лишь тѣмъ, что благочинный Бѣляковъ, который и много старше и достойнѣе Рождественскаго; а потому и порѣшилъ убить заразъ двухъ бобровъ. И вотъ при первомъ архіерейскомъ служеніи въ новоосвященномъ храмѣ и посвящены были въ протоіереи юный Рождественскій и мужественный Бѣляковъ, и стали единственными протоіереями среди всего сельскаго духовенства Кирсановскаго уѣзда на диво всѣмъ.

Должность благочиннаго отецъ мой принялъ неохотно. Не разъ намѣревался отказываться. И оставилъ намѣреніе только по уговору другихъ. Опасался онъ частаго непосредственнаго сообщенія и сношенія съ пачальствомъ. Онъ хорошо зналъ и чувствовалъ, что чѣмъ дальше отъ начальства, тѣмъ лучше чувствуется. Особенно противна ему была консисторія, гдѣ царило поголовное взяточничество, отъ членовъ и секретаря до послѣдняго сторожа,—взяточничество наглое и дерзкое съ крючкотворствомъ столоначальниковъ и писцовъ и повальнымъ ихъ пьянствомъ. Люди практическіе, искательные и юркіе добивались должности благочиннаго тогда, да и теперь тоже, употребляя для этого всѣ средства, подходящіе къ консисторской кликѣ. Но зато, добившись благочинія, ухитрялись выбирать съ подвѣдомаго духовенства и церковей съ ихъ старостами всѣ свои протори и убытки съ такою лихвою, которая давала имъ полную возможность пріобрѣтать въ консисторіи милыхъ друзей и пріятелей, готовыхъ вытащить ихъ изъ всякаго болота, — жить открыто и хлѣбосольно для всѣхъ нужныхъ имъ людей, — разѣжать на тройкахъ съ бубенчиками по своимъ округамъ для разнаго сбора и разбора, и получать, не въ примѣръ другимъ, частыя награды за отличія. Такъ славно гремѣли повсюду, какъ мнѣ извѣстно, изъ многихъ благочинные: Акв—новъ, Орловъ и какой-то Авксентій. Сдѣлавшись благочиннымъ, отецъ остался такимъ же скромнымъ и смиреннымъ въ средѣ подвѣдомыхъ ему духовныхъ, какъ прежде; благочиннической отваги и осанки, какую напускали на себя обыкновенно другіе, никто и никогда въ немъ не замѣчалъ. Съ послѣднимъ пономаремъ и церковнымъ сторожемъ онъ всегда по-братски обращался, не говоря уже о священникахъ, которымъ онъ всегда охотно и безкорыстно помогалъ во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ и недоумѣніяхъ. Много неумѣлыхъ и неопытныхъ священниковъ пріѣзжало къ нему въ домъ для составленія разныхъ вѣдомостей и отчетовъ по церкви и приходу, и онъ не тяготился учить ихъ и самъ для нихъ считалъ и составлялъ, что нужно и чего они не умѣли. У него они ѣли, пили, ночевали и ничего за это не

платили. Даже положенный издавна взносъ со штата по 12 руб. ассигнаціями благочинному къ новому году для сдачи документовъ въ консисторію не всѣ платили исправно, и онъ стѣснялся имъ объ этомъ напоминать. По своему округу для обозрѣнія церковей онъ проѣзжалъ на подводѣ въ одну лошадь съ телѣгой или саями отъ духовенства по положенію, отъ одного села до другаго перемѣняя подводу, ничѣмъ не стѣсня въ этомъ духовенство. Тихошко и скромненько приѣдетъ въ село и, не желая никого беспокоить, остановится въ церковной караулкѣ и займется тутъ дѣломъ, для чего приѣхалъ. Придетъ священникъ и не скоро уговорить его расположиться въ его домѣ. Если же ночью проѣзжалъ, то въ караулкѣ у сторожа и ночевалъ, приказавъ, чтобы до утра никому о его приѣздѣ не говорилъ. Самъ живя со всѣми мирно и относясь ко всѣмъ искренне-доброжелательно, онъ старался, чтобы и подвѣдомое ему духовенство жило между собою мирно и не заводило тяжбныхъ дѣлъ въ консисторіи. Самъ примирялъ ссорящихся, самъ разрѣшалъ споры полюбовнымъ соглашеніемъ, вразумляя и убѣждая не доводить дѣло до консисторіи: „тамъ, говорилъ онъ, возмутъ и съ праваго и съ виноватаго, а дѣла, какъ слѣдуетъ, не разберутъ; вы же останетесь въ одномъ убыткѣ и только накормите сытыхъ пересытыхъ консисторскихъ“. За такой миролюбивый образъ дѣйствій все духовенство его любило. Но консисторія очень недолюбливала. Онъ отбивалъ у нея хлѣбъ, добываемый ею изъ ссоръ, споровъ и кляузныхъ дѣлъ и жалобъ въ духовенствѣ. Поэтому старались держать Трескинскаго благочиннаго въ черномъ тѣлѣ: обхожденіемъ его наградами, порученіемъ ему для разслѣдованія тяжелыхъ и кляузныхъ дѣлъ и многими другими придирками. Отецъ мой не имѣлъ наперснаго креста до 25-ти лѣтъ одной благочиннической службы. Обошли его узаконенною наградой орденомъ св. Анны 3 ст. за 12-ти-лѣтнее благочинническое служеніе по статуту, и дали уже чрезъ нѣсколько лѣтъ позже, и то по особому настоянію протоіерея Москвина, члена консисторіи, академика, который поступилъ въ консисторію изъ законоучителей, и единственный въ консисторіи былъ человѣкъ, не зараженный взяточничествомъ.

Протоіерей Москвинъ былъ въ Тамбовѣ человѣкомъ авторитетнымъ и вліятельнымъ, хотя не по своимъ однимъ достоинствамъ, а болѣе всего потому, что былъ родной и любимый племянникъ епископа Арсенія. При Арсеніи онъ жилъ съ малыхъ лѣтъ, обучался въ Тамбовской семинаріи, учился хорошо и дошелъ до философскаго класса, по окончаніи котораго Арсеній захотѣлъ послать его въ Кіевскую академію, помимо послѣдняго класса семинаріи — богословскаго, для высшаго образованія, и отправилъ его туда съ однимъ изъ лучшихъ студентовъ Тамбовской семинаріи, предназначеннымъ въ академію

семинаріею изъ богословскаго класса. Этому студенту, какъ руководителю, и порученъ былъ Арсеніемъ племянникъ Иванъ Андреевичъ Москвинъ на весь академическій курсъ. Но Иванъ Андреевичъ, какъ не прошедшій въ семинаріи богословскаго класса, оказался незрѣлымъ для усвоенія высшаго академическаго образованія. Но, при помощи дядьки-студента—кажется фамилія его Лысогорскій,—а болѣе всего, конечно, по протекціи дядюшки Арсенія, онъ могъ пройти безпрепятственно академическій курсъ. И снисходительное академическое начальство выпустило его кандидатомъ академіи. Изъ академіи пріѣхалъ онъ въ Тамбовъ подъ крыло своего дядюшки, который опредѣлилъ его учителемъ въ семинарію, женилъ на воспитанницѣ г-жи Анд—ской, обожавшей Арсенія, и поставилъ его въ протоіереи къ церкви Тамбовскаго кадетскаго корпуса, съ порученіемъ ему законоучительства въ этомъ корпусѣ и съ сохраненіемъ при этомъ учительской должности въ семинаріи. Анд—ская дала за своею воспитанницею хорошее приданое; устроила имъ большой домъ въ Тамбовѣ—доходный отъ квартиръ; снабдила ихъ заводскими лошадьми, къ которымъ Иванъ Андреевичъ впослѣдствіи получилъ большое пристрастіе, и завелъ даже у себя маленькій заводъ, ухарски съ дѣтьми разѣзжалъ по Тамбову на заводскихъ тройкахъ, катаясь для удовольствія. Несчастенъ онъ былъ лишь тѣмъ, что жена у него вскорѣ оказалась больная, не любила никуда выходить изъ дома и о чемъ-то все грустила, и лѣтъ черезъ 15 супружеской жизни умерла въ чахоткѣ, оставивъ мужу на попеченіе дочь и сына. Рассказывали тогда, что воспитанница Анд—ской, выходя замужъ за свѣтскаго Москвина, не думала, что мужъ ея будетъ лицомъ духовнымъ, и когда онъ сталъ лицо духовное, то произошло такое странное явленіе, что Ивана Андреевича вмѣстѣ съ женой никто нигдѣ и никогда не видалъ, и жена стала жить въ домѣ, какъ въ старину, круглый годъ все въ заперти, скучая и грустя. Впрочемъ, такое несчастіе, повидимому, судя по внѣшности, какъ будто не оказывало на Ивана Андреевича никакого сокрушительнаго вліянія. Тѣлесность его была всегда цвѣтущая, здоровая. Лицо было пластической красоты, корпусъ жирный, съ порядочнымъ брюшкомъ. Душою былъ благодушенъ, не вдумчивъ и не задумчивъ. Вообще, былъ человѣкъ благоутробный и ѣлъ аппетитно и спалъ безпробудно; только вина никогда не пилъ, табакъ не курилъ и въ карты не игралъ, и никакихъ компаній, какъ дома, такъ и у другихъ не любилъ. Этому благодушію и благоутробію много способствовало легкое удовлетвореніе его мелкихъ страстишекъ къ лошадямъ, къ деньгамъ и къ почестямъ. Все это доставалось ему безъ труда, безъ заботъ и хлопотъ, какъ бы по волшебному жезлу. Въ семинаріи онъ былъ изъ рукъ вонъ плохимъ учителемъ,

съ самыми жалкими познаніями своего предмета, ученики потѣшались надъ нимъ, хотя и любили его за доброту и простоту обращенія съ ними. Любовь учениковъ ему очень нравилась, и онъ съ удовольствіемъ позволялъ имъ толпами окружать себя при выходѣ изъ класса и сопровождать себя до дома, со смѣхомъ выслушивая все, что они ему говорили и сплетничали — что знали и слышали, особенно про тогдашнее монашескую начальство семинаріи.

Въ кадетскомъ корпусѣ онъ былъ вполне на своемъ мѣстѣ: тутъ онъ училъ маленькихъ дѣтей самымъ элементарнымъ познаніемъ и былъ образцовымъ законоучителемъ. Въ Тамбовскомъ корпусѣ учились кадеты только маленькихъ классовъ, приготовительныхъ къ большому корпусу, Воронежскому. Здѣсь Иванъ Андреевичъ прошелъ свою службу съ честью и достоинствомъ, пользуясь уваженіемъ корпуснаго начальства и любовью всѣхъ, и вышелъ оттуда съ полнымъ пенсіономъ, занявъ мѣсто кафедральнаго протоіерея при соборѣ, по смерти протоіерея Никифора Телятинскаго. Будучи членомъ консисторіи и протоіереемъ собора, онъ былъ еще смотрителемъ духовнаго училища, и, по оставленіи послѣдней должности, сдѣланъ былъ инспекторомъ семинаріи. Награды за отличія онъ получалъ очень быстро; сравнительно молодымъ еще въ средѣ духовенства, онъ, какъ рѣдкое явленіе, имѣлъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, который получилъ, прямо, помимо 4-й степени, и, наконецъ, возжелалъ архіерейскаго сана, съ золотою шапкою и панагіею. Для него безпрепятственно и безъ всякой въ томъ нужды было открыто въ Тамбовѣ викаріатство, которое и занялъ Иванъ Андреевичъ Москвинъ, преобразившись предварительно въ архимандрита Іоаннікія въ Тамбовѣ, и затѣмъ по поѣздкѣ въ Петербургъ сталъ епископомъ Козловскимъ, викаріемъ Тамбовскимъ. Для жительства въ Тамбовѣ данъ ему домъ, принадлежащій Трегублеву и Козловскому монастырямъ близъ консисторіи, а въ управленіе и въ пособіе къ содержанію отданъ Троицкій козловскій монастырь. Достигши до апогея величія, онъ мечталъ скоро быть и самостоятельнымъ епископомъ въ Тамбовѣ и даже высказывалъ это по секрету своимъ приближеннымъ. Но *homo proponit, sed Deus disponit*. И судьбы Божія неисповѣдимы. Иванъ Андреевичъ былъ человѣкъ, такъ сказать, вѣтливый; имѣя много должностей и исполняя тихонько и легковѣно ихъ требованіе, большею частью, чрезъ руки и головы другихъ, онъ постоянно — каждый день былъ въ пріятномъ развлеченіи и съ удовольствіемъ, послѣ легкихъ трудовъ, пріѣзжалъ домой, съ аппетитомъ кушалъ за обѣдомъ въ часъ или два по полудни и затѣмъ послѣ пріятнаго сна отправлялся кататься на своихъ заводскихъ лошадяхъ.

Сдѣлавшись монахомъ и викарнымъ, онъ принужденъ былъ сидѣть

уже дома, и большею частью безъ дѣла, ибо какое же дѣло можетъ быть у викарнаго епископа въ Тамбовѣ, когда и самостоятельные-то епископы скучаютъ безъ дѣла, которое всегда представляется имъ уже заранѣе обдѣланнымъ, и для развлеченія иные часто принимаются за дѣла безразличныя, а то и вовсе не нужныя. А викарному въ Тамбовѣ и умереть можно отъ скуки и бездѣлья. Быть можетъ, это именно и случилось съ нашимъ викарнымъ Іоанникіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ принялъ онъ великое монашеское постриженіе съ клятвеннымъ отреченіемъ отъ міра и всѣхъ прелестей его, онъ какъ-то вдругъ увялъ, потерялъ цвѣтущій здоровый видъ и полубольной поѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ немного поправился и возвратился въ Тамбовъ бодрымъ и веселымъ. Но это продолжалось недолго. Оторванный отъ прежней привычной своей дѣятельности—разнообразной, подвижной и развлекательной, и связанный монашествомъ и архіерействомъ, безъ привычки къ кабинетному дѣлу, и по отсутствію опредѣленнаго ему дѣла, не имѣя возможности покататься открыто, какъ бывало, онъ скоро на первомъ же году архіерейства сильно заскучалъ. „Вотъ оно и архіерейство“, часто говаривалъ онъ изъ глубины тоскующаго сердца, „что въ немъ? сиди въ четырехъ стѣнахъ и смотри въ окошко, какъ люди идутъ и гуляютъ, куда хотятъ на просторѣ“. Затѣмъ случилась серьезная болѣзнь—карбункулъ, которую такъ лѣчили наши эскулапы, что вмѣсто одного карбункула появилось ихъ на спинѣ больнаго множество. Эта страшная и мучительная болѣзнь и прекратила жизнь Ивана Андреевича. Москвина въ 1869 году на 56 году не болѣе. Похоронили его по-архіерейски съ особою торжественностью, при участіи всего духовенства съ епископомъ Θεодосіемъ во главѣ въ храмѣ соборномъ въ нижнемъ этажѣ на правой сторонѣ. Много было народа, и много сказано было рѣчей.

Волшебнымъ жезломъ въ быстромъ возвышеніи и видимомъ благополучіи жизни, такъ печально впрочемъ окончившейся, былъ для Ивана Андреевича во всю его жизнь до смерти дядюшка его епископъ Арсеній. Въ Тамбовѣ онъ его поставилъ и обставилъ съ самаго начала на хорошемъ мѣстѣ весьма прочно, а Иванъ Андреевичъ и самъ имѣлъ великую способность держаться цѣпко и съ тактомъ на прочныхъ мѣстахъ. И хотя Арсеній въ 1841 году и переведенъ былъ въ Каменецъ-Подольскъ, но и оттуда постоянно награждалъ своего племянника богатою милостью, и особенно стали сыпаться эти милости, когда сдѣлался членомъ Св. Синода въ санѣ архіепископа Волынскаго и затѣмъ митрополита Кіевскаго. Ежегодно и не разъ въ годъ присылались на имя Ивана Андреевича отъ Арсенія денежные пакеты всегда въ большой суммѣ—5 тыс., 10 тыс., 13 тыс., такъ что изъ

этихъ посылокъ однѣхъ составилъ большой денежный капиталъ. По милости Арсенія никогда не было отказа Ивану Андреевичу ни въ какой наградѣ, и онъ получалъ ихъ быстро и равнѣ всѣхъ. Арсеній сдѣлалъ его и ненужнымъ викаріемъ въ Тамбовѣ, и былъ бы онъ непремѣнно и самостоятельнымъ тамъ епископомъ, если бы смерть подождала хоть одинъ годъ.

По смерти Іоаннікія весь огромный капиталъ достался дочери его Надеждѣ Ивановнѣ, какъ единственной наслѣдницѣ, которая, оставшись дѣвицей, жила скромно при своемъ огромномъ богатствѣ, увеличившемся еще нѣкоторою частью наслѣдства изъ оставшагося имущества по смерти дѣда, митрополита Арсенія; она фигурировала въ аристократическомъ обществѣ по части филантропіи. Сынъ, прекрасный молодой человѣкъ, блистательно окончившій семинарію, заболѣлъ чахоткою и умеръ годъ спустя послѣ смерти отца.

Въ консисторіи Иванъ Андреевичъ былъ хоть и малодѣятеленъ и малосвѣдущъ въ дѣлѣ, но и одно то было дорого и полезно, что онъ среди пошлости, грубости, невѣжества и хищничества, хитрости консисторской, свѣтился одинъ, какъ человѣкъ благородный, добрый, безхитростный и совершенно безкорыстный, и этими своими достоинствами стушевывалъ и умѣрялъ рѣзкость консисторскаго безобразія. Онъ, насколько могъ, былъ искреннимъ защитникомъ всѣхъ обиженныхъ и оскорбленныхъ и готовъ былъ сдѣлать всякому добро. Только консисторскіе, пользуясь его добротою и простотою, умѣли его провестъ и часто обдѣлывали дѣлишки по-своему. Но все-таки злодѣи въ консисторіи его одного только и побаивались, а добрые на него только надѣялись.

Отецъ мой боялся консисторіи, какъ смертнаго грѣха, и избѣгалъ всячески лично бывать въ ней. Если было какое-либо дѣло до консисторіи, то онъ лучше дойдетъ бывало до дома протоколиста консисторіи, который считался человѣкомъ „сходнымъ“, не жаднымъ до большой взятки, дастъ ему два-три рубля, и онъ справится, о чемъ нужно.

Въ началѣ каждаго года неизбѣжно было личное явленіе въ консисторію для сдачи вѣдомостей и отчетности благочиннической. Тутъ приходилось испытать всѣ мытарства: въ архіерейской пріемной у келейниковъ и писмоводителя, — въ канцеляріи у сторожей и писцовъ консисторскихъ. Всѣ эти лица поздравляли отца благочиннаго съ новымъ годомъ и жадно смотрѣли ему въ глаза. Непремѣнно надо всѣмъ давать и давать. Иначе не было ходу впередъ. Отдѣлавшись деньгой по рангу отъ мелкихъ троглодитовъ, нужно было подступать къ крупнымъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, секретарю, экспедиціонному члену и столоначальнику, отецъ ходилъ

на домъ. Секретарю давалъ золотой, столоначальнику платилъ много болѣе лично, и на весь столъ члену по менѣе всѣхъ. Отецъ платилъ деньгами, гусями, индѣйками и утками, но его дарами довольны не были. Отецъ это видѣлъ, приходилъ домой крайне утомленный и физически и нравственно, но дать больше не могъ, потому что истрачивалъ на эти расходы много своихъ кровныхъ денегъ за недостаткомъ обычныхъ сборовъ на это съ духовенства. „Былъ я у секретаря“, помню—говорилъ онъ намъ, дѣтямъ, „были у него другіе благочинные. Секретарь угощеніе — чай и закуску съ выпивкой устроилъ, всѣ весело провели время. Слышу, другіе благочинные тихо говорятъ между собою, что надо еще дать, хорошо угостилъ. Они уже при приходѣ, какъ и я, дали ему по золотому. Когда стали уходить, дали еще по золотому, но я воздержался“. Секретарь этотъ—Кашкаровъ, жилъ роскошно, гостепріимно и любилъ покушать. Онъ самъ говорилъ, что когда онъ сталъ принимать благочинныхъ на дому и угощать ихъ, доходъ его съ нихъ удвоился — получалъ онъ три тысячи, а теперь шесть... Нельзя было отцу моему быть щедрымъ къ консисторскимъ троглодитамъ и давать лишній золотой секретарю Кашкарову за стаканъ чаю и рюмку вина. Щедрые на это благочинные умѣли свои золотые возвращать съ лихвою изъ своего благочинія, а отецъ мой на это не имѣлъ способности, да и большая семья тому мѣшала.

Между тѣмъ подросли сыновья и ихъ сразу четырехъ приходилось содержать въ Тамбовѣ въ семинаріи и училищѣ. Ученическое содержаніе наше было самое скромное: щи съ мясомъ и каша съ масломъ, постомъ безъ мяса и съ коноплянымъ масломъ; чаю намъ не полагалось, а вмѣсто его крауха черного хлѣба. Одежда была: лѣтомъ — халатъ нанковый и для дождя чекмень или чуйка изъ толстаго самодѣльнаго сукна синяго или черного; зимой — овчинный тулупъ, нагольный или крытый крашениной изъ холста посконнаго. Обувь — сапоги личные, смазываемые дегтемъ, и валеные сапоги или валенки безъ голенищъ. Въ этой одеждѣ ходили мы въ классы, а дома въ рубашкахъ и портахъ, опоясавшись тоненькимъ поясомъ изъ тесьмы, лѣтомъ ходили босикомъ. Въ старшихъ классахъ ходили мы уже въ сюртукахъ нанковыхъ, или суконныхъ тонкаго хорошаго сукна съ триковыми брюками навыпускъ, въ смазныхъ сапогахъ даже со скрипомъ, въ шинеляхъ и пальто. Дома же одѣвались въ халаты-плафроки изъ ситца съ цвѣтами. Тогдашнее воспитаніе было суровое. Учили насъ мало, но много мучили, особенно сѣченіемъ розгами, въ которомъ и ставили все свое педагогическое искусство. Особенно глубокую память оставили въ своихъ ученикахъ своимъ артистическимъ сѣченіемъ Николай Надеждинъ, Александръ Ив. Колчевъ и Васи-

лій Ив. Кобыковъ. Способные и прилежные ученики хорошо учились и вели себя и безъ розгъ, но малоспособныхъ и лѣнивыхъ, особенно при отсутствіи толковаго обученія, и при одномъ только заданіи уроковъ по книжкѣ, отъ сихъ и до сихъ на зубрежку, со стороны учителей не только не побуждали лучше учиться, но еще болѣе отупляли и ожесточали всѣ бывшія въ ходу тогда варварскія наказанія. Трепанье за виски и уши, битье по щекамъ и головѣ ладонью и кулакомъ, удары линейкой по ладонямъ и сѣченіе розгами въ классѣ на полу, — все было въ ходу.

Засѣлъ у меня на памяти одинъ изъ сѣкуторовъ Петръ Колчевъ еще въ первомъ классѣ училища. Засѣлъ потому, что его руками я былъ высѣченъ легонько, потому что Колчевъ имѣлъ ко мнѣ почему-то расположеніе, — это оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе — горькое. Я счелъ его совершенно напраснымъ. И произошло оно какъ-то случайно, неожиданно. Былъ въ училищѣ учитель какой-то родственникъ дальній моего отца, Григорій Семеновичъ Смирновъ. Зашелъ онъ почему-то въ первый классъ, гдѣ я учился. Обратилъ вниманіе на меня какъ родственника, посмотрѣлъ мою тетрадь, по которой я учился писать; нашелъ, что я пишу плохо, и велѣлъ тутъ же меня высѣчь. И, отдавъ мнѣ этотъ родственникъ долгъ, сейчасъ же и ушелъ, оставивъ меня въ слезахъ и въ большемъ негодованіи. Послѣ никогда не приходилось мнѣ съ нимъ сталкиваться во все мое ученіе, но почему-то доселѣ живетъ во мнѣ къ этому человѣку невольная антипатія. Этотъ Смирновъ былъ священникомъ въ Тамбовскомъ женскомъ монастырѣ, а потомъ архимандритомъ (Геннадій) въ Трегуляевѣ. Все это въ училищѣ, гдѣ я учился старательно, во всѣхъ классахъ, числился въ числѣ лучшихъ учениковъ, и страшно боялся сѣченія, и прошелъ безъ сѣченія весь училищный курсъ, если бы не этотъ проклятый случай.

Ученье въ семинаріи было лучше и жизнь благороднѣе; перешедшіе въ нее такъ и говорили про себя тогда, что они уже въ благородномъ классѣ. Перешелъ я въ семинарію изъ училища въ 1846 году и поступилъ въ 3-е отдѣленіе класса реторики.

При поступленіи въ семинарію я очень боялся, какъ-бы не пришлось мнѣ учиться во второмъ отдѣленіи реторики, у знаменитаго въ своемъ родѣ Павла Ивановича Остроумова, бывшаго тогда профессоромъ реторики и секретаремъ семинарскаго правленія. Онъ имѣлъ въ семинаріи большую силу, не безопасную. Человѣкъ былъ умный, но льстиво-хитрый; умѣлъ извлекать особый доходецъ изъ своихъ должностей. При распредѣленіи учениковъ, изъ разныхъ училищъ поступавшихъ въ семинарію, по тремъ отдѣленіямъ реторики, онъ обыкновенно устраивалъ такъ, что большая часть дѣтей протоіерей-

скихъ, благочинническихъ и всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей всегда оказывались въ его второмъ отдѣленіи. И онъ искусно эксплуатировалъ это обстоятельство такъ, что обезпечивалъ себя достаточно въ средствахъ жизни на богатую ногу. Всякій богатый шелопаи, учась въ его отдѣленіи, шелъ выше другихъ, и даже тупица и бездарный свободно переходилъ въ высшіе классы, а другіе при другомъ условіи или оставлялись или увольнялись. Многихъ онъ проводилъ цѣлый курсъ семинарскій до благополучнаго окончанія изъ такого сорта учениковъ, которые давно были бы исключены изъ перваго класса семинаріи по своей закоренѣлой лѣности, тупости и безуспѣшности, за это онъ пользовался отъ благодарныхъ отцовъ подобающимъ возмездіемъ и деньгами и натурой. Онъ напр. всегда имѣлъ лошадей, и все даровыхъ. Былъ даже такой случай, что Павелъ Ивановичъ протащилъ весь курсъ одного ученика-бѣдняка, обладавшаго большимъ ростомъ и физическою крѣпкою силою, помѣстивъ его въ своей кухнѣ въ качествѣ дворника, который у него рубилъ дрова, таскалъ воду, топилъ печи и носилъ съ базара на своихъ атлетическихъ плечахъ тяжелые мѣшки съ покупками. Учиться онъ не имѣлъ возможности и даже рѣдко посѣщалъ классы. Окончивъ такими путями курсъ семинарскаго ученія, онъ поступилъ діакonomъ въ г. Козловъ, запасшись въ семинаріи только однимъ голосищемъ.

Всѣ профессора были люди умные и добрые, съ подобающею солидностію внѣшнею и съ великодушіемъ внутреннимъ. Правда, нѣкоторые позволяли себѣ кутнуть порядочно; но пить-то они пили, да дѣло разумѣли. Всѣ ученики ихъ любили и уважали, за то именно, что они искренно желали и добивались, чтобы ихъ преподаваніе принесло дѣйствительную пользу. Да будетъ вѣчная память этимъ умнымъ и добрымъ наставникамъ! Имъ мы обязаны своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и надлежащимъ знаніемъ, тѣмъ болѣе, что тогдашнее монашеское начальство семинаріи было не на высотѣ своего положенія. Ректоръ хромоногій архимандритъ Адріанъ и инспекторъ архимандритъ Лаврентій до того были скудны и по внутреннему содержанію, и по внѣшнему складу, и образу дѣйствій, что дивиться нужно, какъ попали они на должности, которыя для нихъ совершенно были не по плечу. Надъ малоуміемъ ихъ и странными дѣйствіями ходило много забавныхъ анекдотовъ. Ученики надъ ними смѣялись, а наставники сокрушались. Однакожъ они не мало лѣтъ управляли семинаріею, покуда не надумались убрать ихъ въ свои мѣста—монастыри. Съ уходомъ ихъ управленіе попало въ руки двухъ молодыхъ іеромонаховъ — однакошниковъ по Московской академіи—Макарія и Авраамія. Они были люди добрые и не глупые, особенно первый, который могъ бы быть хорошимъ ректоромъ и пойти

далѣе, но въ монашество они вступили какъ-то безсознательно, будучи еще студентами—учениками академіи, увлекшись одною туманною мыслію о блестящей будущности, не на небѣ конечно, а на землѣ. Изъ академіи тотчасъ же по окончаніи прислали этихъ юношей—монаховъ въ нашу семинарію—Макарія прямо инспекторомъ, а Авраамія профессоромъ. Жили они между собою по-пріятельски и были всегда неразлучны. Какъ люди молодые, съ избыткомъ силъ и здоровья, съ кипучими страстями, которымъ монашество вовсе было не къ лицу, они съ самаго начала зажили не по-монашески, стали покучивать и свое дѣло изъ рукъ упустили. На бѣду семинаріи Макарію, за долгимъ неприбытіемъ новаго ректора, поручена была для исправленія его должность, а Авраамію—должность инспектора. Много было въ это время неладнаго въ семинаріи. Но благодаря хорошимъ профессорамъ учебная часть стояла прочно; управленіе же экономію поддерживали: секретарь Павелъ Ивановичъ Остроумовъ, о которомъ была уже рѣчь впереди, и тоже знаменитый въ своемъ родѣ эксплуататоръ семинарской бursы, давнишній и много лѣтъ служившій въ семинаріи, эконоомъ Степанъ Абрамовичъ Березнеговскій. Онъ былъ еще священникомъ при церкви общественной больницы; былъ у него зять въ Тамбовѣ—докторъ Николаевъ. Рассказывали, что какъ только начиналась какая постройка въ семинаріи или ремонтъ, непременно то же происходило и у доктора Николаева, который оставилъ въ Тамбовѣ своему семейству огромные дома на Большой улицѣ... Макарій и Авраамій, какъ вмѣстѣ въ одно время и взяты были изъ семинаріи, и для обновленія и поправленія своего распатаннаго состоянія, размѣщены врозь и съ повышеніемъ: Макарій въ инспектора Казанской академіи, а Авраамій въ инспектора семинаріи Симбирской. И оба до архіерейства не дошли.

Былъ я въ реторикѣ уже на второмъ годѣ, когда въ нашу семинарію поступилъ ректоромъ архимандритъ Платонъ. На первый разъ, осматривая учениковъ по классамъ, онъ показался намъ величественнымъ и грознымъ. Всѣ ждали, что изъ него выйдетъ. Время показало, что онъ принесъ и оставилъ много добраго и полезнаго въ семинаріи. Человѣкъ онъ былъ умный, ученый и добрый—мягкосердечный, но вспыльчивый. Ученики его боялись, но при этомъ всѣ были къ нему расположены за его серьезное, строгое, но сердечное отношеніе къ нимъ. Управленіе семинаріею онъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ, и самъ зорко слѣдилъ за всѣмъ. Это былъ полновластный господинъ и хозяинъ въ семинаріи. Боялись его не одни ученики; побаивались и инспекторъ и всѣ наставники, и держали себя передъ нимъ въ струнку. Ректоръ Платонъ благополучно и съ честію прослужилъ въ Тамбовской семинаріи около семи лѣтъ, достигъ архіерейства и умеръ въ Костромѣ въ санѣ архіепископа костромскаго.

Во время Платонова управленія Тамбовской семинаріею поступилъ въ нашу семинарію наставникомъ по церковной исторіи удивительный іеромонахъ Іеронимъ, по фамиліи Гешнеръ, человѣкъ темнаго происхожденія и самъ очень темный въ своей жизни. Учился онъ въ Дерптскомъ университетѣ, зналъ нѣмецкій и французскій языки и хорошо говорилъ на нихъ; похожъ былъ на поляка и выглядѣлъ чистокровнымъ іезуитомъ. По неудачамъ въ жизни свѣтской, онъ задумалъ составить себѣ карьеру въ монашествѣ, благо это тогда и нынѣ было и есть самое удобное. Для этого подбился онъ къ знаменитому Иннокентію архіепископу и при его содѣйствіи окончилъ курсъ богословскій въ Кіевской академіи, принявъ монашеское постриженіе. И вотъ въ такихъ атрибутахъ и оказался въ нашей семинаріи феноменъ замѣчательной безнравственности. Въ іеромонахѣ Іеронимѣ не только не было ничего священномонашескаго, но не было почти ничего и просто человѣческаго. Онъ былъ: и атеистъ, и матеріалистъ, и индеферентистъ, и грязный циникъ, умѣвшій скрыть эту черноту, гдѣ нужно, іезуитскою маскою, и пустить, гдѣ нужно въ ходъ, съ іезуитскою ловкостію. Начальство не могло скоро его распознать. Онъ лицемерилъ и хитрилъ передъ нимъ увлекательно и низкопоклонничалъ ему и лобызалъ руки его обаятельно. Ученики скорѣе всѣхъ его поняли и узнали въ немъ волка въ овечьей шкурѣ. Науку свою—исторію церкви, онъ не преподавалъ, а болталъ разныя побасенки, развращающія понятія учениковъ, и открыто въ классѣ глумился надъ всѣмъ священнымъ, церковнымъ и нравственнымъ, а въ частныхъ сношеніяхъ съ учениками его балагурству и болтовнѣ, всегда антирелигіозной, безнравственной, циничной, не было предѣла и никакого удержу. Службу въ храмѣ совершалъ онъ съ возмутительною театальною позировкою, гнусливымъ голосомъ растягивалъ неестественно возгласы, декламировалъ въ слухъ тайныя молитвы священника, картинно воздѣвалъ руки и распростирался при земныхъ поклонахъ и тѣмъ, особенно сначала, производилъ на всѣхъ учениковъ забавное изумленіе... Въ городѣ въ Тезиковой улицѣ онъ посѣщалъ женщину, которой выстроилъ домикъ, и всѣ въ городѣ и семинаристы такъ и звали ее Іеронимша; и это названіе осталось за ней навсегда... Какъ ни низокъ былъ Іеронимъ, но—удивительное дѣло, ни ректоръ Платонъ, ни вновь поступившій инспекторъ іеромонахъ Димитрій какъ-бы и не замѣчали этой его низости. Думается, что кромѣ іезуитскаго искусства, которымъ Іеронимъ ихъ обвораживалъ, тутъ много значило еще обаяніе Иннокентіевой протекціи къ Іерониму. Платонъ поручилъ даже должность помощника инспектора Іерониму, а Димитрій со временемъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ нимъ и сталъ его другомъ и единомышленникомъ. Это сближеніе для

молодаго инспектора Дмитрія, прямо изъ-за академической скамейки поступившаго въ блюстители нравственности нашей въ семинаріи, и малозрѣлаго и неопытнаго юноши - монаха, такъ было губительно, что этотъ Дмитрій, подѣ влияніемъ злодѣйскаго духа Іеронима, скоро сдѣлался пренегоднымъ инспекторомъ, котораго ненавидѣли всѣ ученики, развратникомъ и пьяницей, отъ чего въ послѣдствіи впалъ въ сумасшествіе и умеръ преждевременно еще въ ранней молодости, въ Томскѣ или Тобольскѣ, кажется... Да, достойно особаго замѣчанія то, что злохитрый Іеронимъ сумѣлъ обворовать ректора Платона и развратить молодаго монаха, инспектора Дмитрія, но у учениковъ семинаріи, какъ ни добивался ихъ расположенія и нужной ему популярности и близости къ нимъ, ничего не заслужилъ, кромѣ ненависти, презрѣнія и отвращенія. Они скоро своимъ юношески свѣжимъ и чуткимъ сердцемъ проникли въ его злохудожную душу и оцѣнили по достоинству всѣ его откровенныя съ ними слова и бесѣды, проникнутыя грубымъ цинизмомъ и безнравственностію, и поняли весь его іезуитскій образъ дѣйствій. Поэтому Іеронимъ не оказалъ на нихъ никакого развращающаго вліянія. Напротивъ, сталъ даже потѣшнымъ и забавнымъ человѣкомъ, о причудахъ котораго они всѣмъ рассказывали на разные лады, вездѣ протрубили его какъ „притчу во языцехъ“, какъ изъ семинаріи. Когда Іеронимъ убѣдился въ такомъ отношеніи къ нему семинаристовъ, онъ вдругъ, какъ хамелеонъ, изъ лицемѣрнаго ихъ друга превратился въ злобнаго врага и съ яростію сталъ всячески ихъ преслѣдовать и тѣснить. Особенно разыгралась его злоба, когда онъ сдѣланъ былъ помощникомъ инспектора и забралъ въ свои лапы неопытнаго инспектора, Дмитрія. Тутъ онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои іезуитскія средства и вмѣстѣ съ переработаннымъ имъ Дмитріемъ съ рвеніемъ бросились на ловлю учениковъ, какъ завзятые охотники на охоту, ловили и правыхъ и виноватыхъ и съ наслажденіемъ забирали ихъ въ карцеры, затѣмъ производили надъ ними инквизиціонный, съ подобающими пытками, судъ, на которомъ выпытывали все, что имъ хотѣлось, и что давало имъ поводъ притянуть къ инквизиціи другихъ ими нелюбимыхъ, или въ чемъ-либо подозрѣваемыхъ.

Въ это злосчастное время много пришлось потерпѣть ученикамъ даровитымъ и честнымъ за то только, что они хорошо понимали низкія душеньки Іеронима и Дмитрія и никакъ не могли имъ идолопоклонничать. Только въ ректорѣ Платонѣ и находили они свою защиту. Онъ всѣхъ хорошихъ учениковъ бралъ подъ свою защиту отъ этихъ двухъ борзыхъ собакъ и своею властію умиралъ ихъ ярость звѣрскую. Въ этой надеждѣ на Платона и не боялись много, а иные даже смѣло имъ и противодѣйствовали по возможности. Я и братъ Михаилъ.

благополучно дошли до богословскаго класса и въ этомъ классѣ учились богословію у самого Платона. Какъ ученики перваго разряда мы, какъ и другіе, Платоновы ученики, считали себя обезпеченными отъ козней Іеронима, и при встрѣчахъ и обращеніяхъ съ нимъ держали себя свободно, безъ страха, безъ подобостія. Этого уже было довольно для Ершки, какъ всѣ начали его тогда звать, чтобы возненавидѣть насъ. На бѣду нашу я и братъ были старшими поуличными, которые, по тогдашнимъ семинарскимъ правиламъ, были ближайшими надзирателями надъ квартирными учениками, обязанными рапортовать ежедневно инспектору, все ли благополучно. Вотъ тутъ-то іезуитскій нюхъ Ершки и уловилъ насъ, чрезъ своихъ шпионовъ, въ какихъ-то неисправностяхъ, раздулъ ихъ предъ инспекторомъ и ректоромъ, и насъ лишили старшинства и посадили на ночь въ разные карцеры, куда товарищи, несмотря на запоры, приходили насъ утѣшать и приносили кренделей. Ершка торжествовалъ и грозилъ, особенно мнѣ, еще бѣльшимъ. Что было дѣлать? Опасно было то, что іезуитъ ухитрится обозлить противъ меня Платона. Вотъ съ помощію Божіею я надумался написать Платону апологію и въ ней изложить чистую правду. Помню—писалъ съ особеннымъ напряженіемъ ума и чувства. Эта-то апологія такъ подѣйствовала на умную и добрую душу Платона, что онъ съ радушіемъ принялъ меня, успокоилъ отъ напраснаго страха и объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня въ академію, и для свободной подготовки освободилъ меня отъ хожденія въ классъ на уроки. Это было въ маѣ 1852 года.

II.

Епископъ Николай. — Его поѣздки по епархіи. — Протоіакопъ Савушка. — Ключарь Телятинскій. — Отправленіе въ Казанскую духовную академію.

15-го іюля 1852 года я и братъ окончили семинарскій курсъ; братъ поступилъ священникомъ въ Грачевку, а я прибылъ въ Казанскую духовную академію.

Съ выбытіемъ изъ семинаріи на свои хлѣба трехъ сыновей, отецъ вздохнулъ свободнѣе. Надежда на трехъ сыновей ободряла его. Консисторія за долгое терпѣніе наградила его наконецъ скуфьею, хотя при полученіи ея онъ очень много потратился на консисторію, въ которую нужно было являться лично и одарять деньгами щедрѣе, въ надеждѣ на скорую награду за это въ будущемъ камилавкою. Но щедрая оплата скуфьи не послужила къ скорой наградѣ камилавкою.

Консисторія не давала ему долго, пропустивъ въ многіе сроки, потому что для этого нужно было дѣлать предварительные подходы къ нужнымъ людямъ и дать задатки знаменитому въ то время промышленнику по части наградной Андрею Ивановичу Лебедеву, помощнику секретаря, который, въ случаѣ полученій, держалъ присланныя награды у себя въ столѣ до тѣхъ поръ, пока не явится самъ награжденный за полученіемъ.

Во все время, пока я учился въ Тамбовѣ—въ училищѣ и въ семинаріи, и затѣмъ въ Казани—въ академіи, тамбовскимъ епископомъ былъ Николай. Поступилъ онъ въ Тамбовъ изъ С.-Петербургской академіи, въ которой былъ ректоромъ. Человѣкъ большаго ума и добраго сердца, хотя по виду и былъ невзраченъ, дурень лицомъ и малъ ростомъ. Въ первые годы своего служенія онъ былъ дѣятельнымъ по управленію. Хорошо составлялъ и говорилъ часто проповѣди, которыя поражали глубиною содержанія и простотою изложенія. Въ бесѣдахъ и разговорахъ не былъ многорѣчивъ; но говорилъ кратко, отрывочно и всегда мѣтко, логично и остро. Богословскую науку, которую онъ преподавалъ въ академіи, зналъ основательно и былъ по этой части многосвѣдущъ. Когда онъ бывалъ на экзаменахъ въ семинаріи, то своими вопросами и возраженіями часто ставилъ въ тупикъ, не говоря объ ученикахъ, и профессоровъ, и ректора. Задавая вопросъ ученику, онъ непремѣнно для разрѣшенія его втинетъ въ него профессора и ректора, и начнетъ отрывистыми словами, мѣтко и логично обрывать ихъ отвѣты, пока не доведетъ всѣхъ до молчанія. Мы, ученики, смотрѣли на него, какъ на мудреца, и дивились его уму. За умъ прославляло его и все духовенство въ епархіи... Но умъ-то, положимъ, и былъ великъ у епископа Николая, только управленіе его епархіею было неумѣлое, слабое и распущенное; особенно это стало замѣтно и росло далѣе до конца его служенія, года черезъ три-четыре, когда онъ вызванъ былъ на годъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, куда не хотѣлось ѣхать, и оттуда черезъ годъ возвратился. Провожая въ Петербургъ, его видѣли плачущимъ, и прощальную проповѣдь онъ говорилъ въ храмѣ съ неудержимымъ плачемъ, и по возвращеніи оттуда не видѣли его никогда веселымъ; онъ чѣмъ-то былъ удрученъ и оскорбленъ, и становился далѣе и болѣе въ своей жизни въ Тамбовѣ апатичнымъ. Говорили, что въ Синодѣ онъ имѣлъ столкновеніе со всесильнымъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, генераломъ николаевскимъ, который поступалъ со всѣми въ Синодѣ по военной командѣ, и Николай, какъ присутствующій въ Синодѣ, по своей логической прямотѣ, позволялъ себѣ иногда и обрывать. Ну вотъ и отпустили его изъ Синода ни съ чѣмъ, безъ повышенія и награды, вопреки обычаю, и такъ ничѣмъ и не

награждали его до конца жизни, оставивъ въ невниманіи... Духовенство любило Николая за его великодушіе и непридирчивость къ нему, а особенно за то, что онъ былъ сердоболень къ сиротамъ. За сиротами онъ всегда охотно зачислялъ отцовскія и родственниковъ мѣста, и обязывалъ семинаристовъ на сиротахъ-невѣстахъ жениться. Безъ взятія сироты-невѣсты никто почти не получалъ у него мѣста. Особенно сердоболень былъ къ своей роднѣ, которая привалила къ нему изъ другихъ губерній въ большомъ количествѣ и надѣлала ему много безпокойства. Персоналъ дѣвичій — разныхъ племянницъ онъ размѣстилъ по священническимъ мѣстамъ, на нѣкоторыя поступали семинаристы и даже академисты, женившись на нихъ обязательно; мѣста эти были всѣ изъ лучшихъ, большею частію въ Тамбовѣ. Прибыль къ нему и родной отецъ-дядечекъ, котораго онъ помѣстилъ на жительство у себя, въ Казанскомъ монастырѣ при архіерейскомъ домѣ, и чтобы ему не было скучно, сдѣлалъ его протоіереемъ, въ каковомъ санѣ онъ и служилъ съ монахами, торжественно и во главѣ, всенощныя и обѣдни... Отецъ архіерейскій былъ у духовенства *persona grata*. Къ нему обращались съ разными ходатайствами просители и непременно получали нужныя милости отъ владыки-сына, если только отецъ располагался за нихъ ходатайствовать. Расположеніе же это духовенство умѣло всегда пріобрѣтать хорошимъ предварительнымъ угощеніемъ, такъ какъ отецъ архіерейскій очень неравнодушенъ къ угощеніямъ и мастеръ былъ выпить по-старинному. Было тутъ немало злоупотребленій. Но Николай смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Да скоро онъ сталъ смотрѣть такъ и на все, его окружающее, и на всѣхъ, около его дѣйствовавшихъ.

Весь штатный и нештатный персоналъ его обстановки, свиты и управленія, почувствовавъ свободу, пришелъ въ броженіе и пустилъ въ ходъ всѣ свои грубые инстинкты; особенно хищническіе. Консistorія ликовала, деньги валились къ ней со всѣхъ сторонъ въ изобилии; въ канцеляріи ея съ кругу спились много писцевъ и столоначальниковъ; нѣкоторые только болѣе умѣренныя успѣли нажить капиталы, обстроиться хорошими домами и завести лошадокъ, на которыхъ и пріѣзжали въ консисторію по-барски. Николай пересталъ заниматься дѣлами самъ и все отдавалъ на волю консисторіи. Резолюціи его на всѣхъ бумагахъ были всегда однѣ и тѣ же самыя лаконическія и механическія: „въ консисторію“, „пусть разсмотритъ консисторія“, „исполнить“, „утверждается“. И полагалъ онъ ихъ на бумагахъ и дѣлахъ, не читая ни бумагъ, ни дѣлъ... Члены консисторіи всѣ были толстые, жирные, съ порядочнымъ брюшкомъ, съ трудомъ и тяжело доходили или доѣзжали до консисторіи, долго отдыхали въ ней отъ одышки, сидя за столомъ, часто и неторопливо по-

внохивали табачекъ и имъ друга друга угощали; но дѣла не любили и имъ не занимались. Все, и безъ всякаго ихъ участія, обрабатывалось въ канцеляріи, подѣ руководствомъ секретаря, и давалось имъ только подписывать. И подписывали все, почти не читая, развѣ что коротенькое, озабочиваясь только тѣмъ, чтобы подписаться аккуратно, на своемъ мѣстечкѣ и по рангу.

Въ это злосчастное для духовенства время, появился на сценѣ и заигралъ большую роль при архіереѣ его письмоводитель Василій Ивановичъ Челнавскій, самъ по себѣ ничтожный, недоучка, едва прошедшій нѣсколько классовъ училища, и только необыкновенно юркій и способный на всякое шутовство. Примостился онъ къ своему теплomu мѣстечку еще въ началѣ службы Николая и цѣлко держался его до самаго увольненія Николая на покой, наживъ на немъ порядочный капиталъ. Онъ изловчился своею юркостію такъ угодить архіерею, что сталъ къ нему ближе всѣхъ и человѣкомъ самымъ нужнымъ. Всякая бумага и всякое консисторское дѣло проходило чрезъ его руки и могло дойти до архіерея только чрезъ него и обратно. На этомъ перепутьи онъ, какъ паукъ, раскинулъ свои сѣти, и такъ устроился въ архіерейской канцеляріи, что всѣ просители и всѣ имѣющіе дѣло до архіерея и въ консисторіи никакъ не могли обойтись безъ Василя Ивановича. Въ дѣлѣ, по существу, онъ никому и ничѣмъ не могъ помочь, потому что ничего не смыслилъ въ немъ. Но мастеръ былъ попрепятствовать всякому дѣлу въ его движеніи на пути къ архіерею, у архіерея и обратно отъ архіерея. Могъ равнымъ образомъ посодѣйствовать и скорости этого движенія. Поэтому всѣ приходящія лица волей-неволей должны были ему платить, иначе бумага или дѣло залеживались и застревали гдѣ-то подолгу, или докладывались не во-время и такъ, что должны быть оставлены безъ дѣйствія. Особенно много значилъ онъ при зачисленіи за просителями мѣстъ и при опредѣленіи ихъ на эти мѣста. Онъ имѣлъ полную возможность безпрепятственно предоставлять лучшія мѣста тѣмъ, съ кого возьметъ побольше. Для лучшаго обдѣльванія своихъ дѣлишекъ онъ постарался войти въ дружество съ архіерейскимъ отцомъ и съ казначеемъ Казанскаго монастыря Геннадіемъ, любимцемъ епископа Николая, и гдѣ нужно, при посредствѣ ихъ, легко обрабатывать всякое выгодное ему дѣло у архіерея. Особенно разыгрался Василій Ивановичъ Челнавскій въ то время, когда Николай, по своей апагії, а говорятъ, и по запою, сталъ вести уединенную жизнь, рѣдко показываясь и просителямъ, и доступъ къ нему для всѣхъ былъ крайне затруднителенъ. Тутъ Челнавскій по всей своей волѣ и безъ всякаго стѣсненія орудовалъ именемъ архіерея по всѣмъ частямъ, какъ только было ему выгодно. Купля и продажа

всего, что должно было доходить до архіерея и исходить отъ него, давали ему огромные барыши. Ректоръ Платонъ самъ рассказывалъ въ семинаріи, что онъ даже вынужденъ былъ дать взятку Челнавскому. Никакъ не могъ онъ дожидаться исхода какого-то представленія по семинаріи у владыки. Доступа къ нему не было; никого не принималъ. Но какъ-то послалъ Челнавскому золотой, и дѣло вышло на другой же день. Вотъ какую силу составлялъ малограмотный Васька Челнавскій, какъ его стали звать либералы въ духовенствѣ!..

Весьма привольно и хлѣбно жилось при еп. Николаѣ и всей его свитѣ архіерейской, особенно ключарю Никифору Телятинскому и протодіакону Савушкѣ. Хлѣбно было этой свитѣ и всегда, въ обыденное время, отъ службъ архіерейскихъ, съ посвященіемъ разныхъ ставленниковъ, съ которыхъ, какъ съ жертвенныхъ овецъ, всѣ пѣвчіе, иподіаконы и протодіаконъ, безпощадно и съ назойливостію, и дерзостію, набирали много денегъ, не стѣсняясь у иныхъ бѣдняковъ, забытыхъ и запуганныхъ, отбивать и послѣдніе гроши. Но особенно разливанное море наступало для пей тогда, когда наступало время поѣздокъ архіерейскихъ по епархіи. Николай имѣлъ обыкновеніе и любилъ разѣзжать по епархіи грузно и заживаться тамъ подолгу, со всею своею многочисленною свитою, которую составляли: ключарь, протодіаконъ, три иподіакона, весь въ полномъ составѣ архіерейскій хоръ пѣвчихъ въ 25—30 человекъ, два или три келейника, кучеръ и фореиторъ, иногда приспособлялся и писмоводитель. Ѣхалъ онъ обыкновенно съ ключаремъ въ своемъ дорожномъ фургонѣ, въ которомъ помѣщались большіе запасы провизіи, закусокъ и винъ; фургонъ везли двѣнадцать обывательскихъ лошадей. Впереди мчались на тройкѣ становой съ благочиннымъ, какъ глашатаи, и заставляли бить въ набатъ на тощихъ колоколахъ убогихъ сельскихъ колоколенъ, вездѣ, гдѣ подобало проѣзжать владыкѣ. Позади, отставъ на большое разстояніе отъ своего владыки, тянулись огромная свита и множество повозокъ, биткомъ набитыхъ живою и неживою поклажей, ядущею и съѣдомою,—разною архіерейскою челядью и разною ея принадлежностію. Кладъ давала о себѣ знать своимъ гоготаніемъ, шумомъ, гамомъ, оравіемъ и пѣніемъ на разные лады всякихъ нецензурныхъ пѣсень. Всѣмъ было весело до опьяненія. Всю эту жадную орду бѣдное духовенство вездѣ должно было принимать, кормить и поить до пьяна и одавать деньгами, разными вещами, по требованію, терпя при этомъ тьму безпокойствъ, заботъ и хлопотъ, неблагоприятностей и даже обидъ, особенно, отъ пьяницъ...

Изъ всей этой орды, болѣе всѣхъ, тревожилъ духовенство протодіаконъ Савушка. Это былъ человекъ огромнаго роста и тѣлесной силы,—истый библейскій Голиафъ; имѣлъ сильный громовой голосъ,

выпивалъ по четверти водки въ день и не пьянѣлъ; во хмѣлю былъ безпокойный и надоѣдливый до крайности. Пугались малые ребята и при видѣ его отъ страха плакали, ребята же побольше убѣгали отъ него, какъ отъ страшилища. Въ службѣ съ архіереемъ онъ всѣхъ поражалъ и удивлялъ своимъ голосомъ,—въ этомъ одномъ и состояло все его достоинство, и за это одно еп. Николай все ему прощалъ и былъ къ нему всегда милостивъ. Попалъ онъ въ протодіаконы изъ сельскихъ пономарей, неученый и малограмотный, какъ рассказывали, случайно. Какой-то изъ прежнихъ архіереевъ—Аѳанасій или Евгеній, проѣзжая по своимъ надобностямъ по Елатомскому уѣзду, замѣтилъ большаго роста мужика, пашущаго на тощей лошаденкѣ, которую онъ понукалъ необыкновенно сильнымъ голосомъ, архіерей обратилъ вниманіе и узналъ въ этомъ мужикѣ пономаря Савелія и впослѣдствіи вызвалъ его въ Тамбовъ, гдѣ долго обрабатывали его неотесанность, чтобы быть ему приличнымъ протодіакономъ. Если бы этому Савушкѣ дано было въ-время хоть маленькое образованіе и воспитаніе и открытъ ходъ подальше, то онъ однимъ голосомъ своимъ, при богатырскихъ силахъ и атлетическомъ сложеніи и ростѣ Голіафа, составилъ бы себѣ славную карьеру, какъ рѣдкій феноменъ природы. А между тѣмъ судьба-мачиха сурово втиснула эту широкую натуру въ тѣсную рамку сельскаго пономаря, и только случайность выдвинула его на постъ тамбовскаго протодіакона, чтобы потрясать своимъ громовымъ голосомъ своды храмовъ при архіерейскомъ служеніи и оглушать всѣхъ, приходившихъ въ храмъ. Мать моя рассказывала намъ, что она перенесла отъ Савушки, когда онъ, въ одну изъ поѣздокъ архіерейскихъ, остановился въ нашемъ домѣ ночевать. Чтобы задобрить его, она его угостила изобильно и чаемъ, водкой и всякимъ кушаньемъ. Повидимому, онъ былъ доволенъ и легъ спать. Но среди ночи всталъ, поднялъ всѣхъ на ноги и сталъ требовать водки. Мать ему не давала водки, онъ шумѣлъ, грозилъ, молилъ Христа ради, дѣтей перепугалъ такъ, что они разбѣжались по разнымъ закоулкамъ, и только крутыя мѣры и угрозы жаловаться архіерею, котораго онъ страшно боялся, могли усмирить его. Денегъ по епархіи Савушка собиралъ много; онъ назойливо требовалъ ихъ у всѣхъ, съ кого можно было взять. Хотя я и лично хорошо зналъ его, но отчество и фамилія доселѣ не знаю. Его всѣ звали въ глаза отецъ-протодіаконъ, за глаза—Савушка. И нигдѣ не слышалось полного его имени-отчества съ фамиліей, и никто этого не считалъ нужнымъ и знать. Всѣ знали только Савушку, и ходили смотрѣть на Савушку, какъ на диво-дивное. Савушка возбуждалъ вниманіе къ себѣ и въ Петербургѣ, куда бралъ его съ собой Николай, въ годовое присутствованіе въ Синодѣ, и много привлекалъ народа на архіерейскую службу Николая.

Въ поѣздкахъ своихъ по епархіи епископъ Николай останавливался большею частію у помѣщиковъ и проживалъ иногда, для отдыха, у нихъ по многу дней, особенно у гостепріимныхъ и ласковыхъ помѣщичъ, свита же, во время его продолжительныхъ отдыховъ, проживала на свободѣ, безъ дѣла, по селамъ или монастырямъ, объѣдала и опивала духовенство безпощадно. Самъ Николай былъ безсребренникъ. Но кругомъ его всѣ были поголовно взяточники, особенно зараженъ былъ серебролюбіемъ ключарь Никифоръ Ивановичъ Телятинскій. Онъ былъ у архіерея въ поѣздкахъ самый близкій его сподручникъ; всѣмъ завѣдывалъ и распоряжался, все свидѣтельствовалъ, осматривалъ и высматривалъ,—былъ однимъ словомъ око архіерейское. Но око это было хищническое, высматривавшее, гдѣ что плохо лежитъ. Бывало такъ: войдетъ архіерей и за нимъ ключарь въ какую-либо церковь для осмотра. Архіерей идетъ въ алтарь, ему поютъ, онъ молится, прикладывается къ престолу, посмотритъ антиминь и идетъ назадъ благословлять, подъ *Εὐχολογία* ѣтъ, *δέσποτα* народъ. А тѣмъ временемъ, подъ шумокъ и подъ громкимъ пѣніемъ ключарь уже орудуетъ около церковнаго старосты, у денежнаго ящика, повѣряя прихода-расходныя книги и считая наличную церковную сумму. Повѣрка и счетъ, конечно, были только для близору, фиктивные; да и повѣрять и счетъ соображать ключарь способенъ не былъ и не умѣлъ, какъ человѣкъ малограмотный, стариннаго образованія. Онъ поступалъ тутъ очень просто—безъ затѣй. Перелистывалъ только книги и, доходя до мѣста, гдѣ для него вложены были деньги, охотно бралъ ихъ въ карманъ и съ словомъ „вѣрно все“ складывалъ книги, отдавая старостѣ. Счетъ же наличной суммы производилъ такъ: кучу высыпанныхъ изъ ящиковъ денегъ онъ начиналъ своею жирною рукою, съ видимою нѣжностію и мягкостію, поглаживать и расширять, отдвигая къ сторонкѣ монеты цѣнныя—золотые и цѣлковые, и достаточное количество ихъ преспокойно забиралъ рукою и клалъ въ карманъ, за то ужъ и расхвалитъ за исправность и образцовый порядокъ и старосту, и настоятеля. Такъ обиралъ каждую церковь: бралъ и добровольную дачу, бралъ и своевольно. Отецъ мой Егоръ Матвѣевичъ рассказывалъ такой случай: былъ въ одной изъ церквей его благочинія старостою одинъ честный и богобоязненный крестьянинъ. На должности своей былъ онъ человѣкомъ новымъ—по первому еще выбору; слѣдовательно, былъ еще неопытенъ, не оголтѣлый. Ему и пришлось, въ одну изъ заѣздокъ архіерея въ церковь, увидѣть въ первый разъ оригинальный счетъ церковныхъ денегъ, производимый ключаремъ Телятинскимъ. Староста при этомъ до того растерялся и перепугался, что совершенно безучастно, какъ автоматъ, смотрѣлъ на ключарскія продѣлки. А ключарь, пользуясь перепугомъ и автомат-

ствомъ, преспокойно повыбралъ изъ его кучи всѣ цѣнныя монеты. Когда дѣло кончилось, староста въ „попыхахъ“ прибѣгаетъ къ моему отцу, какъ благочинному, и съ ужасомъ рассказывалъ ему, какъ Телятинскій всѣ золотые и цѣлковые поклалъ себѣ въ карманъ. „Молчи, молчи“, говорилъ ему отецъ, „иначе накличешь бѣду и себѣ и намъ“. И не скоро его уговорилъ успокоиться и молчать пока. Изъ этихъ церковныхъ поборовъ Телятинскій съ теченіемъ времени составилъ себѣ большой капиталъ, накупилъ много земли и слылъ большимъ богачемъ, но жилъ всегда грязно и скаредно. Хотя онъ и стоялъ во главѣ духовенства тамбовскаго, будучи въ послѣднее время кафедральнымъ протоіереемъ, по честь свою навсегда потерялъ. Въ мнѣніи общественномъ онъ былъ посмѣшищемъ, и называли его не иначе, какъ „Телокъ“. Эта кличка осталась и за его сыновьями, которые всѣ были смѣшные, грязные и бездарные.

Для всѣхъ было непонятно и удивительно, какъ это епископъ Николай, съ большими достоинствами, умный, ученый, стоявшій во главѣ академіи, какъ достойный ея профессоръ и ректоръ, голова свѣтлая, съ сердцемъ добрымъ, въ управленіи Тамб. епархіею могъ окружить себя личностями бездарными, съ низкою нравственностію, безъ образованія, жадными и до денегъ и до водки! и быть, повидимому, ими доволенъ, а къ инымъ и чувствовать и оказывать особое расположеніе. Не менѣе было странно и то, что къ умнымъ и ученымъ личностямъ онъ былъ холоденъ и невнимателенъ. Не любилъ онъ ни ректора, ни профессоровъ семинаріи, ни священниковъ академистовъ, и всегда держалъ ихъ отъ себя далеко, въ полномъ невниманіи. Мнѣ думается, и въ этомъ и даже убѣжденъ,—что въ епископѣ Николаѣ глубоко гнѣздился духъ внутренней гордыни, тотъ традиціонный недугъ нашего епископства, о которомъ ап. Павелъ говорилъ ученику своему епископу Тимоѳею въ посланіи. Этотъ недугъ издавна поражаетъ многихъ нашихъ епископовъ, не безъ вліянія, конечно, на это самого источника этой гордыни—злаго духа, діавола, которому выгодно уязвить перваго пастыря церкви, чтобы удобнѣе затѣмъ вредить пасомымъ. Зараженные этою язвою, иные епископы становятся въ холодное, неприступное, положеніе идоловъ, предъ которыми нужно только благоговѣть, преклоняться и пресмыкаться. Этому идолопоклонническому положенію все благопріятствовало еще отъ глубокой старины. Было крѣпостное рабство, были полновластные господа и безправные рабы. Господа стояли на высотѣ недостигаемой для раба, который со страхомъ поднималъ взоры на высокаго господина. Это крѣпостничество, какъ язвою, заразило все и всѣхъ; съ древнихъ временъ проникло оно и въ духовное званіе и доселѣ дѣйствуетъ въ немъ съ силою, съ одной стороны въ „господинѣ нашемъ“ и владыкѣ епископѣ,

съ другой—во всѣхъ священно-церковнослужителяхъ,—рабахъ и низайшихъ послушникахъ. Епископъ поставленъ на недосягаемой высотѣ для священника, будь онъ и протоіерей,—и всѣмъ обставленъ, какъ полновластный господинъ, а священникъ бьется изъ-за своихъ правъ, какъ рыба объ ледъ, и съ усиленіемъ выбиваетъ себѣ даже кусокъ насущнаго хлѣба. При такомъ неравновѣсіи, при такихъ противоположныхъ крайностяхъ, между которыми отсутствуетъ истинное Христово братство, вслѣдствіе того засѣдаетъ на одной сторонѣ властолюбивая гордыня, а на другой осѣдаетъ приниженное рабство, вопреки церковному строю по духу Христа и апостоловъ,—и происходили прежде,—да и теперь ихъ не мало,—такія явленія, что и лучшіе изъ епископовъ болѣе склоняются къ раболѣпной посредственности и бездарности, даже низменной нравственности, своею благосклонностію, чѣмъ къ уму, учености, убѣжденности и стойкой нравственности, не допускающей низкаго раболѣпія, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ подчиненному имъ духовенству, потому что первые атрибуты пріятно удовлетворяли жажду угнетающаго ихъ недуга, а послѣдніе атрибуты этой жаждѣ не только нимало не удовлетворяли, а еще злѣе ее растравляли и разжигали. Отъ того и епископъ тамбовскій Николай, страдая традиціоннымъ епископскимъ недугомъ, чувствовалъ себя лучше въ средѣ тѣхъ своихъ подчиненныхъ, которые, по складу и ладу своему, и способны были только на то, чтобы въ глаза ему подобострастно лстать, предъ нимъ раболѣпно преклоняться, и пресмыкаться, и трепетать, и все, что ни прикажетъ, безпрекословно и безъ разсужденій исполнять, а за глаза ухитряться вознаградить себя зато всяческими полученіями и хищеніями, пуская въ ходъ всѣ свои грубые инстинкты. Отъ того не лежала душа его къ людямъ ученымъ, умнымъ, академическаго образованія, имъ не было хода къ виднымъ мѣстамъ и священническимъ въ Тамбовѣ, ихъ не пускали и въ консисторію на дѣятельность, они не имѣли близкаго доступа къ владыкѣ. И все это потому, что они умѣли владыку, какъ слѣдуетъ, понять и оцѣнить, желали бы съ нимъ обо всемъ поразсудить и по-братски-христіански поговорить, но не умѣли раболѣпствовать, пресмыкаться и трепетать. Отъ того все епископское Николаевское управленіе было какое-то ужасно хаотическое. Окружающая его излюбленная среда опутала его сѣтями и образовала кругомъ и около нестерпимо смрадное болото, которое постепенно затягивало его все болѣе, пока не задохнулся. Объ этихъ безобразіяхъ долго не доходило до Синода въ Петербургъ. Не было тогда ни дорогъ желѣзныхъ, ни телеграфовъ. Да и Синодъ, не стоя на высотѣ своего положенія, въ болотахъ провинціальныхъ усматривалъ только тишь и гладь и совершенно былъ покоенъ, находя въ кудрявыхъ отчетахъ епархіальныхъ, что

„все обстоит благополучно“. Но время свое брало. Николай уединился, заключившись въ кабинетъ, чѣмъ-то заболѣлъ, говорили, что запоемъ. Въ Синодъ отъ обижаемыхъ и притѣсняемыхъ поступило много жалобъ; стали доходить до Петербурга дурныя вѣсти и отъ стороннихъ лицъ, отъ лицъ вліятельныхъ къ вліятельнымъ. На жалобы отъ духовенства на епископа тогда очень мало обращали вниманія и большею частію оставляли подъ сукномъ,—это и теперь дѣлается; если какая жалоба вопіяла уже о правдѣ, то еѣ на разборъ присылали епископу же, по фиктивнымъ требованіямъ свѣдѣній и заключеній, и становился самъ епископъ судьей во своемъ дѣлѣ, и рѣшеніемъ его удовольствовался и Синодъ. Поэтому однѣ жалобы не побуждали бы Синодъ обратить побольше вниманія на то, что дѣлается въ епархіи Николая, если бы не было другихъ сильныхъ вліяній. Какъ бы то ни было, впрочемъ просіялъ лучъ наконецъ и въ нашемъ темномъ царствѣ. Духовенство услышало съ радостію, что епископъ Николай увольняется на покой въ Трегуляевъ монастырь, а на его мѣсто назначается ректоръ С.-Петербургской академіи, епископъ винницкій Макарій. Это было въ 1856 или—57-омъ году.

По увольненіи Николай еще года три-четыре проживалъ въ монастырѣ въ болѣзненномъ состояніи, постоянно сидѣлъ или лежалъ въ своей комнатѣ и рѣдко-рѣдко когда выѣдетъ прокатиться по лѣсу трегуляевскому. Постоянно все пухнулъ, сталъ и въ лицѣ и во всемъ корпусѣ одутливымъ и безобразно толстымъ, ноги едва передвигалъ,—было что-то въ родѣ водянки, всецѣло его объявшей. У него проживала постоянно одна женщина подъ именемъ Домны, юркая и бойкая, ходила за нимъ и помогала ему своими услугами въ слабости и болѣзни; и при этомъ много его обирала. По смерти своей онъ ничего почти не оставилъ въ наслѣдство своимъ родственникамъ и въ предсмертной своей запискѣ, завѣщая кое-что оставшееся кому-то изъ родственниковъ или монастырю, написалъ лаконически: „Домну не обижать“.

Отецъ мой Егоръ Матвѣичъ продолжалъ быть благочиннымъ, будучи имъ безпрерывно во все 14-ти лѣтнее управленіе Николая. Въ это безурядное время много ему приходилось испытать тревожныхъ и страховъ и отъ консисторіи, и отъ архіерейской челяди. Чтобы не нажить отъ нихъ напрасной бѣды, много нужно было имъ плачиваться, а производить напрасные расходы было не изъ чего. Случился еще съ нимъ пожаръ, истребившій все имущество въ домѣ и домъ. Нужны были расходы на стройку и устройство. Вотъ и надо было много думать и ухищряться, какъ бы подешевле застраховать себя отъ возможныхъ бѣдъ и напастей со стороны владычней канцеляріи и консисторіи, и обезпечить себѣ хоть маленькую свободу

жить и дышать. Сначала онъ думалъ помочь горю тѣмъ, чтобы какъ можно рѣже бывать въ консисторіи и давать взятку самымъ нужнымъ экземплярамъ. Но это мало помогало. Онъ жилъ все подъ какимъ-то страхомъ, особенно когда доходили до него слухи изъ Тамбова, что консисторія имъ недовольна за то, что онъ ее знать не хочетъ. Эти слухи привозили ему пьяные писцы консисторскіе, которыхъ временемъ и по очереди консисторія имѣла обыкновеніе распускать по епархіи „кормиться“. Эти убогіе писцы, какъ Некрасовскіе „калики-перехожіе“, всегда пьяные, оборванные и грязные, разѣзжали на подводкахъ отъ духовенства отъ села до села по священникамъ, которые должны были ихъ кормить, поить и деньжонки давать на семейство и бѣдность: у благочиннаго конечно они всего этого получали побольше и заживались подольше. Тяжело было отцу принимать, и терпѣть долго, и угощать этихъ словоохотливыхъ за графиномъ водки компаньоновъ. Но зато услышать, бывало, отъ нихъ, и вѣрно, всю подноготную консисторіи и владычнаго двора. Мать, бывало, скажетъ ему: Зачѣмъ ты возишься такъ съ этими стрекулистами? Не принималъ бы, или хоть поскорѣе спровадилъ ихъ, безъ хлопотъ? „Ничего ты не знаешь“, скажетъ на это отецъ; „добра-то во всей консисторіи никто тебѣ не сдѣлаетъ, а пакости много сможетъ надѣлать тебѣ и послѣдняя консисторская гнида“. Чтобы избавиться отъ консисторскаго страха, отецъ волей-неволей долженъ былъ быть къ консисторіи поощрѣе. И когда въ нужныхъ случаяхъ приходилось ему пріѣзжать въ Тамбовъ, то онъ уже, съ щедрыми, по его состоянію, подарками обходилъ нужныхъ людей по домамъ и всѣмъ въ консисторіи, до сторожей включительно, непремѣнно уже считалъ нужнымъ дать. Ну, и сталъ жить поспокойнѣе, и даже камилавку отъ консисторіи получилъ, безъ предварительнаго подхода и расхода, оплатившись не мало только при полученіи. Я учился въ это время въ Казанской духовной академіи,—и ученіе мое продолжалось въ ней съ 1852 по 1856 годы.

Казанская академія вызывала изъ Тамбовской семинаріи трехъ лучшихъ студентовъ на VI курсъ. По окончаніи богословскаго класса въ академію избраны были ректоромъ Платономъ трое—Красивскій, Дубровскій и я, Пѣвницкій. При отправленіи семинарія, на казенный счетъ, снабдила насъ деньгами прогонными на двѣ тройки и кормовыми посуточно до Казани, по положенію. Экономъ Степанъ Абрамовъ Березневскій на казенный счетъ построилъ намъ по нѣскольку рубашекъ толстаго полотна. Мы его усердно упрашивали предварительно не давать намъ натурой ни рубахъ, ни картузовъ, потому что все это у насъ свое было въ достаткѣ и въ лучшемъ видѣ; а далъ бы лучше деньгами, чего вещи стоятъ. Но онъ денегъ не далъ, а

навязалъ рубахи и картузы, которые, какъ не подходящіе намъ и неужные, такъ и пропали даромъ. Это тотъ Степанъ Абрамовичъ, о которомъ сказано назади; недаромъ его семинаристы и другіе ученики не семинаристы называли „стаканъ барабанычъ“, что къ нему очень шло. Въ ущербъ намъ еще и Платонъ ректоръ навязалъ намъ на нашъ счетъ изъ прогонныхъ и кормовыхъ денегъ довести до Казани одного уже проучившагося въ академіи два года пятого курса и пріѣхавшаго въ Тамбовъ провести каникулы на родинѣ. Этотъ студентъ былъ Яковъ Петровичъ Охотинъ, теперешній епископъ симбирскій Варсонофій. Такъ мы, вопреки своихъ расчетовъ, и лишились денегъ, сбереженныхъ бы отъ прогоновъ на цѣлую тройку до Казани, рассчитывая было ѣхать безъ Охотина троимъ на одной тройкѣ. Въ первый разъ мы испытали муку ѣзды на тряскихъ почтовыхъ телѣжкахъ въ тройку мчащихся лошадей по скверной дорогѣ цѣлыхъ восемьсотъ верстъ. Но молодость вынослива. И мы пріѣхали въ академію, хоть въ грязи, пыли и порванные, но здоровые къ 15-му августа на пятые сутки ѣзды. Вскорѣ начались пріемные экзамены по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, продолжавшіеся цѣлую недѣлю съ лишнимъ. Экзаменовали строго, и спрашивали много. Для оцѣнки сочиненій давали писать два разсужденія по-русски и по-латыни. Но мы, три брата, выдержали экзаменъ безъ препятствій.

III.

Составъ свѣтскихъ профессоровъ въ Казанской академіи.—Профессоры-монахи.—Архимандритъ Ѳеодоръ.—Его плачевная судьба.—Вербовка въ монахи.

Составъ академическихъ профессоровъ въ Казани съ ректоромъ во главѣ былъ въ это время образцовый. Всѣ были люди даровитые, талантливые, преподавали свои предметы и читали лекціи блистательно. Ректоръ, архимандритъ Нароеній, впоследствии епископъ томскій и архіепископъ иркутскій, особенно заботился объ умственномъ развитіи студентовъ и приученіи ихъ къ сочинительству. Кромѣ задаваемыхъ профессорами ежемѣсячныхъ сочиненій на темы по своему предмету, за чѣмъ особенно самъ слѣдилъ и побуждалъ непремѣнно написать въ мѣсяцъ и подать въ срокъ, онъ сверхъ того давалъ отъ себя темы для обыденныхъ—скорыхъ и малыхъ сочиненій, желая приучить студентовъ къ писательству глубокому, основательному и скорому. Кромѣ того въ старшемъ курсѣ студентовъ обязывалъ непремѣнно составить, по всѣмъ правиламъ гомилетическаго искусства,

по нѣсколько проповѣдей въ годъ. Самъ былъ хорошій проповѣдникъ и искусный собесѣдникъ и говорунъ. Онъ любилъ иногда дѣлать въ академіи ученыя собранія профессоровъ со студентами, на которыхъ лучшіе студенты читали свои сочиненія, и по поводу ихъ заводилъ споры и бесѣды со студентами, втягивая въ нихъ и всѣхъ профессоровъ; самъ говорилъ и спорилъ съ воодушевленіемъ, вызывая на то же и другихъ, и искусно все направляя къ выясненію дѣла. Студенты съ интересомъ слѣдили и слушали эти увлекательные споры и бесѣды, а нѣкоторые особенно даровитые принимали въ нихъ активное участіе, какъ Щаповъ, впослѣдствіи извѣстный писатель. Ректора Парѣенія всѣ студенты любили и уважали особенно за то, что онъ человѣкъ открытый, гуманный, искренній, серьезный и благонамѣренный. Не было въ немъ и тѣни чего-либо напускнаго, монашески-фарисейскаго. Съ профессорами онъ жилъ дружески и обращался, какъ равный имъ, для студентовъ былъ добрымъ отцемъ-руководителемъ. Въ академіи онъ прослужилъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Вытребовали его въ Петербургъ на чреду. Объ этой чредѣ онъ рассказывалъ, что она для кандидатовъ архіерейства порядочная пытка въ томъ особенно, что много натерпишься отъ лаврскихъ жирныхъ монаховъ, среди которыхъ приходится жить на испытаніи. „Э! новенькаго привезли, говорилъ другимъ нахально одинъ монахъ, указывая пальцемъ на меня, когда я изъ своей лаврской кельи вышелъ въ корридоръ, и высокомерно, проходя, озирали меня“, рассказывалъ о себѣ Парѣеній на возвратномъ пути изъ Петербурга уже архіереемъ томскимъ, и на пути остановившись въ Казани—въ академіи. Съ грустію простились съ нимъ всѣ и проводили.

На мѣсто его скоро присланъ былъ изъ Костромы Агафангелъ архимандритъ, состоявшій ректоромъ Костромской семинаріи. Это уже не то, что Парѣеній. Это чистая монашеская мумія. Все въ немъ было напускное, искусственное, начиная съ холодной, постной физиономіи до походки, въ которой онъ былъ какъ бы между небомъ и землею, и ходя, гуляя, не обращалъ повидимому никакого вниманія на встрѣчныхъ, кругомъ и около,—эта встрѣчная мелочь какъ бы не существовала для чего. Намъ—студентамъ эта отвлеченность ректора была выгодна. Мы въ своевольныхъ своихъ отлучкахъ изъ академіи не боялись встрѣчи съ нимъ и смѣло уходили и приходили, зная, что ему не до насъ, и онъ никогда не остановитъ встрѣчнаго студента съ вопросами: „куда, откуда и зачѣмъ.“... Съ профессорами онъ обращался свысока и держалъ ихъ отъ себя на дистанціи. За то предъ архіепископомъ Григоріемъ самъ держался до крайности подобострастно. На экзаменахъ и частныхъ и даже публичныхъ, когда архіеп. Григорій спрашивалъ студентовъ по предмету ректора, сей вознося-

щійся въ средѣ академической Агафангелъ ступевывался въ позѣ униженно-смиренной и стоялъ на ногахъ предъ Григоріемъ все время, пока продолжался экзаменъ, держа себя въ струнку.

Изъ профессоровъ особымъ уваженіемъ пользовались: Димитрій Ѳедотычъ Гусевъ, Нафанаилъ Петровичъ Соколовъ, Григорій Захарычъ Елисеевъ и Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ.

Гусевъ былъ уже старѣйшій заслуженный профессоръ; преподавалъ математику и физику; имѣлъ умъ острый, свободомыслящій и характеръ веселый. Въ преподаваніи своего предмета онъ употреблялъ особыя приемы, только къ нему одному идущіе. Преподаваніе онъ велъ живымъ языкомъ, безъ лекцій, по тетрадкамъ, ходя по аудиторіи съ заложенными назадъ руками, съ улыбающимся всегда лицомъ и изящными гримасами на немъ, онъ искусно и разумно уяснялъ намъ, что нужно, увлекательнымъ и блестящимъ языкомъ. Въ объясненіяхъ своихъ онъ имѣлъ обыкновение, часто обращаясь къ студентамъ и упорно смотря имъ въ глаза, говорить: „Такъ-съ, милостивые государи“? И въ рѣчи его постоянно слышались слова къ студентамъ: „ваши блестящія головы“, „вы джентльмены великіе“, а то и „гуси великіе“, смотря по обстоятельствамъ. И все это выходило у него преискусно, и какъ нельзя кстати, и чрезвычайно забавляло студентовъ. Несмотря на то, что математика и физика тогда и въ семинаріи и въ академіи были въ пренебреженіи, и начальство смотрѣло на нихъ, какъ на какія-то низшія науки, которыми можно и не заниматься, и проходить курсъ ученія безъ вреда, но у Дмитрія Ѳедотыча аудиторія была всегда полна, его всѣ съ интересомъ слушали, и всѣ студенты болѣе или менѣе учились, а многіе изучали основательно и съ особымъ прилежаніемъ. Проницательный Гусевъ, какъ надо навѣрное думать, для этого именно и употреблялъ въ преподаваніи свой оригинальный и замѣчательный приемъ, приводившій дѣло къ успѣху... Гусевъ былъ большой руки острякъ и даже скалозубъ въ частныхъ бесѣдахъ, въ своемъ кружкѣ. Особенно любилъ онъ острить надъ тогдашнимъ ученымъ монашествомъ. Онъ возмущался тѣмъ обстоятельствомъ, что молодые студенты иногда рѣшались поступать въ монашество изъ-за парты,—что монашествующее начальство не только ихъ не удерживало отъ незрѣло-ранняго рѣшенія, но всѣми мѣрами къ тому поощряло и уговаривало,—что студента, сдѣлавшагося монахомъ, даже посредственнаго, несправедливо возвышали въ число лучшихъ, давали оканчивать курсъ магистромъ, и назначали прямо на инспекторское мѣсто въ семинаріи, съ легкимъ ходомъ впередъ къ архіерейству;—что такое монашество плодитъ только карьеристовъ, которые, вѣроломно и клятвопреступно принимая великое постриженіе, имѣютъ въ виду только удобное возвышеніе впередъ—

къ власти, почестямъ и богатству;—что принципъ истиннаго монашества чрезъ это антихристiански извращается, плодя въ ученыхъ, такого карьеристскаго склада и лада, монахахъ только евангельскихъ книжниковъ и фарисеевъ, возсѣдавшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ, на горе себѣ и другимъ не на радость. Онъ высказывалъ всегда съ сожалѣніемъ, что начальство академіи—ректоры непрестанно и слишкомъ часто мѣняются, чѣмъ много колеблутъ строй академіи и стихійно расшатываютъ въ ней то, что исторически складывалось въ прочное основаніе, дѣйствуя по своему, личному вкусу и тенденціямъ, какъ на перепутьи къ другой высшей карьерѣ. „Охъ, эти наши,—каламбуриль онъ, монахи,—имена, кончающіяся на ахи. Они въ математикѣ съ физикой находятъ ереси, отвлекающія отъ царства небснаго“. За это очень не любили его начальники—монахи и обходили его наградами. Но наградами онъ и не интересовался, и онѣ для него ничего не значили, передъ ромомъ ямайскимъ, который онъ до страсти любилъ попивать съ чайкомъ, находя въ этомъ утѣшеніе и развлеченіе во всѣхъ напастяхъ.—Дослуживая до пенсіи, онъ часто говаривалъ: „поскорѣ бы дослужить и выйти въ отставку на пенсію, а то, чего добраго, дождешься и того, что и Митька поступить въ ректоры академіи“. Митька этотъ былъ одинъ студентъ въ академіи, пошлый и тупой, но, поступивъ въ монахи, кончилъ курсъ академіи магистромъ и поступилъ въ инспекторы Тамбовской семинаріи, а затѣмъ былъ ректоромъ семинаріи какой-то Сибирской, спился тамъ съ кругомъ и умеръ въ сумасшествіи. О немъ сказано выше. Поэтому Димитрію Ѳедотовичу не пришлось дожидаться въ академіи ректора—Митьки. Онъ уже безъ опасенія этого и съ спокойною душою вышелъ изъ академіи въ отставку—на пенсію, и умеръ на полной свободѣ, будучи во все время своей жизни холостякомъ.

Нафанаилъ Петровичъ Соколовъ былъ профессоромъ философіи и читалъ намъ свои лекціи съ потрясающимъ паѳосомъ и одушевленіемъ. Онъ былъ не высокаго ума, а средняго, но весьма здраваго и крѣпкаго, зато физически былъ удивителенъ: громаднаго роста и громадныхъ размѣровъ всѣхъ частей тѣла отъ головы до ногъ, и съ громаднымъ голосомъ, которымъ поспорилъ бы съ любымъ протодіакономъ. Смотри на него, я всегда вспоминалъ тамбовскаго протодіакона Савушку, о которомъ я говорилъ выше... Нафанаилъ Петровичъ входилъ медленно, еще медленнѣе раскланивался и усаживался на кафедру, готовясь къ чтенію. Начиналъ чтеніе самую низкою октавой и, постепенно гармонически возвышая голосъ, незамѣтно переходилъ на высокую ноту басовика и держался на этой высотѣ до конца лекціи, или лучше до звонка. Во время этого чтенія и самъ, соотвѣтственно голосу, постепенно входилъ, какъ отъ музыки голоса,

такъ и отъ содержимаго своей лекціи, въ большій и большій паѳосъ, понуждавшій его раскачиваться на каедрѣ всѣмъ своимъ громаднымъ корпусомъ, приводить въ движеніе и ноги, и руки, которыми онъ часто хватался за свою голову и поправлялъ на ней свои густые и длинные волосы, и опирался тяжело на каедрю. И стулъ, на которомъ, онъ сидѣлъ, и столъ, и полъ каедры—все подъ нимъ приходило въ движеніе—скрипѣло и трещало. Этотъ паѳосъ отражался и на насъ—студентахъ. Мы весело слушали его и съ особымъ интересомъ всматривались въ его вдохновенное лицо и услаждались эффектною декламаціею его рѣчи съ музыкальнымъ голосомъ. Но при этомъ всегда думали, съ опасеніемъ, какъ бы нашъ Нафанаилъ Петровичъ своею громадою и въ паѳосѣ не разрушилъ всей каедры... Въ обыденной своей жизни онъ казался всегда равнодушнымъ, а порой и великодушнымъ; смотрѣлъ на всѣхъ упорно во всѣ свои большущіе глаза, смѣло и насмѣшливо; говорилъ рѣдко и крѣпко. Жилъ кредитно, любилъ денежку и крѣпко ее приберегалъ. „Денежка, говорилъ онъ, крылышко, куда захотѣлъ, туда и полетѣлъ“. Ведя философскую, строго воздержанную жизнь,—отнюдь впрочемъ не скаредную, онъ не отказывалъ себѣ ни въ чемъ необходимомъ и ѣздилъ всегда на своей лошади—буцефалѣ,—онъ счумѣлъ скопить себѣ капиталецъ чистыми деньгами въ 40 тысячъ, который по смерти его и по его завѣщанію поступилъ всецѣло во всѣ четыре академіи по равной части. Всю службу свою онъ провелъ на профессорской должности въ Казани. Былъ всегда и всѣми уважаемъ, какъ достойнѣйшій профессоръ и человѣкъ. Одинъ лишь изъ ректоровъ академіи, уже подъ конецъ его службы, архимадрить Іоаннъ, впоследствии епископъ смоленскій, человѣкъ прегордый и очень злобный, отнесся къ Нафанаилу Петровичу съ крайнимъ неуваженіемъ и грубостію, и всячески старался вытѣснить его изъ академіи, въ видахъ чего и устроилъ такъ, что Нафанаилу Петровичу неизбежно стало перейти съ каедры философіи, на которой провелъ всю свою долгую службу, на новую для него каедрю церковной исторіи, или выйти совсѣмъ изъ академіи,—одно изъ двухъ. По силѣ своего философскаго характера онъ великодушно принялъ каедрю церковной исторіи, а изъ академіи въ угоду Іоанна не вышелъ, и, вооружившись нѣмецкими книгами, преспокойно сталъ преподавать, вмѣсто философіи, исторію, и долго еще, по выbytіи Іоанна, преподавалъ на славу. Перевелъ даже съ нѣмецкаго языка на русскій полную церковную исторію Гасса и издалъ ее отъ себя въ печати, сдѣлавъ тѣмъ неоцѣненную услугу всѣмъ преподавателямъ исторіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Умеръ онъ въ отставкѣ съ пенсіей послѣ сорокалѣтней службы профессорской и похороненъ на своей родинѣ въ Самарѣ, епископомъ Серафимомъ, который былъ

при немъ въ Казанской академіи монахомъ—бакалавромъ и затѣмъ инспекторомъ академіи.

Григорій Захаровичъ Елисеевъ былъ профессоръ по кафедрѣ исторіи русской церкви. Это человѣкъ высокаго ума и прямого, честнаго характера, и отличался особенною способностію составлять увлекательныя лекціи, съ дарованіемъ талантливаго писателя, только дикція его была плоха, — читалъ не совсѣмъ ясно. Въ классѣ читалъ онъ свои лекціи съ какою-то осторожностію, держа ихъ въ рукахъ, облокотившись на кафедру, на которой всегда клалъ печатную книгу, Исторію Филарета Черниговскаго. Въ нихъ онъ излагалъ не виѣшнюю официальную исторію, которая въ книгѣ Филарета, а внутреннюю, которую не найдешь въ книгѣ, несмотря на то, что ее-то больше всего нужно знать, и излагалъ весьма свободно, на чистоту, самымъ честнымъ откровеннымъ порядкомъ. Студенты съ затаеннымъ дыханіемъ вслушивались въ его откровенныя рѣчи и нерѣдко съ оваціями провожали его, по окончаніи, изъ класса. Только не всегда онъ могъ питать насъ такими лекціями, такъ какъ въ тогдашнее время крайне было опасно либеральничать, въ правдѣ, —сейчасъ найдутъ въ умныхъ рѣчахъ всевозможныя ереси, —и васъ осудятъ, проклянутъ, ради собственной выгоды. Да и косо на него смотрѣли монахи академическіе. Онъ имъ сталъ уже казаться опаснымъ и подозрительнымъ, —какимъ-то Мефистофелемъ. По наружности своей онъ держалъ себя скромно, говорилъ мало, и въ разговорахъ его замѣчалась всегда саркастическая улыбка. Такой глубокой и широкой внутренней натурѣ тѣсная рамка профессора духовной академіи была невыносима. Онъ давно уже подумывалъ о выходѣ изъ академіи, и при первомъ открывшемся случаѣ вышелъ съ поспѣшностію, поступивъ въ Сибирскій край въ какіе-то окружныя начальники. Но и тамъ немного послужилъ. Приѣхалъ въ Петербургъ и всею душою отдался свободной журнальной литературѣ, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ былъ постояннымъ сотрудникомъ разныхъ журналовъ, особенно „Современника“ и „Отечественныхъ записокъ“, гдѣ его статьи, и особенно по внутреннимъ обозрѣніямъ, составляли украшеніе журналовъ. Одно время онъ издавалъ и газету—„Русскіе очерки“, и былъ редакторомъ „Отечественныхъ записокъ“. Статьи свои онъ печаталъ безъ подписи своей, или подъ псевдонимомъ „Грыцко“. И только послѣднюю предсмертную статью „Прошлое двухъ академій, по поводу смерти Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора Казанской академіи“ подписалъ полнымъ пменемъ „Григорій Елисеевъ“. Замѣчательная статья эта напечатана въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1891 годъ; а самъ онъ умеръ въ февралѣ того же года. Газеты и журналы объявили печальную вѣсть о его смерти всему читающему міру и своими статьями

сдѣлали извѣстнымъ всѣмъ имя такого даровитаго и плодовитаго писателя, статьяи котораго зачитывались, не менѣе Салтыкова-Щедрина, всѣ умные люди.

Въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Елисеевымъ состоялъ въ академіи профессоръ словесности Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, памяти котораго посвящена была послѣдняя и задушевная статья Григорія Захаровича, не забывавшаго своего друга до гроба. Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ былъ человѣкъ необыкновенно мягкаго сердца, съ эстетическимъ вкусомъ; талантливый и до крайности трудолюбивый. Лекціи свои онъ обрабатывалъ самымъ тщательнымъ образомъ, придавая имъ во всѣхъ отношеніяхъ особое изящество. Читалъ ихъ студентамъ, хоть и тихимъ голосомъ,—онъ былъ слабъ здоровьемъ,—но до того сердечно, что невольно увлекалъ и самаго невнимательнаго студента къ особому вниманію. Особенно увлекательны были его лекціи по предмету эстетики и по критическому разбору поэтовъ и писателей,—особенно Гоголя и Лермонтова, на которыхъ онъ останавливался съ особою любовію. Многіе студенты, благодаря Ивану Яковлевичу, читали усердно всѣ сочиненія Гоголя и Лермонтова, и изучали сами, заучивали наизусть много стихотвореній и постоянно декламировали ихъ по своимъ комнатамъ въ свободное время; Лермонтовское: „Печально я гляжу на наше поколѣнье...“; или „Въ минуту жизни трудную...“ или: „И скучно и грустно и некому руку подать“... или: „Восходитъ чудное свѣтило въ душѣ проснувшейся едва“... вездѣ, въ незанятое время, слышится у того или другаго студента, пробующаго освѣжать и вдохновлять свое юношеское сердце. А Гоголевскія сочиненія читали почасту, вмѣстѣ, собираясь кружками. Ухитрялись добывать и тѣ сочиненія Гоголя, которыя еще не были напечатаны и ходили по рукамъ въ рукописяхъ, слывя запрещенными, и спѣшили читать и въ одиночку по секрету и собираясь въ кагалы. Благодаря Ивану Яковлевичу студенты сами побуждались и располагались добывать и читать иностранныхъ поэтовъ и романы Диккенса, Теккерея, Купера и другихъ... Будучи отъ природы человѣкомъ смирнымъ, кроткимъ и робкимъ, онъ мирился со всѣми невзгодами, которыя вносили въ мирную и тихую академическую жизнь, какъ стихійная сила, иные изъ постоянно мѣнявшихся ректоровъ академіи—монашествующихъ, какъ Іоаннъ, негодовавшій на то, что въ академіи почти нѣтъ монаховъ, а все „попы одни, да женатые“,—и притаившись и живя осторожно, какъ Щедринскій пискарь, тихонько продолжалъ дѣлать дѣло и думать думу безъ шума. Онъ былъ женатый, и женился по любви на дочери профессора же академіи Саблукова, лингвиста по восточнымъ языкамъ, безъ приданаго, такъ какъ тестъ былъ бѣденъ и имѣлъ другую дочь, которую тоже по любви, взялъ

за себя другой профессоръ Гвоздевъ, и тоже безъ приданого, чѣмъ и выведенъ былъ изъ нужды многосемейный Саблуковъ. Жена наградила Ивана Яковлевича супружескимъ счастіемъ и многочисліемъ. Въ семействѣ только онъ находилъ и утѣшеніе и отраду, и живительный отдыхъ отъ своихъ постоянныхъ официальныхъ и частныхъ занятій, вадъ которыми трудился, не покладая рукъ и не жалѣя силъ. И какъ чадолюбивѣйшій отецъ семьи, непрестанно боялся, какъ бы чего худого не случилось съ нимъ, и не осталась въ горѣ и бѣдности семья. Поспокойнѣе душою онъ сталъ только тогда, когда на должности ректора академіи оказался человекъ не кочующій, а устойчивый и осѣдлый, изъ профессоровъ богословія Казанскаго университета, протоіерей Николай Поликарповичъ Владимірскій, солидный, опытный и великодушный, и къ тому же по курсу ученія въ Казанской академіи однокашникъ товарищъ. Съ поступленіемъ въ ректоры этого устойчиваго человека, жизнь академіи упрочилась и потекла по своему руслу ровно и солидно, стихійныя невзгоды перестали ее тревожить. Иванъ Яковлевичъ свободно и съ радостію трудился, и работалъ, и много наработалъ и письменной, и печатной работы въ продолженіе сорока лѣтъ служенія академіи. Одна его Исторія Русской литературы отъ древнѣйшихъ временъ, сочиненіе обширное и капитальное, прославила его въ мірѣ ученомъ и приноситъ пользу огромную всѣмъ преподавателямъ словесности и учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ,—не говоря о другихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ по разнымъ журналамъ. Умеръ онъ на должности, и за работой съ перомъ въ рукѣ; а семейство все-таки оставилъ безъ достаточнаго обезпеченія. Иванъ Яковлевичъ, служа въ академіи, долго не получалъ никакихъ служебныхъ наградъ и отличій, кажется, до своего юбилея. Монашествующее начальство тогда и не считало нужнымъ представлять къ наградамъ людей свѣтскихъ. По скромности своей онъ впрочемъ объ нихъ и никогда не думалъ, и бѣгалъ отъ всякаго его чествованія, какъ отъ язвы. Когда академическая корпорація задумала почестъ его двадцатипятилѣтній юбилей, онъ усиленно уговаривалъ всѣхъ не затѣвать для него пустаго дѣла. И когда его чествованіе состоялось, онъ въ скромномъ смущеніи, въ своихъ отвѣтахъ на привѣтственные рѣчи, почасту употреблялъ такія слова: „не заслужилъ я такого чествованія, и зачѣмъ это? Вѣдь я вовсе не особа“. Но профессоръ Знаменскій, извѣстный по изданію въ печати Исторія Русской церкви, бывшій его ученикъ, говорилъ ему на это, что „чествуютъ его не какъ особу, но чествуютъ, какъ достойнаго учителя, его благодарные ученики,—а судъ учениковъ самый строгій судъ“... Но, служа долго въ академіи, въ другую половину службы Иванъ Яковлевичъ

дослужился до большихъ чиновъ и наградъ. Къ концу своей жизни онъ имѣлъ уже и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и какую-то звѣзду. Елисеевъ, въ своей послѣдней статьѣ „Вѣстника Европы“ говоритъ, что „въ перепискѣ со мной онъ никогда не упоминалъ объ этомъ и намеками, и когда я самъ узналъ объ этомъ, то Иванъ Яковлевичъ въ письмахъ своихъ всегда требовалъ отъ меня—не величать его превосходительствомъ, а писать просто, какъ всегда было, безъ титуловъ“.

Другіе профессора были тоже не менѣ достойные люди, болѣе или менѣ уважаемые всѣми, именно: Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій, уже дослужившій пенсію, преподавалъ Библейскую исторію. Замѣчательный простотою своей жизни, какъ древній философъ: одѣвался въ такую невзрачную одежду, что нельзя было его—статскаго совѣтника, отличить отъ простаго мѣщанина или портнаго, вставалъ съ ранняго утра—часа въ 4—5; дѣлалъ продолжительныя прогулки по полямъ лѣтомъ для моціона, ѣлъ самую простую пищу, не пилъ ни вина, ни ликера, за то страстный охотникъ до чая, котораго онъ выиивалъ цѣлый большой самоваръ одинъ заразъ, наливая вдругъ цѣлый рядъ чашекъ и выпивая ихъ одну за другой безъ перемежки. Роста былъ удивительно длиннаго и до крайности сѣхоцавъ. Онъ былъ семейный...

Николай Александровичъ Бобровниковъ—предаровитая личность, но лѣнивый и до крайности небрежный. Родомъ сибирякъ, крѣпышъ по сложенію. Отлично зпалъ и изучилъ монгольско-калмыцкій языкъ и литературу этого языка. Составилъ монгольско-калмыцкую грамматику—такую, что учеными изслѣдованіями и выводами филологическими по монгольско-калмыцкому языку привелъ въ удивленіе ученыхъ по восточнымъ языкамъ и получилъ за нее большую денежную премію отъ Императорской Академіи Наукъ. Въ академіи онъ служилъ недолго и вышелъ въ какіе-то попечители надъ киргизами.

Семень Ивановичъ Гремяченскій преподавалъ естественную исторію. Былъ большой спеціалистъ своего предмета, работая по своему предмету не для академіи, въ которой студенты его не интересовались и не занимались тогда, а для своей ученой цѣли. Онъ готовился занять каѳедру по этой наукѣ въ Казанскомъ университетѣ, который отправлялъ его для ученаго изслѣдованія за Каспійское море,—для изслѣдованія прикаспійской флоры. На эту тему онъ написалъ ученую диссертацию, которую защищалъ въ Казанскомъ университетѣ на докторскомъ диспутѣ блистательно, и за это удостоенъ былъ ученой степени доктора естественной исторіи. Защиту диссертациі я слышалъ и видѣлъ лично въ университетѣ, куда допускали и насъ, студентовъ академіи, и мы были отъ нея въ студенческомъ восторгѣ. Въ университетѣ профессоромъ скоро и поступилъ, только не въ Казанскій,

а какой-то другой, и къ сожалѣнію скоро стало извѣстнымъ, что онъ умеръ отъ чахотки гдѣ-то за границей.

Иванъ Петровичъ Гвоздевъ преподавалъ гражданскую исторію и состоялъ секретаремъ Правленія. Умный, предобрый; но замѣчательно скромный, конфузливый и стыдливый, какъ красная дѣвица. При всемъ томъ лекціи его по исторіи, надъ составленіемъ которыхъ онъ трудился тщательно, были образецъ совершенства и слушались съ большимъ интересомъ. Онъ изъ иностранныхъ источниковъ выкапывалъ самое интересное для студентовъ и излагалъ это блестящимъ остроумнымъ языкомъ. Но много мѣшала дѣлу при этомъ его вѣжливость: вялая и унылая по тону дикція, наклоненная голова съ опущенными внизъ глазами, которыми онъ боялся прямо и открыто смотрѣть на студентовъ. Онъ долго служилъ въ академіи—тихо, смиренно, молчаливо, и умеръ въ ней, доживъ до средней старости. Съ Иваномъ Яковлевичемъ Порфирьевымъ были друзья и родственники, какъ женатые на родныхъ сестрахъ.

Михаилъ Михайловичъ Зефировъ преподавалъ Патристику. Онъ былъ еще и священникомъ при Богоявленской приходской церкви въ Казани, и женатъ былъ на дочери своего предмѣстника священника, уже умершаго, съ поступленіемъ на мѣсто священническое. Человѣкъ былъ умный, но съ капризами, или, какъ говорится, съ „душкомъ“. Въ наше время, пока мы проходили курсъ академическій, онъ жилъ и дѣйствовалъ успѣшно и благополучно. Но при ректорѣ Іоаннѣ онъ оказался много потерпѣвшимъ и долженъ былъ въ свою защиту отъ гоненій и оскорбленій какъ ректора, такъ и епископа Антонія, обращаться съ протестами въ Синодъ. Затѣмъ былъ онъ ректоромъ семинаріи въ Тамбовѣ и, по оставленіи сей должности, поступилъ въ Казанскій университетъ профессоромъ богословія, и по выходѣ въ отставку на пенсіи умеръ въ 1889 году въ средней старости. О немъ есть особая брошюра-некрологъ, составленный и напечатанный проф. Знаменскимъ въ 1889 году въ Казани.

Всѣ поименованные наставники составляли кадръ академіи, въ составѣ своемъ устойчивый и болѣе или менѣе постоянный. Большинство изъ нихъ долго служило въ академіи, дослуживаясь до пенсіи. Всѣ они почти были во цвѣтѣ лѣтъ—молодые, съ энергическими силами, рвущимися на полезную дѣятельность. Одинъ только Беневоленскій, какъ старѣйшій, дослужившійся до пенсіи, казался уже утомленнымъ, но видимо бодрился, дѣлая для поддержанія бодрости большія дистанціи, въ видахъ моціона. Но Гусевъ, несмотря на свои лѣта, немного меньшія лѣтъ Беневоленскаго, по энергіи и веселости, не уступалъ ни въ чемъ молодымъ. Въ этомъ устойчивомъ кадрѣ и находило все академическое студенчество источникъ для

своего знанія и образованія. Его оно цѣлко держалось, къ нему внимательно прислушивалось, и его образомъ возрѣній руководилось въ образованіи своихъ настроеній и направленій, понималъ и чуя въ томъ живую плодотворную силу.

Кромѣ устойчиваго кадра преподавателей, былъ въ академіи еще элементъ наставническій, — подвижной, кочующій. Это профессормонахи, которыхъ, въ нашъ курсъ ученія, было много. Инспекторовъ въ нашъ курсъ было три смѣны. Застали мы при поступленіи въ академію, архимандрита Макарія, бывшаго инспектора Тамбовской семинаріи, о которомъ я упоминалъ выше. Онъ черезъ годъ безслѣдно оставилъ академію и посланъ въ какую-то семинарію. На мѣстѣ его оказался уже служившій въ академіи преподавателемъ Священнаго Писанія, молодой монахъ, и уже архимандритъ, Серафимъ. Въ академію онъ поступилъ бакалавромъ, будучи еще свѣтскимъ, Семеномъ Ивановичемъ Протопоповымъ, элегантнымъ джентльменомъ, умѣвшимъ танцевать и по-французски болтать, и знавшимъ музыку. Онъ былъ сынъ городского московскаго священника, умѣвшаго дать сыну хорошее домашнее воспитаніе. Ему поручили преподавать словесность, которую онъ хорошо преподавалъ, особенно эстетику. Зналъ хорошо философію и эстетику Гегеля, и увлекался возрѣвіями этого философа. И этотъ молодой человѣкъ года черезъ два оказался уже монахомъ, съ строгою и постною фізіопоміею, которую онъ такъ скоро себѣ усвоилъ и умѣлъ всегда носить неизмѣнно. Говорили, что повліялъ на него въ этомъ случаѣ іеромонахъ Антоній—бакалавръ той же академіи, нѣсколько прежде поступившій и въ монашество и въ академію. Съ нимъ Семенъ Ивановичъ прежде всего сошелся и сердечно сблизился. Антоній тоже былъ молодой монахъ, но увлекающійся сердцемъ, и впоследствии не выдержалъ своего поста. Онъ былъ и архіереемъ въ Перми, но, по страсти къ напиткамъ охмѣляющимъ, былъ уволенъ. Но другъ его Серафимъ выдержалъ всѣ монашескіе посты: инспектора въ академіи, ректора въ Тверской семинаріи, епископа викарнаго въ Петербургѣ, самостоятельно—полнаго епископа въ Ригѣ, и еще гдѣ-то, и наконецъ, въ Самарѣ, гдѣ въ 1889 году и умеръ. Инспекторомъ въ академіи онъ былъ съ годъ, и своею безсердечностью, сухостью и тихимъ кошачьимъ обращеніемъ производилъ на всѣхъ студентовъ тяжелое впечатлѣніе, и потому всѣ очень были рады, когда скоро убрали его въ Тверь. На мѣстѣ инспекторскомъ, вмѣсто Серафима, поставили архимандрита Θεодора. Онъ былъ сначала бакалавромъ въ Московской академіи, гдѣ поступилъ въ монашество при окончаніи курса. Въ Казанской академіи онъ съ годъ служилъ только однимъ профессоромъ Священнаго Писанія, и съ переводомъ Серафима дали ему и

инспекторскую должность. Инспекторомъ онъ былъ плохимъ — бездѣлательнымъ; для студентовъ это было льготное время; они были весьма довольны безпритязательностію, равнодушіемъ и невмѣнательствомъ въ ихъ жизнь и порядки отца Θεодора. Но какъ профессоръ своей науки отецъ Θεодоръ былъ образцовый и рѣдкій оригиналъ; по складу своего умственного настроенія, это былъ глубокій внутренній созерцатель—аскетъ, искренне-религіознаго духа, во свѣтъ слова Божія—Христа Богочеловѣка. Его высокое, широкое и глубокое міросозерцаніе основывалось на выработанномъ имъ по слову Божію принципѣ: Богъ вообще по существу своему есть любовь, почивающая въ Сынѣ, въ силѣ Св. Духа; проявляется эта любовь въ отношеніяхъ къ міру черезъ Сына, въ безмѣрномъ обиліи даровъ Св. Духа; это доказано ясно великими дѣлами Божіими: твореніемъ, промышленіемъ и искупленіемъ; Богочеловѣкъ Сынъ Божій, какъ полнота, есть единственный путь, чрезъ который доступна всѣмъ людямъ любовь Отчая и проявляется имъ только этимъ путемъ; — такъ какъ Единородный возлюбленный — сынъ есть полнота отчей любви, „въ немъ все его благоволеніе“. Изъ этого принципа выходили всѣ его размышленія, бесѣды и ученыя изслѣдованія въ сочиненіяхъ и лекціяхъ; имъ они одушевлялись и къ нему возвращались. Непрерывнымъ занятіемъ его всегда было чтеніе и размышленіе съ изслѣдованіемъ слова Божія по книгамъ Священнаго Писанія. Свои размышленія и изслѣдованія онъ старался излагать письменно и давать имъ форму того или другаго сочиненія. Писатель онъ былъ плодовитый и глубокий съ сильною логикою. Празднымъ онъ не любилъ быть ни на минуту. Если и одинъ былъ повидимому безъ дѣла, но мысль его непремѣнно работала серьезно надъ обдумываніемъ чего-либо нужнаго для задуманнаго имъ сочиненія, или для бесѣды въ классѣ. Умственная внутренняя работа и писательство придуманнаго и обдуманнаго, или бесѣда объ этомъ въ классѣ со студентами,—вотъ единственное, возлюбленное его дѣло, въ которомъ онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, какъ птица въ воздухѣ... Онъ написалъ и издалъ въ печати много сочиненій, много осталось въ рукописяхъ ненапечатаннаго. Когда онъ прибылъ въ нашу Казанскую академію изъ Москвы, у него видѣли и читали нѣсколько обширное рукописное толкованіе Апокалипсиса. Сѣтовалъ онъ на митрополита Филарета, что не согласился онъ на отпечатаніе этого сочиненія. Видѣли и читали и другое рукописное сочиненіе, тоже большое—разборъ всѣхъ сочиненій Гоголя съ христіанской точки зрѣнія. Гоголя онъ глубоко уважалъ и имѣлъ съ нимъ, какъ говорили, и переписку... Студентамъ преподавалъ богословіе догматическое по учебнику Макарія. Но методъ изученія Макарьевскій не одобрялъ. „Доказывать и выяснять

догматическія истины не такъ нужно, говорилъ и училъ онъ, какъ у Макарія: приведеніемъ текста Священнаго Писанія и преданія — свидѣтельство отцевъ церкви, и далѣе разумомъ отдѣльно. Разумомъ догматъ не докажешь. Разумъ долженъ соображать по слову Божію и въ его свѣтѣ такъ, чтобы изъ этихъ соображеній ясно становилось и то, почему такъ говорить и слово Божіе и преданіе о той истинѣ, какая изложена въ формѣ догмата“. Держась слова Божія, онъ въ изслѣдованіяхъ и объясненіяхъ истинъ христіанскихъ давалъ свободный ходъ своимъ соображеніямъ, и своимъ острымъ и логическимъ умомъ любилъ углубляться въ самую сущность предмета. Въ Московской академіи онъ преподавалъ Священное Писаніе, и по свойственной ему привычкѣ трудиться надъ дѣломъ своимъ всѣми силами непрестанно и усердно, онъ изучилъ его еще тамъ основательно, и отдался ему всею душою, не оставляя заниматься имъ никогда. Въ этихъ занятіяхъ онъ находилъ неизсякаемый источникъ для своихъ профессорскихъ познаній и обильный матеріалъ для профессиональных лекцій и бесѣдъ со студентами, и для писательства литературнаго въ печати, къ которому чувствовалъ большое призваніе, и которымъ охотно и съ любовью занимался въ свое свободное отъ официальныхъ занятій время, какъ художникъ - писатель. Въ этихъ только занятіяхъ онъ ставилъ все дѣло своей жизни и находилъ утѣшеніе и отраду во всю свою труженическую и многострадальную жизнь. Дома его всегда найдешь съ книжкою въ рукѣ—если онъ свободенъ отъ дѣлъ, и сидѣлъ или ходилъ по комнатѣ,—и книжка непременно Новый Заветъ, въ который онъ постоянно заглядывалъ. Это былъ великій и оригинальный философъ слова Божія, и при этомъ чистокровный монахъ, самаго возвышеннаго достоинства. Онъ жилъ среди людей и вмѣстѣ съ ними работалъ надъ общимъ дѣломъ. Но люди эти, его окружающіе и дѣлающіе съ нимъ общее дѣло, больше дѣла „любили міръ и я же въ міръ“, и были поэтому людьми мірскими. А отецъ Феодоръ былъ человѣкъ не отъ міра сего, онъ жилъ и дѣйствовалъ въ мірѣ, какъ отрекшійся отъ міра и всего, „еже въ немъ: похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской“, и былъ въ полномъ смыслѣ монахъ, занятый только дѣломъ спасенія отъ зла мірскаго, первѣе всего себя, и другихъ—непрестаннымъ и глубокимъ изученіемъ слова Божія, источника „премудрости и разума“, и обученіемъ Божіей премудрости и Божіей силы, по этому единственно источнику, и другихъ, просвѣщая всѣхъ и словомъ и дѣломъ, какъ „велій въ царствіи небесномъ“. Удаляясь отъ всякой житейской суеты и не интересуясь никакими земными благами, онъ и жилъ идеально - монашески уединенно, келейно-одиноко, и внутренно и внѣшно, какъ истинный *μόνος*—монахъ, непрестанно помня великую

клятву монашескаго постриженія—свято держать объѣтъ отреченія отъ мірскихъ пристрастій.

При такомъ образѣ жизни и настроеніи онъ не могъ быть въ близкихъ общеніяхъ ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей-профессоровъ. Даже въ средѣ своихъ ближайшихъ собратій по иноческому объѣту, ректора и профессоровъ-монаховъ, чувствовалъ себя одиноко, не находя нужной общности въ интересахъ. И это понятно,—тѣ монахи, среди которыхъ онъ жилъ въ академіи, были люди вполне отъ міра сего. Они и поступили въ монашество для карьеры, для власти, богатства и почестей. И всѣ ихъ интересы большею частію вращались около однихъ этихъ мірскихъ благополучій, къ которымъ стремилась ихъ жаждающая и алчущая душа. И разговоры у нихъ въ частныхъ компаніяхъ были любимы больше о томъ, кого на какое мѣсто переведенъ, кто какую награду получилъ, а кого—этой наградой обошли, кого повысили, кому ходу не даютъ, какой архіерей имѣетъ доходную епархію, гдѣ онъ большіе доходы получаетъ отъ Почаевской лавры или Саровской пустыни и т. п. Всѣмъ этимъ отецъ Ѳеодоръ интересовался, какъ прошлогоднимъ свѣгомъ. Душа его занята была учеными интересами и жаждала одной правды Христовой, о которой онъ желалъ бы съ своими собратіями по душѣ поговорить и съ назидательностію поразсудить, но этой жаждѣ своей не могъ находить удовлетворенія. А потому и былъ большею частію и скученъ, и грустенъ въ кружкѣ и въ компаніи и своихъ собратій ближайшихъ... Грусть, впрочемъ, никогда не оставляла его и всегда свѣтилась въ его глубокихъ умныхъ глазахъ, придавая всей его фizioноміи грустно-задумчивое выраженіе, и всей его структурѣ страдальческое положеніе. Онъ былъ невзраченъ собой, малаго роста, худощавый, нервный и вообще слабаго здоровья. Смотри на него, всѣ видѣли, что какая-то глубокая скорбь постоянно давила его сердце, но этой скорби окружающая его товарищеская среда, за небольшими исключеніями, понять не могла и не хотѣла, легкомысленно называя его страннымъ человѣкомъ. И такого-то человѣка, истиннаго монаха, который и монашество принялъ для ученаго подвига,—погруженнаго всѣмъ сердцемъ и всею душою въ свою великую науку, въ которой онъ находилъ все свое утѣшеніе, изучая Божію силу и Божію премудрость Христа—Богочеловѣка, въ Его словѣ и дѣлѣ, захотѣли оторвать отъ профессорской, ученой и учебной службы, на которой онъ, какъ сѣмя на доброй землѣ, и способенъ былъ приносить обильный плодъ и „во сто кратъ“, и уже работалъ съ большимъ успѣхомъ и привычною рукой. И оторвали, чтобы повесть по тѣмъ ступенямъ карьеры, по которымъ, съ легкостію не монашескою, удобно идетъ наше ученое монашество и къ власти и къ почестямъ,

съ прибавкою и богатства. И уже повели, но ведомый, по своей внутренней тяжеловѣсности, на этихъ легкихъ ступеняхъ не могъ держаться съ удобствомъ, скоро споткнулся и наконецъ упалъ роковымъ паденіемъ. Если бы дали этому человѣку всѣ удобства работать въ академіи, тихо, мирно, безъ шума и тревогъ, и съ обезпеченіемъ со стороны матеріальной, житейской, то изъ отца Θεодора вышелъ бы великій философъ-богословъ, великій ученый и писатель, знаменитый профессоръ и высокій подвижникъ-монахъ. На все это очевидны были въ немъ большіе задатки и начатки. Но... какая-то стихійная сила повернула дѣло по-своему...

Въ академіи отцу Θεодору дали еще должность инспектора, которой онъ и не желалъ, и къ которой былъ и неспособенъ и неудобенъ. Затѣмъ скоро переведенъ былъ въ какую-то семинарію въ ректора, и наконецъ оказался въ Петербургѣ, въ цензурномъ комитетѣ, и проживалъ въ домѣ Невской лавры, на Невскомъ кладбищѣ, гдѣ помѣщался этотъ духовный цензурный стражъ, въ составѣ нѣсколькихъ архимандритовъ ученыхъ, и оказавшихся по чему-либо неудобными идти по лѣстницѣ далѣе къ архіерейству. На этой-то почвѣ сухой, каменистой и тернистой, и засѣлъ отецъ Θεодоръ, со всѣми учеными стремленіями и съ молодыми неустанными силами, силами могучими, рвавшими къ ученой дѣятельности, къ разработкѣ науки, и долженъ былъ, скрѣпя сердце, заняться узенькою и мелочною, кропотливою и суетливою духовною цензурою разныхъ книгъ и книженокъ, процѣживать мутную воду и „оцѣживать комарей“. Но и на такой почвѣ находилъ возможность отдаваться ученымъ трудамъ, и издавалъ ихъ или въ особыхъ изданіяхъ въ печати, или въ статьяхъ по журналамъ. Эти статьи всегда были оригинальны и выдавались изъ ряда другихъ своими, тогда еще новыми и необычными, воззрѣніями, и ученіемъ о современныхъ духовныхъ потребностяхъ русской мысли и жизни. Онъ обращали особое вниманіе къ нему и начальства и печати, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но при этомъ, не знаю, какъ и отчего, становилось жить отцу Θεодору очень тяжело.

Въ это время свирѣпствовала одна мизерная газетка—не газетка, и журналъ—не журналъ, пресловутая „Домашняя Бесѣда“. Аскаченскаго поддерживали матеріальною помощію и выпискою его изданія всѣ монашествующіе ученые и епископы. Вотъ этотъ-то Аскаченскій въ своей „Домашней Бесѣдѣ“ и принялся обличать Θεодора за его сочиненія, взводя на него разные хулы и клеветы въ неправославіи и ереси. Въ сочиненіяхъ Θεодора ничего такого и тѣни нѣтъ, но не прочитавшіе этихъ сочиненій и неопытавшіе ихъ какъ слѣдуетъ, и читавшіе кое-какъ,—потому что чтеніе сочиненій Θεодора требуетъ особаго вниманія и углубленія по своей тяжеловѣсности внутренней,—

вѣрили Аскоченскому и составляли о немъ неправильное понятіе, и называли его, если не еретикомъ, то мистикомъ. Отецъ Θεодоръ съ горечью все это долго переносилъ, и наконецъ волей-неволей вынужденъ былъ войти въ журнальную полемику съ „Домашней Бесѣдой“, и мастерски опровергъ всѣ лживыя инсинуаціи Аскоченскаго, доказательно уличивъ его самого въ непониманіи ни православія, ни благочестія, и въ распространеніи своею Бесѣдою въ публикѣ только религіознаго невѣжества и мракобѣсія. Но это не послужило на пользу. На сторонѣ Аскоченскаго была вся внѣшняя сила, и онъ не переставалъ свирѣпствовать, пока не пришелъ смертный часъ его Бесѣдѣ и ему самому. А между тѣмъ отцу Θεодору, по какимъ-то еще темнымъ обстоятельствамъ, скоро пришлось оставить мѣсто и въ цензурномъ комитетѣ, и оказаться въ одномъ изъ монастырей, кажется, Тверской епархіи, въ числѣ братства. Говорили, что онъ имѣлъ какія-то неблагопріятныя объясненія съ митрополитомъ Исидоромъ, который Аскоченскаго любилъ и денегъ много давалъ ему на бѣдность, а къ отцу Θεодору всегда былъ крайне нерасположенъ. Но что такое было сдѣлано Θεодоромъ преступнаго и что такое побудило начальство сослать Θεодора, какъ виновника въ чемъ-то важномъ, въ монастырь въ число братства, покрыто мракомъ неизвѣстности. Но чего-либо преступнаго, заслуживающаго такого строгаго наказанія, сдѣлать не могъ Θεодоръ—это противно было всей его глубоко-правдивой и честной натурѣ. Скорѣе всего онъ пострадалъ за любимую имъ правду Христову, которую онъ могъ безбоязненно и даже рѣзко высказать митрополиту, особенно когда его нервную натуру уже давно и много раздражали разные наговоры и клеветы, которые митрополитъ могъ довѣрчиво выслушивать отъ разныхъ современныхъ фарисеевъ и Пилатовъ, обыкновенно не терпящихъ всѣхъ искренно-правдивыхъ людей, убѣжденно и безбоязненно говорящихъ правду и поступающихъ по ней. И вотъ архимандритъ Θεодоръ, ученый, писатель, въ какомъ-то убогомъ, глухомъ монастырѣ, какъ заурядный монахъ!!

Жизнь архимандрита Θεодора, въ числѣ монастырскаго братства, при его безпристрастіи къ житейскимъ благамъ и по привычкѣ своей къ аскетической жизни, къ уединенію отъ шума мірскаго, была бы для него сносною и не тяжелою, если бы онъ нашелъ въ монастырѣ дѣйствительное братство Христово, къ которому всегда стремилась его христіанская душа, и если бы онъ имѣлъ возможность и удобство въ тишинѣ свой кельи отдаться привычнымъ ученымъ трудамъ, писать сочиненія и издавать ихъ въ печати. Но, на бѣду свою, ничего этого въ монастырѣ онъ не нашелъ. Братія монашествующая, съ настоятелемъ во главѣ, приняли его и обращались съ нимъ совсѣмъ не по-братски. Они смотрѣли на него какъ на опальнаго, какъ на опаснаго еретика, и

своими подозрительными взглядами и оскорбительными обращеніями причиняли его чувствительному сердцу глубокое горе. Къ этому горю присоединялся полнѣйшій недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ и горькая бѣдность, при которой нельзя было ему и думать объ ученыхъ занятіяхъ и печати. Не за что было взяться. Да братія монашеская постоянно мѣшала ему и чисто антихристіански не давала ему никакого покоя. Въ этомъ тяжеломъ положеніи кое-чѣмъ помогали ему нѣкоторые изъ знавшихъ его почитателей. Разъ даже митрополитъ московскій Филаретъ прислалъ ему сто рублей. Забылъ я монастырь, гдѣ онъ находился; помнится только, что было это въ Тверской епархіи.

Разсказывали, что горячее участіе въ бѣдственной судьбѣ Θεодора въ монастырѣ приняло одно семейство уѣзднаго предводителя дворянства, и особенно сердобольная его дочь, не молодыхъ лѣтъ, которая особенно симпатизировала всему душевному настроенію отца Θεодора, и, узнавъ его поближе, горько соболѣзновала о томъ, что не поняли богато одаренную всѣми достойными дарами душу Θεодора и совершенно напрасно и несправедливо подвергли его жестокимъ страданіямъ; и готова была всѣмъ жертвовать для облегченія его горя и поддержанія силъ для дѣятельности, и если бы возможно было, въ этихъ видахъ заявляла желаніе выйти за него замужъ, чтобы быть ему во всемъ помощницею, по праву и закону. Великодушіе и искреннее сердечное участіе этой, какъ всѣ говорили, достойной особы до глубины души тронуло отца Θεодора, который во всю свою многострадальную жизнь ни въ комъ почти не находилъ родной души, ему сочувствующей, и вездѣ въ окружающихъ его людяхъ встрѣчалъ почти всегда холодность и безучастіе. Эта отрада давала ему съ терпѣніемъ выносить тяжесть своего положенія. Но когда, несмотря на его просьбы и ходатайства другихъ, о томъ, чтобы освободили его изъ заточенія и дали ему возможность добрымъ по апостолу подвигомъ подвизаться, теченіе скончать, вѣру соблюсти, тамъ, — въ тѣхъ ученыхъ трудахъ, гдѣ и къ чему онъ готовился, привыкъ и способенъ и можетъ и вѣру соблюсти и подвиги совершить на пользу и спасеніе себя и другихъ, — всѣ эти его усилія и домогательства остались тщетными, при полномъ холодномъ невниманіи къ нимъ, и участь его въ монастырѣ все болѣе и болѣе ухудшалась и отягощалась; онъ наконецъ не нашелъ возможности болѣе терпѣть, такъ какъ, по его пониманію и религіозному чувству, такое терпѣніе не ведетъ къ спасенію, а ведетъ прямо къ озлобленію и гибели. Чтобы не согрѣшить предъ Господомъ и не оказаться предъ Нимъ вѣроломнымъ нарушителемъ обѣта безусловнаго послушанія, требуемаго монашествомъ, и не погубить себя озлобляющимъ терпѣніемъ, къ которому, по независи-

щимъ отъ него обстоятельствамъ, привело его монашество, онъ, по долгомъ размысленіи, безповоротно рѣшилъ сложить съ себя монашество и высвободить отъ узъ его душу на свободу спасительнаго терпѣнія. И сложилъ съ великимъ терпѣніемъ, и отдался добровольно еще большему терпѣнію, продолжавшемуся до конца его жизни, и отъ эпитимійнаго наказанія за сложеніе, и особенно отъ попошеній и злословій всѣхъ современныхъ фарисеевъ, которые пронесли имя его „яко зло“, и усиливались сдѣлать его „притчею во языцѣхъ“. Но Александръ Ивановичъ Бухаревъ (по сложеніи монашескаго имени Θεодора) все переносилъ терпѣливо, наконецъ и женился благочестиво. Съ христіанскою любовью вступила съ нимъ въ законный бракъ та сурдобольная героиня дѣвица, которая такъ симпатично отнеслась къ невинно страдавшему въ монастырѣ Θεодору, и стала его женою со всѣми достоинствами истинной помощницы мужа, какъ добрая жена библейская, жена христіанка. Съ нею онъ жилъ мирно и скромно много лѣтъ, ни въ чемъ не нуждаясь и имѣя полное удобство въ ученыхъ занятіяхъ. Въ это время онъ успѣлъ написать и издать въ печати много книгъ глубокоумнаго содержанія, напримѣръ, нѣсколько отдѣльныхъ толкованій на двѣнадцать книгъ малыхъ пророковъ ветхозавѣтныхъ, на книгу Іова. Изъ всѣхъ напечатанныхъ книгъ, кромѣ означенныхъ, я знаю нѣсколько: 1) Новый Завѣтъ; 2) О духовныхъ потребностяхъ русской мысли и жизни; 3) О современности въ отношеніи къ православію; 4) Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ; 5) О миротвореніи. — Эти книги я читалъ самъ и имѣю ихъ у себя, и уважаю ихъ и цѣню, какъ книги глубокомысленныя и весьма поучительныя. Не всѣ ихъ съ охотою читаютъ, потому что требуютъ особаго вниманія и углубленія. Но есть и еще книги и въ печати, и въ рукописяхъ, которыя почему-то не выходятъ въ печати. Знаю, что незадолго до смерти своей А. И. Бухаревъ готовился напечатать капитальное и обширное сочиненіе, вполне имъ оконченное, подъ заглавіемъ: „Исусъ Христосъ въ своемъ словѣ“. Покойный, извѣстный Михайлъ Петровичъ Погодинъ, уважавшій архимандрита Θεодора, и А. И. Бухарева, по его смерти заявилъ желаніе издать всѣ ненапечатанныя сочиненія его, по самъ скоро умеръ.

По сложеніи монашескаго сана и женатый, Александръ Ивановичъ Бухаревъ нѣсколько лѣтъ жилъ съ своею женою на собственныя средства весьма скромно, и только не бѣдно. Всѣ знавшіе его люди, его окружающіе, уважали его и посѣщали его почасту для его умныхъ бесѣдъ. Многіе изъ почитателей его присылали ему и денегъ, зная его недостаточныя средства. Однажды одинъ знакомый, зайдя къ нему побесѣдовать, между прочимъ, спросилъ его, отчего это нынѣ чудесъ нѣтъ, какъ въ древнее время. „Какъ нѣтъ?—отвѣтилъ А. И.

Бухаревъ,—есть, и много, близъ и около насъ. Вотъ вамъ мое положеніе, средствъ у меня вовсе нѣтъ, — чтобы жить, какъ я теперь живу — достаточно, а между тѣмъ я уже нѣсколько лѣтъ живу, и средства текутъ ко мнѣ невидимо и даются таинственно рукою Промыслителя. Случалось такъ, что все изсякло — нечѣмъ жить, а тутъ внезапно получаю пакетъ или письмо съ почты — денежные, и такъ вотъ постоянно и въ нужное время. Не чудо ли?“ Но жить для него было работать, а онъ работалъ надъ сочиненіями своими непрерывно до самой смерти, которая уже стучалась къ нему почасту и давно. Многострадальная его жизнь, при непрерывныхъ трудахъ, поселила въ немъ злую болѣзнь—чахотку, въ которой онъ долго страдалъ и постепенно угасалъ. Во все время его болѣзни жена его ухаживала за нимъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ, какъ истинная сестра милосердія; читала ему по его указанію разныя мѣста изъ книгъ и особенно изъ свящ. писанія; когда близка была смерть, онъ непрестанно требовалъ читать псалмы Давида,—тѣ, гдѣ Давидъ сѣтовалъ среди враговъ своихъ и взывалъ къ Богу о помощи, и послѣднія рѣчи Спасителя. И умеръ на рукахъ жены истинно христіанскою кончиною, проживъ не болѣе 50 лѣтъ, если не менѣе...

Тотъ фактъ, что архимандритъ Ѳеодоръ, ученый профессоръ, и уже заслуженный человѣкъ, получившій немало служебныхъ отличій, до ордена св. Анны 2 ст.,—снялъ съ себя монашескій санъ и затѣмъ женился, въ свое время надѣлалъ много шума, особенно въ средѣ духовной. И писали и говорили о немъ, какъ о скандалѣ въ монашескомъ мірѣ, и позоръ этого скандала, кто по невѣжеству, кто по фарисейской злонамѣренности, возлагали на одну бѣдную голову Бухарева. Фактъ этотъ—одинъ, въ голомъ своемъ видѣ, дѣйствительно и не могъ произвести инаго впечатлѣнія въ поверхностномъ общественномъ мнѣніи; но, взятый въ историческомъ и органическомъ его смыслѣ, фактъ этотъ получалъ иное значеніе и производилъ иное впечатлѣніе. Такъ и приняли его всѣ благонамѣренные люди, болѣе или менѣе знавшіе дѣло въ его сути, и никакъ не могли бросить камня въ достойную личность Бухарева, и придали факту истинное его значеніе, назидательное и вразумительное для всего монашества, а особенно для монашества ученаго, въ отношеніи практическомъ и принципиальномъ.—Для нихъ ясенъ былъ тотъ смыслъ этого факта, что въ средѣ современнаго монашества, и особенно ученаго, такому монаху, какъ Ѳеодору, не могло быть удобнаго мѣста. Онъ смотрѣлъ на монашество ideally и хотѣлъ идти къ его идеалу чистымъ путемъ, и осуществлять въ себѣ по мѣрѣ силъ въ трудѣ аскетическаго ученаго. Практической сноровки въ видахъ дипломатическихъ и карьеристическихъ у него никакой не было, какъ у раба Христова.

Все его внутреннее отражалось и вовнѣ, всегда просто и естественно, безъ всякой двойственности и искусственности. Все въ немъ было убѣжденное, выработанное своимъ глубокимъ размышленіемъ по совѣсти и руководству ученія Христа, о которомъ онъ постоянно размышлялъ, и который у него всегда былъ главнымъ и неистощимымъ предметомъ изученія по всему обширному слову Божію и Вѣтхаго и Новаго завѣта, особенно Евангелія. И за свои убѣжденія, такъ дорого ему достававшіяся, онъ крѣпко стоялъ и никогда не соглашался на уступки, которыхъ требовали отъ него какія-либо фальсификаціи стороннія изъ видовъ своекорыстныхъ и подъ видомъ мнимаго блага попирающихъ любимую имъ Христову истину. Въ этихъ случаяхъ онъ смѣло готовъ былъ идти на всѣ неспріятности отъ всякой сильной лжи, твердо держась и исповѣдуя истину. Во внѣшней жизни онъ тоже аскетъ; для утоленія голода и поддержанія силъ, и въ какомъ-либо кулінарномъ искусствѣ былъ полный профанъ; объ одеждѣ не заботился, довольствуясь самою простою и дешевою, лишь бы не была грязна и худя. Легкую праздную жизнь терпѣть не могъ, и болтать въ компаніяхъ и гостиныхъ „о томъ, о семъ“ не любилъ, но въ бесѣдахъ дѣльныхъ былъ неистощимъ и энергиченъ. Вся цѣль его земной жизни клонилась въ своей дѣятельности къ тому, чтобы изучить Христа и воплощать Его въ себѣ, пропагандируя Его слово и дѣло въ другихъ людяхъ. Монашескіе подвиги онъ сосредоточилъ въ этомъ ученomъ и учебномъ трудѣ, къ которому присоединялъ непрестанно и подвигъ молитвы, особенно умной—созерцательной. Вотъ какой истинный монахъ обиталъ въ великой душѣ Феодора! Скажите по совѣсти и откровенно—могъ ли онъ уложиться въ современной монашеской формѣ, и могла ли выйти для него польза, если бы уломали его въ эти узкія рамки!?

Еще монашествующими наставниками въ академіи, въ продолженіе моего ученія въ ней, были: архимандритъ Паисій, іеромонахъ Веніаминъ, іеромонахъ Григорій и іеромонахъ Діодоръ. Паисій оставилъ память во мнѣ о томъ только, что всегда производилъ забавное впечатлѣніе въ насъ, студентахъ, всѣмъ складомъ своихъ рѣчей и дѣйствій. При видѣ его нельзя не разсмѣяться. Былъ-какой то всклокоченный, какъ будто только всталъ со сна—не успѣлъ хорошенько умыться, причесаться, и наскоро, кое-какъ одѣлся въ первую попавшую подъ руку одежду, съ клобукомъ широкимъ и низкимъ, изъ-подъ котораго въ беспорядкѣ торчали растрепанные волосы, и говорилъ глухимъ басомъ, языкомъ аляповатымъ.

Взглядъ имѣлъ какой-то диковатый и казался какъ бы чѣмъ ошеломленнымъ. Походка развалистая, мужицкая. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ неуменъ. Иногда онъ высказывалъ и высокія мысли. Но

въ мышленіи его не было строя, и много было хаотическаго. И лекціи его были крайне безпорядочны; онъ составлялъ ихъ изъ переводовъ иностранныхъ книгъ, и такъ писалъ, что самъ терялся во множествѣ исписанныхъ имъ листовъ бумаги, которые собирались имъ въ одну безпорядочную кучу, изъ которой онъ, идя въ классъ на лекцію, захватывалъ горстью, что подъ руку попадалось, и читалъ преспокойно по этимъ листамъ, не обращая никакого вниманія и нисколько не интересуясь, слушаютъ его студенты или нѣтъ. Дома въ квартирѣ онъ большею частью сидѣлъ или ходилъ, все о чемъ-то мечтая, и если кто приходилъ къ нему, не скоро могъ обратить на себя его вниманіе и разговориться. Да разговаривать онъ ни о чемъ и не умѣлъ и не хотѣлъ, и если заговаривалъ о чемъ, то это было что-то заоблачное, чего въ толкъ никакъ не возьмешь. Всѣмъ казался чѣмъ-то тронутымъ, въ чемъ-то помѣшаннымъ. И такого человѣка долго терпѣли въ академіи, и послали потомъ въ ректора, кажется Тобольской семинаріи, гдѣ онъ и сталъ неизвѣстенъ въ дальнѣйшей судьбѣ.

Іеромонахъ Веніаминъ долго служилъ въ академіи и поступилъ въ монашество, будучи еще студентомъ той же академіи Казанской. Съ начала былъ бакалавромъ, а къ концу службы профессоромъ въ санѣ архимандрита. Эта личность очень умная и трудолюбивая. Всѣ свои труды и занятія съ усердіемъ отдавалъ на пользу академіи—студентамъ. Онъ постоянно исполнялъ еще обязанности помощника инспектора и имѣлъ ближайшій хлопотливый надзоръ за поведеніемъ студентовъ, такъ что инспекторамъ за нимъ было легко, и нечего было дѣлать. По характеру своему тихій, скромный и аккуратный—онъ тихонько и легонько, вездѣ бывая и все усматривая своими, хоть подслѣповатыми и въ очкахъ, глазами, умѣлъ заставлять всѣхъ студентовъ—и самыхъ рьяныхъ и задорныхъ—вести себя смирно, хотя студенты вообще и недолюбливали его за сованія своего носа всюду, а особенно за преслѣдованіе табакокурения. Читалъ церковную исторію по Неандеру и лекціи составлялъ тщательно, перерабатывая въ нихъ взгляды нѣмецкаго ученаго на православный тонъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ—около восьми своей службы въ академіи—его перевели въ ректора семинаріи въ Томскъ, затѣмъ былъ викарнымъ селенгинскимъ въ Иркутскѣ, гдѣ оказался дѣятельнымъ на миссіонерскомъ поприщѣ. Потомъ состоялъ архіепископомъ иркутскимъ.

Іеромонахъ Григорій, когда я еще учился въ академіи на старшемъ курсѣ, поступилъ бакалавромъ, принявъ монашество вслѣдъ за окончаніемъ курса. Я его зналъ еще студентомъ, учившимся на старшемъ курсѣ. Учился онъ въ академіи успѣшно, былъ по списку первымъ; считался даровитымъ, но выглядѣлъ какимъ-то бурсакомъ, злаго и задорнаго характера. Звали его: Левъ Петровичъ Полетаевъ.

Соперникомъ ему по ученію былъ Сергѣй Васильевичъ Керскій, имѣвшій виды на первенство и преимущество предъ Полетаевымъ, не менѣе его даровитый и при томъ благовоспитанный и политичный, и за это всегда правившійся начальству. Керскій могъ бы скорѣе быть оставленъ при академіи бакалавромъ, если бы Полетаевъ, предвидя это, не предупредилъ его принятіемъ монашества. Ну, монаху и сдѣлали предпочтеніе. А Керскій поступилъ въ Лысково смотрителемъ, не желая быть монахомъ, и пошелъ по части чиновнической въ С.-Петербургъ, состоя теперь помощникомъ директора канцеляріи Синода. Полетаевъ же, въ должности бакалавра, подъ именемъ Григорія, опредѣленъ преподавать Священное Писаніе въ академіи. Преподаваніе его было безцвѣтное и безплодное, по крайней мѣрѣ, въ наше время въ продолженіе двухъ или около того лѣтъ. А послѣ онъ, за переводомъ изъ академіи Веніамина, сдѣланъ былъ еще и помощникомъ инспектора, и на этой должности постоянно былъ въ злобной ссорѣ со студентами и до того имъ насолилъ, что терпѣть его не могли, называя его не иначе, какъ „Гришкой“, и нерѣдко возмущались, вызывая вмѣшательство ректора для усмиренія обѣихъ сторонъ. Изъ академіи его скоро постарались сбыть на высшую должность куда-то ректоромъ семинаріи, откуда угодилъ въ монастырь въ число братства, затѣмъ былъ опять въ семинаріи рядовымъ наставникомъ, — и уже въ послѣднее время оказался въ Иркутскѣ въ семинаріи ректоромъ. Ректуру эту выхлопоталъ ему уже протезоръ его Веніаминъ, съ которымъ близокъ былъ еще въ Казанской академіи, когда Веніаминъ сдѣлался архіепископомъ иркутскимъ. Изъ Иркутска онъ оказался въ С.-Петербургѣ членомъ духовно-цензурнаго комитета. И вотъ только нынѣ, въ 1891 году, послѣ тридцатилѣтняго своего мытарства по Россіи и Сибири руссійской, въ продолженіе котораго испарились было и всѣ мечты его объ архіерействѣ, удалось ему наконецъ быть епископомъ викарнымъ въ Литвѣ, куда онъ назначенъ отъ 26-го января.

Объ іеромонахѣ Діодорѣ можно сказать только, что онъ „не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней“. Годъ одинъ пробылъ бакалавромъ въ нашей Казанской академіи и постоянно запивалъ. Присланъ былъ изъ академіи С.-Петербургской прямо со скамейки и уже монахомъ. Человѣкъ — юноша, кровь съ молокомъ, красивый. Запилъ отъ тоски по жизни — живой, взять былъ для обновленія опять въ С.-Петербургъ, гдѣ не переставалъ пить, отъ чего и умеръ 25 — 26 лѣтъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ судьба этихъ двухъ молодыхъ монаховъ, которые оказались въ монашествѣ, совершенно къ тому непризванные и увлеченные лишь приманками карьеры. Они не со-

владѣли съ своими натурами и не могли уломать ихъ въ узкія формы ученаго монашества тогдашняго склада. Одинъ Полетаевъ по отсутствію безусловнаго послушанія въ угоду своего начальства, — другой Діодоръ Ильдомскій — по кипучей крови и порывамъ молодости. Тогда существовала и господствовала жалкая система вербовки въ монашество студентовъ по всѣмъ академіямъ. Начальствующее монашество считало, какъ бы, своею непремѣнною обязанностию тѣми или другими способами располагать студентовъ къ монашеству, и успѣхъ въ этомъ ставился ему въ заслугу. И студенчество улавливалось часто легко на пускаемыя для этого разныя приманки, и инныя личности даже въ продолженіе ученія становились монахами-студентами за долго до окончанія курса. Такимъ монахамъ и жилось вольготнѣе, подъ особымъ къ нимъ благоволеніемъ начальства, которое давало имъ удобныя помѣщенія каждому, гдѣ они жили отдѣльнымъ хозяйствомъ, уже не какъ студенты-школьники, а какъ какія должностныя особы, и кушали отдѣльно каждый у себя, и кушанья готовили имъ академическіе повара, принося въ ихъ комнаты. И въ ученіи имъ снисходили и всегда повышали предъ другими лучшими ихъ, и уже непремѣнно, будь они изъ самыхъ посредственныхъ, окончатъ академическій курсъ успѣшнѣе другихъ, и выдуть всѣ съ высшею ученою степенью магистра, а затѣмъ непремѣнно иные — лучше, предпочтительно предъ другими, останутся при академіи бакалаврами, а другіе, не въ примѣръ прочимъ, прямо посылаются инспекторами въ семинаріи, затѣмъ скоро и въ ректоры, а далѣе при небольшой сноровкѣ и искусствѣ терпѣнья не далеко и до вожделѣннаго архіерейства, этого апогея мечтаній и упованій во всю жизнь свою каждаго такого монаха до гробовой доски. Счастливы были, по-своему конечно, тѣ изъ нихъ, которые сильно охватывались мечтою объ отдаленномъ въ перспективѣ архіерействѣ, и тѣмъ могли уламывать всѣ неподобающія имъ стремленія молодаго и развитаго человѣчества къ живой дѣятельности ума и сердца. Они смирно, подобострастно и раболѣпно подвигались ладно и чинно все дальше и добирались благополучно и скоро до предмета своихъ вожделѣній, къ которымъ и направляли всѣ свои тихенькіе подходы. Но что было дѣлать монахамъ — Григорію Полетаеву и Діодору Ильдомскому, и многимъ имъ подобнымъ, въ которыхъ свои натурныя идеалы засѣли крѣпко и до того ими овладѣвали, и предъ ними становилась безсильною и умолкала и вожделѣнная мечта объ обаятельной перспективѣ къ архіерейству? Въ разочарованіи, тоскѣ и раздраженіи оставалось влечить свою жизнь. И вотъ одинъ долженъ былъ пройти по всѣмъ мытарствамъ — встрѣчая въ своей жизни до старости всюду одни „тернія и волчцы“, и только благодаря своей дубовой натурѣ

и силѣ твердаго бурсацкаго закала не сломился, и хоть на склонѣ старости, и то при помощи своихъ высокихъ товарищей и однокашниковъ по академіи экзарха Грузіи Палладія и архіепископа иркутскаго Веніаміна, добился архіерейства,—маленькаго—викарнаго. Но такимъ натурамъ, какъ Діодоръ — мягкаго сердца, воспитаннаго въ прекрасномъ семействѣ своего отца, извѣстнаго въ Рязани протоіерея и инспектора семинаріи Ильдомскаго, приходилось ломаться и преждевременно умирать отъ тоски запойной.

Участь Діодора напомнила мнѣ и его товарища въ Петербургской академіи—такой же жертвѣ монашескаго увлеченія,—бакалаврѣ этой академіи іеромонахѣ Валеріанѣ, даровитомъ, увлекательнаго дара слова, молодомъ, цвѣтущемъ и красивомъ джентльменѣ. О немъ я слышалъ уже на должности въ семинаріи отъ товарищей по службѣ, воспитанниковъ Петербургской академіи, у него, Валеріана, учившихся. Они рассказывали о немъ съ увлеченіемъ, въ восхищеніи отъ его преподаванія, какъ о рѣдкомъ явленіи со всѣми увлекательными достоинствами. Онъ недолго держался въ узкой по его натурѣ монашеской академической рамѣ—запилъ горькую, будучи уже архимандритомъ, ушелъ изъ академіи, снялъ монашество и погибъ въ бѣдственномъ положеніи. И много такихъ неудачниковъ сгубила эта несчастная вербовка въ монашество, — раннее, незрѣлое. Не приносила она пользы и разнымъ удачникамъ, хоть и доводила ихъ до высшихъ степеней въ видимомъ почетѣ и власти. Она портила ихъ нравственно до того глубоко, что отъ этой порчи и сами они страдали не Христовымъ страданіемъ—не во спасеніе и другимъ причиняли много зла, особенно около стоящимъ и подчиненнымъ. Да и не могло быть иначе. Эти удачники насквозь пропитывались карьеризмомъ. Въ самомъ началѣ карьеры они должны были сдѣлать рискованный скачекъ—своего рода *salto mortale*, — такое трудное дѣло подвижничества, на которое рѣшаются съ великимъ страхомъ и люди умудренные опытами жизни въ старости,—это принятіе великаго иноческаго постриженія съ клятвеннымъ отреченіемъ отъ мірскихъ благъ и конечно отъ карьеризма. Пройти эту процедуру едва-ли легко и легкомысленному юношеству, какъ бы ни поднимало его разное мечтательное увлеченіе; — и ему при этомъ неизбѣжно приходится много передумать тяжелыхъ думъ и много потрудиться надъ обработкою своей еще свѣжей юношеской совѣсти, чтобы сдѣлать ее покладистой и податливою, способною на всѣ компромиссы выгодные въ удобномъ достиженіи себѣ того, отъ чего отрекался клятвенно при постриженіи. И удачники, повидимому, благополучно все это проходятъ. Но здѣсь уже въ нихъ закладывается прочное и глубокое начало той нравственной язвы, которая, изсушая благотворныя начала христіанской

любви, развивала самолюбіе—эгоизмъ, и благую совѣсть обработки вала въ лукавую, доводя часто и до совѣсти сожженной, по выраженіямъ апостольскимъ.

Эта язва, какъ болѣзнь, не могла не производить въ нихъ внутреннихъ страданій, по свойству язвы, каковыя страданія нужно было не во спасеніе терпѣть, а въ карьеристскомъ мечтаніи о благопріятномъ исходѣ къ вождельному. А въ виду благопріятнаго исхода неизбежно было проходить тяжелую процедуру всѣхъ видовъ грѣшнаго человѣкоугодія—ухаживанія, низкопоклонства, пресмыкательства, раболѣпства и всяческаго лакейства; и на этомъ грязномъ пути привыкать къ его грязи въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу, но неравнодушіи къ одной своей карьерѣ. Последнее злокачество до того бываетъ напряженно, что всякій удачникъ чутко слѣдитъ и зорко сторожить за всѣми моментами, гдѣ чувствуется повышение, отличіе, награды, чтобы не прозѣвать, и почасту въ тайнѣ проливаетъ горькія слезы, если обошли, а почти постоянно въ страхѣ, какъ бы чѣмъ не обошли. Находясь въ такой удушливой атмосферѣ и продѣлывая постоянно разную опасную эквилибристику, можно ли не искалѣчиться нравственно, когда удается подняться на высоту и очутиться среди своихъ безответственныхъ подчиненныхъ, отъ которыхъ пріятно имъ встрѣчать низкопоклонство, раболѣпство. А извѣстно, что нѣтъ хуже господина, ставшаго имъ изъ вчерашняго раба. И если возмутительно рабство передъ властями мірскими, то неизмѣримо возмутительнѣе видѣть рабство передъ владыками духовными.

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

IV ¹⁾.

Жизнь въ Казанской академіи.—Отецъ Веніаминъ.—Архіепископъ Григорій.—
Посѣщеніе академіи высокими особами.—Добротворскій и Цаповъ.—Характеристика Цапова.—Моя учительская дѣятельность.—Архимандритъ Евсѣихій.—
Епископъ Варлаамъ.—Врачъ Вишневскій.—Сватовство.—Неудача.

Въ Казанской академіи, самой младшей изъ другихъ академій, въ продолженіе многихъ лѣтъ отъ начала, было очень немного студентовъ—не болѣе 60 на обоихъ курсахъ, по 30 въ каждомъ. Несмотря на это число, почти въ каждый курсъ оказывалось по одному и по два монаха, поступавшихъ въ монашество во время ученія, или вслѣдъ за окончаніемъ его. И всѣ они, за исключеніемъ одного, были тамбовскіе, по мѣсту происхожденія. Это обстоятельство объясняли въ академіи тѣмъ, что у тамбовскихъ студентовъ состоялъ при академіи бакалавръ и помощникъ инспектора землякъ іеромонахъ Веніаминъ, о которомъ была рѣчь выше; къ нему, какъ земляку, тамбовскіе студенты ходили въ гости—пить чай, которымъ онъ радушно ихъ угощалъ, а при этомъ имѣлъ обыкновеніе тонко, своею бесѣдою, располагать ихъ и къ монашеству,—въ этомъ онъ находилъ особое удовольствіе. Благодаря этому вліянію, на тамбовскихъ студентовъ и стали смотрѣть всѣ, какъ на кандидатовъ въ монашество, и поговаривали объ этомъ въ насмѣшливомъ тонѣ,—надо замѣтить, что все тогдашнее академическое монашество не пользовалось репутаціею у корпораціи наставниковъ—не монаховъ. Послѣдніе недружелюбно относились къ своимъ товарищамъ-монахамъ, подозрѣвали ихъ въ лукавствѣ и говорили дурно, мало чѣмъ стѣсняясь. Особенно глумились надъ монашескимъ карьеризмомъ. Это все знали студенты и составляли о монашествѣ всѣ невыгодныя понятія, те-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1905 г.

рил всякое къ нему расположеніе. Участь на младшемъ курсѣ, я и мой землякъ товарищъ Дубровскій нерѣдко ходили къ Веніамину; жилъ онъ въ одномъ корпусѣ съ студентами въ нижнемъ этажѣ,—и часто слышали отъ него душеспасительныя бесѣды. Но онъ не производилъ на насъ ожидаемаго имъ вліянія, и онъ отъ того сталъ становиться менѣе и все менѣе къ намъ расположеннымъ.

Общій антимонашескій духъ, бывшій въ это время уже въ силѣ и у студентовъ, парализовалъ возможные въ насъ поползновенія къ монашеству, при тонкихъ и искусныхъ склоненіяхъ къ тому. Да и въ натурѣ своей въ насъ не было ничего подходящаго. Оба мы были юноши съ кипучей кровью, помышлявшіе болѣе всего о томъ, какъ бы поскорѣе по окончаніи ученія жениться,—да на хорошенькой,—по любви. При такомъ состояніи намъ крайне досадны были даже подозрѣнія въ склонности къ монашеству отъ студентовъ-товарищей; особенно негодовали мы, когда иные изъ нихъ, видя насъ идущими къ о. Веніамину, прямо съ насмѣшками говорили вслухъ: „вотъ они, будущіе монахи, назидаться идутъ“. Это все заставляло насъ ходить и рѣже, и какъ-нибудь незамѣтно отъ другихъ... Но ходить мы не переставали до самаго окончанія курса. О. Веніаминъ былъ человѣкъ достойный и монахъ незаурядный, его доброта и ласка насъ привлекали. Только мы были какіе-то оголѣлые въ духѣ монашества, и, въ одебелѣломъ сердцѣ, и ушами слушали, но не слышали, и очами смотрѣли, но не видѣли. Такъ къ общему студенческому удовольствію тамбовскіе студенты и не выручили монашество. Съ окончаніемъ нашего курса, въ которомъ ни одного монаха-студента не было, прекратилось на долго дальнѣйшее поступленіе.

Студенческая жизнь въ академіи была во всѣхъ отношеніяхъ достаточная. По крайней мѣрѣ я былъ ею доволенъ, какъ человѣкъ, воспитавшійся въ семинаріи на мѣдныя деньги, въ простой и суровой обстановкѣ. Только трудно было учиться, въ слѣдствіе многихъ недостатковъ семинарскаго образованія въ Тамбовѣ. Тамъ мало до крайности сообщали намъ общихъ свѣдѣній по наукамъ и не давали намъ никакихъ удобствъ къ чтенію нужныхъ книгъ. О многихъ книгахъ мы и не слыхали, между тѣмъ какъ студенты другихъ семинарій ихъ могли знать и читать еще въ семинаріи и отъ того проявляли больше развитія и знанія. Этотъ недостатокъ почувствовалъ я съ большею тяжестью душевною; и долженъ былъ взяться всѣми силами за восполненіе его, чрезъ добываніе нужныхъ книгъ и усиленное ихъ чтеніе, не упуская и прямыхъ студенческихъ занятій. Студенческія занятія трудны были особенно въ томъ отношеніи, что иные профессеры читали свои лекціи въ классѣ и требовали, чтобы студенты для репетицій сами составляли записки о томъ, что

имъ было прочитано,—по слуху, и лекцій отъ себя не сдавали. Другіе сдавали записки передъ экзаменами, и студенты должны были ихъ списывать себѣ; литографированія у насъ не существовало и въ поминѣ; много было думъ, заботъ и труда по составленію сочиненій, которыя задавались ежемѣсячно на темы по изучаемымъ наукамъ, и на которыя обращалось вниманіе,—преимущественно предъ отвѣтами по наукамъ, особое, и по которымъ собственно и оцѣнивался студентъ въ своемъ научномъ достоинствѣ. Дума объ этихъ сочиненіяхъ—и дума тяжелая—занимала студента постоянно, и въ комнатѣ и въ классѣ, и въ церкви, особенно когда до срока не много уже оставалось времени. Тутъ между студентами происходило какое-то пустынное разъединеніе и уединеніе, точно бѣсъ проскочилъ между ними и унесъ у нихъ жизнерадостное общеніе. Одни сидятъ за чтеніемъ книгъ, набираясь свѣдѣніями для заданной темы; другіе съ перомъ въ рукѣ исписываютъ листы бумаги; иные гдѣ-нибудь ходятъ взадъ и впередъ, занятые одною думою; и все это мрачно, серьезно, задумчиво и ужасно сердито; такъ что, смотря на нихъ со стороны, невольно подумаешь, что въ мозги ихъ забито по крѣпкому гвоздю. Эта срочная ежемѣсячная работа ума была для студентовъ своего рода страднюю порой. Не менѣе тяжелымъ временемъ была готовка къ экзаменамъ, которыхъ тогда полагалось два въ годъ, передъ Рождествомъ и послѣ Пасхи въ маѣ—іюнѣ, частныхъ, да по одному въ годъ экзаменовъ публичныхъ, послѣ частныхъ. Трудность этого приготовленія возрастала отъ отсутствія печатныхъ учебниковъ и отъ малаго количества сдаваемыхъ профессорами записокъ, которыя списывать студенты не успѣвали каждый для себя, а писали группами. Въ такихъ постоянныхъ трудахъ проходила вся жизнь студента, монотонно, однообразно, сухо и отвлеченно. Никакихъ развлеченій для разнообразія и обновленія не полагалось: не было ни музыки, ни пѣнія, ни гимнастики,—все это считалось пустою забавой, а танцы—малоправственнымъ и предосудительнымъ дѣломъ. Немудрено, что иные студенты не выдерживали такой удручающей жизни и тайкомъ крѣпко запивали, а иные впадали часто въ хандру, отъ которой не скоро отдѣлывались. Заведеніе было закрытое, подъ строгою монашескою опекой; стояло внѣ города на Арскомъ полѣ, почти одиноко; въ городъ ходить далеко, да и мало дозволялось,—надо указать, къ кому и для чего; а было не къ кому. Иные студенты, чтобы походить по городу и развлечься, выдумывали себѣ знакомыхъ и на имя ихъ записывались въ книгѣ для разрѣшенія отлучки отъ начальства. Такъ у насъ, тамбовскихъ, часто фигурировали для отлучки въ городъ фамиліи чиновниковъ—Писарева и Язвицева, у которыхъ мы, какъ незнакомые, никогда и не бывали, но о

которыхъ знали только, что они наши земляки—тамбовскіе. Нѣкоторое развлеченіе давалъ намъ лѣтомъ маленькій академическій садъ, въ которомъ мы иногда играли въ мячъ и чушки, но этотъ садъ былъ недавно разсаженъ, и въ немъ еще не было тѣни. Еще развлекались мы лѣтомъ въ свободное каникулярное время въ такъ называемой „Швейцаріи“ противъ академіи. Это довольно большая роща, служившая мѣстомъ загороднаго гулянья и маленькою лѣтнею дачею казанскаго губернатора, гдѣ онъ иногда и жилъ въ тиши. Въ ней былъ и ресторанъ и распивныя. Здѣсь можно было съ удовольствіемъ погулять, а иные студенты съ свободными деньженками могли чего-нибудь и распить съ предосторожностью, чтобы не узнали... Въ этой „Швейцаріи“ припомнился мнѣ такой случай: я и одинъ изъ моихъ товарищей Васильковъ, Степанъ Ивановичъ, вмѣстѣ шли, какъ-то разъ лѣтомъ, къ рѣкѣ Казанкѣ купаться, проходя чрезъ „Швейцарію по главной ея аллеѣ“. Шли и о чемъ-то философскомъ съ нимъ разсуждали, и въ отвлеченіи и увлеченіи не замѣтили, какъ поравнялся съ нами какой-то старикъ навстрѣчу, прошелъ и, моментально обратившись назадъ, свирѣпо окрикнулъ насъ такими словами: „шاپки надо снимать, дураки, когда генераль идетъ“. Въ испугѣ мы моментально остановились, какъ чѣмъ-то ошеломленные, хватаясь за свои картузы, и едва-едва нашли сказать: „извините, ваше превосходительство, мы васъ не узнали“. Моментально генераль повернулъ назадъ и пошелъ своею дорогою. А мы потащились далѣе своею дорогою, но уже не въ прежней бодрости, а чѣмъ-то подавленные и растерянные. Стали догадываться, кто это такой—грозный генераль, и, наконецъ догадались, что это самъ губернаторъ—генераль Баратынскій, котораго мы никогда прежде не видали и не знали; да и при встрѣчѣ съ нимъ мы никакъ не могли узнать и просто генерала въ немъ шедшемъ по-просту съ купанья, и безъ всякой генеральской видимости; мы долго побаивались, какъ-бы этотъ николаевскій генераль не довелъ до свѣдѣнія нашего начальства о нашемъ преступленіи. Но, вѣроятно, наше ошеломленное состояніе отъ грознаго крика генерала произвело на него пріятное впечатлѣніе, и онъ на немъ съ удовольствіемъ успокоился. Этотъ случай далъ намъ возможность въ первый разъ узнать казанскаго генераль-губернатора Баратынскаго и никогда его не забывать... Доходили до студентовъ слухи о Казанскомъ театрѣ, въ которомъ давались хорошія представленія. Въ наше время славились, какъ знаменитость, въ театральнѣй группѣ: Милославскій—трагикъ и драматургъ, Дудкинъ—комикъ, Стрѣлкова, въ балетахъ Шмитгофъ и др. Всѣ студенты рвали хотъ разъ побывать для развлечения. О дозволеніи на то начальства и мыслить было нельзя. Но за невозможностью легальнаго

пути, они ухитрялись проникать въ театръ путемъ нелегальнымъ и дѣлали такъ ловко, что начальство не могло знать объ этомъ. У студентовъ всегда были преданные друзья—два давнишіе служителя академіи—юріи ветеранъ Кирьякычъ, придверникъ, или швейцаръ, и Егоръ Власычъ—студенческій цирюльникъ. Между ними и студентами издавна существовала традиціонная близость и искренняя взаимная любовь. Съ помощію ихъ всегда можно было въ позднее вечернее время уходить и приходить въ театръ и изъ театра самымъ потаеннымъ образомъ,—все гладко и тихо устроить и никогда не выдать. На случай предосторожности отъ чуткаго носа и четырехъ глазъ отца Веніамина, помощника инспектора, о которомъ говорено выше, сами уже студенты поступали, въ видахъ выручки, такъ: Веніаминъ, въ цѣляхъ своего надзора, часто приходилъ въ студенческую столовую, когда всѣ обѣдали или ужинали, и въ спальни во время ночи, когда уже всѣ студенты спали; какъ въ столовой по пустымъ мѣстамъ за столомъ, такъ и въ спальняхъ по пустымъ койкамъ, онъ дознавался, кого нѣтъ дома. Студенты въ случаѣ запусѣнїя мѣстнаго предварительно уже озабочивались, для выручки своихъ товарищей, такъ размѣститься за столомъ, чтобы нигдѣ не оказывалось пустоты, а въ спальняхъ койки пустыя взбудораживали такъ, что человѣкъ съ нихъ какъ будто только всталъ и вышелъ, а то и чучелу дѣлали, или клали кого-либо изъ служителей. Веніаминъ этого не замѣчалъ, а если что иногда и казалось ему подозрительнымъ, то, по деликатности своей, стыдился далѣе что-либо дознавать. Такимъ-то нелегальнымъ порядкомъ и мнѣ удалось нѣсколько разъ побывать въ Казанскомъ театрѣ.

Въ первый разъ я ушелъ въ театръ изъ больницы, гдѣ находился въ разрядѣ выздоравливавшихъ, и гдѣ Веніаминовскихъ глазъ не боялся, и ушелъ даже съ незажившею мушкой на груди. Но зато пришелъ въ совершенной безопасности и былъ въ такомъ подъемѣ духа, веселомъ и восторженномъ, что едва бы почувствовалъ боль и отъ нарвавшей мушки. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ театральныя представленія, и вообще, а тутъ удалось вдругъ видѣть знаменитаго Милославскаго и не менѣе гремѣвшую славою Стрѣлкову въ роляхъ Гамлета и Офеліи, и получить живое понятіе о Шекспировскимъ твореніи. Въ нѣсколькихъ другихъ удобныхъ безопасныхъ случаяхъ мнѣ удалось видѣть представленіе „Фауста“, „Жизнь игрока“, русскую оперу „Жизнь за Царя“, и разные балеты, гдѣ производили фуроръ балерины Шмитгофъ, воспитанницы С.-Петербургскихъ школъ Императорскихъ театровъ, и въ первый еще театръ Казанскій поступившія въ юномъ цвѣтѣ лѣтъ. Эти театральныя развлечения, хоть и очень рѣдкія, оживляли на долго монотонную, однообразную

и мрачно серьезную студенческую жизнь, и выгоняли изъ нея вѣдвшуюся хандру и тоску. Великими стимулами поднятiя духа, оживленiя и возбужденнаго настроенiя послужили въ академической нашей жизни случившіяся въ то время великія событія—Крымская война, смерть императора Николая и воцареніе Александра II, съ отрадными слухами объ обновленіи Россіи. Живо представляется мнѣ теперь—черезъ 36—37 лѣтъ,—съ какою энергіею студенты добывали газеты и съ какимъ живымъ интересомъ собирались въ кружки, читали передовыя статьи, корреспонденціи и разныя реляціи о ходѣ войны, въ которыхъ смѣло заявлялось, что россійской силѣ вся вооруженная Европа не страшна, что мы враговъ своихъ шапками закидаемъ, что наши войска вездѣ—и на сушѣ и на морѣ побѣдно бьютъ своихъ враговъ. Отъ такихъ реляцій всѣ приходили въ радостное воодушевленіе и особенно возликовали, когда пришло извѣстіе о пораженіи турецкаго флота при Синолѣ адмираломъ Нахимовымъ. Долго такое восторженное настроеніе занимало насъ, студентовъ. Въ этомъ настроеніи мы выучивали наизусть появлявшіяся въ то время патріотическія стихотворенія, декламировали ихъ и распѣвали. Изъ нихъ особенно часто слышался—и на распѣвъ—и въ рѣчи—мотивъ, всѣмъ даже впослѣдствіи надоѣдавшій: „Вотъ въ воинственномъ азартѣ“ и проч.

Но восторженность студентовъ продолжалась не долго. Она смѣнилась, для разнообразія, инымъ возбужденнымъ состояніемъ. Пришло извѣстіе, что при рѣчкѣ Альмѣ цѣлая армія съ кремневыми плохими ружьями и дырявыми сапогами пала отъ новыхъ и мѣткихъ ружей французовъ и другихъ европейцевъ, и въ бухтѣ Севастопольской Меншиковъ самъ добровольно потопилъ знаменитый уже по Синопу, русскій Черноморскій флотъ; враги разгромили адскимъ огнемъ изъ своихъ невиданныхъ нами пушекъ Севастопольскую крѣпость... Что такое это? Какъ могли допустить такія оплошности? Въ негодующемъ возбужденіи волновалось юпошество, въ простотѣ сердца вѣря прежнимъ донесеніямъ газетъ о нашей непобѣдимой силѣ, и еще нисколько не зная, что вся наша сила была фиктивная, въ пустомъ самомнѣніи и самовосхваленіи...

Затѣмъ скоро какъ громомъ поразила всѣхъ внезапная смерть императора Николая... Всѣ мы съ любопытствомъ читали и даже списывали многочисленныя въ газетахъ статьи и корреспонденціи иностранныя, въ которыхъ высказывалась похвала рыцарской чести почившаго и великимъ его заслугамъ Россіи, и выражалась глубокая скорбь о тяжелой уtratѣ: „Плачь, русская земля, не стало у тебя отца!..“ Напечатанная въ газетахъ рѣчь Глинки читалась и перечитывалась съ неподдѣльной грустію. Всѣ слухи о причинахъ смерти императора

Николая ловились нами съ жадностью и перечитывались съ тайнственностью. Когда вышла брошюра, подробно излагающая ходъ болѣзни и смерти его, мы всѣ постарались приобрести каждый себѣ и посылали, какъ дорогую книжку, почтою въ свои родныя захолустья!.. Много занимали насъ въ это время, какъ утѣшеніе въ печальныхъ событіяхъ, ходившія по рукамъ интеллигентнымъ, въ рукописи „письма о восточныхъ и западныхъ славянахъ“ М. П. Погодина, который въ славянахъ хотѣлъ найти великую силу для Россіи въ Крымской войнѣ, и будилъ славянъ къ соединенію съ русскими противъ враговъ всего славянства. Эти письма, подъ секретомъ, доставали гдѣ-то — кажется у профессоровъ — юркіе студенты и давали читать другимъ тайкомъ отъ начальства. Многіе студенты успѣли и списать ихъ для себя и какъ запрещенный плодъ сохранять у себя въ секретѣ. Письма эти запрещеннаго и не заключали въ себѣ ничего; въ нихъ Погодинъ выражалъ по большей части свои мечтанія, и о нихъ скоро и забыли, но таково ужъ было время, когда и безопасное могли принять за ужасное... Со смертію Николая и со вступленіемъ на престолъ Александра II тревожное время миновало. Пошли слухи о мирѣ. Въ газетахъ печатались рѣчи императора при представленіи ему дипломатическаго корпуса и переговоры объ условіяхъ примиренія; явился Парижскій трактатъ, который грустное впечатлѣніе произвелъ на насъ. Но послѣдовавшія за тѣмъ извѣстія о твердомъ рѣшеніи новаго императора приступить къ преобразованію внутренняго положенія Россіи наполнили юныя наши сердца радостію. Это все происходило передъ окончаніемъ нами курса академическаго ученія.

Между тѣмъ студенческія наши занятія шли своимъ чередомъ неослабно. На экзамены лѣтомъ пріѣзжалъ къ намъ архіепископъ Григорій, который, будучи постояннымъ членомъ Синода, зиму всю и половину осени проживалъ въ С.-Петербургѣ и на лѣтніе мѣсяцы пріѣзжалъ въ епархію въ Казань. На этихъ экзаменахъ мы имъ были всегда довольны. Онъ былъ очень расположенъ къ студентамъ и академіи и обращался, какъ добрый дѣдушка съ внучатами, оказывая имъ любовь и снисхожденіе. Говорили, что въ семинаріи па экзаменѣ онъ былъ строгъ; его всѣ боялись и трепетали, потому что часто сердился, бранился на семинаристовъ. Но въ академіи я не видѣлъ и не слышалъ ничего подобнаго. Онъ даже самъ помогалъ студенту выйти изъ затрудненія какого-либо въ своихъ отвѣтахъ, не желая ставить его въ тупикъ. На одномъ экзаменѣ по литературѣ мнѣ приходилось передъ нимъ отвѣчать „о вдохновеніи поэтовъ“. Много я читалъ заученное и отвѣчалъ на вопросы, даваемые Григоріемъ, но какъ только онъ замѣтилъ, что я сталъ путаться и не зналъ далѣе — что говорить, онъ сейчасъ же добродушнымъ: „Хорошо — довольно“

покончилъ дѣло, сказавъ мнѣ въ шутку: „пусть ихъ ждуть“, отвѣчая этимъ на сказанныя мною слова, что поэты не пишутъ свои произведенія, какъ вздумается, но ждуть себѣ на это вдохновенія. Архіепископъ Григорій, бывшій впоследствии митрополитомъ с.-петербургскимъ, по смерти Никанора, былъ крѣпкаго ума и очень ученый; съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ онъ находился въ дружбѣ, и дѣйствовали по Синоду заодно, и прокурора Протасова оба недолюбливали. Ученою спеціальностью его было изученіе русскаго раскола въ его исторіи и лжеученіи. Поэтому имъ издана въ печати большая книга подъ названіемъ: „Истинно древняя и истинно православная церковь—ученіе противъ раскола“; въ рукописи были въ употребленіи у студентовъ составленныя имъ подробныя записки по исторіи раскола. Въ академіи онъ положилъ начало и основаніе миссіонерскому противораскольническому отдѣленію и заставилъ студентовъ, по своему желанію—добровольно, заниматься изученіемъ раскола. Для этого онъ старался снабдить академію всѣми нужными пособіями. Такъ, кромѣ своихъ сочиненій и записокъ по расколу, онъ снабдилъ академію тогда секретными отчетами по современному состоянію раскола въ Россіи, особенно въ Нижегородской и Саратовской губерніяхъ, хранившимися въ многихъ томахъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ самъ выхлопоталъ взять изъ секретнаго храненія, и самъ привезъ ихъ съ собою въ Казань; далъ для прочтенія ректору, который черезъ студентовъ всѣ ихъ списалъ для себя, а студенты при этомъ постарались и себѣ списать. Свѣдѣнія въ этихъ отчетахъ были самыя живыя—современныя, никому неизвѣстныя тогда,—свѣдѣнія изъ самаго внутренняго быта раскольниковъ, изъ потайной ихъ жизни и дѣятельности въ дебряхъ своихъ скитовъ. Отчеты были составлены чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, нарочно командированнымъ для изученія раскола на мѣстѣ, извѣстнымъ Мельниковымъ, знаменитымъ писателемъ въ современной литературѣ подъ псевдонимомъ: „Андрей Печерскій“. По его же ходатайству поступила во владѣніе академіи обширная библіотека Соловецкаго монастыря, въ которой хранились всѣ раскольническія книги и рукописи рѣдкія и дорогія по цѣнности и древности. Эта Соловецкая библіотека въ академіи послужила богатѣйшимъ источникомъ свѣдѣній по расколу и обильнымъ матеріаломъ для ученыхъ сочиненій по изученію раскола. Нашъ курсъ немного изучалъ расколъ, и то въ послѣднее только время. Но нѣкоторые изъ товарищей, какъ Щаповъ и Добротворскій, даровитѣйшіе изъ студентовъ, занимались имъ спеціально и тщательно, и составляли, по выходѣ изъ академіи, въ печати капитальныя сочиненія.

Въ продолженіе всего нашего ученія въ академіи, вѣроятно по

отдаленности ея отъ С.-Петербурга, мы не видали почти никакихъ высокопоставленныхъ лицъ—въ качествѣ грозныхъ ревизоровъ и не ревизоровъ. Разъ только, зачѣмъ не знаю, ректоръ водилъ по нашимъ комнатамъ какого-то ходившаго индѣйскимъ пѣтухомъ петербургскаго чиновника и какъ надо думать вліятельнаго потому, что ректоръ держалъ себя передъ нимъ подобострастно, а онъ обращался къ нему „высока“, да и на насъ смотрѣлъ какъ-то презрительно и свирѣпо, точно мы передъ нимъ не стоящая ничего тварь. И слышали мы отъ него одни слова, сказанныя намъ мимоходомъ въ обращеніи къ ректору: „волосы у нихъ длинны, надо остричь подъ гребенку“. До того противенъ намъ показался этотъ разжирѣвшій чиновникъ, надутый, какъ клещъ, своею гордостью, что мы очень рады были, когда онъ ушелъ, и болѣе мы уже никогда его не видали. Послѣ мы узнали, что надутая особа была нечто иное, какъ только директоръ духовно-учебнаго управленія, по фамиліи Карасевскій, имѣвшій тогда, какъ говорили, такую силу у оберъ-прокурора графа Протасова, что въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ дѣйствовалъ какъ полновластный министръ. Впрочемъ, въ духовномъ вѣдомствѣ и вообще, имѣли силу и всѣми и всѣмъ ворочали, какъ хотѣли, и отъ того сильно наживались и другіе канцелярскіе директора подъ покровомъ всемогущаго Протасова. Этихъ директоровъ страшно боялись даже архіереи; неугодившій имъ архіерей терпѣлъ отъ нихъ большую невзгуду; его лишали наградъ, могли перевести, ни за что ни про что, изъ лучшей епархіи въ худшую, а то и совсѣмъ удалить на покой; зато каждый жившій съ ними въ дружбѣ и ухлеблявшій ихъ и награждался, и благоденствовалъ, и возвышался ни за что, и не въ примѣръ другимъ. Рассказывали тогда, что архіереи, получившіе черезъ нихъ хорошія—доходныя епархіи, обязательно въ продолженіе многихъ лѣтъ платили условленную большую сумму денегъ. Доселѣ еще жива злая память о тогдашнихъ знаменитостяхъ—директорахъ: Карасевскомъ, Гаевскомъ, Войцеховичѣ, Сербиновичѣ, которые оставили въ управляемыхъ ими учрежденіяхъ до того глубоко свои традиціи, что живучесть ихъ не прекращалась и при обновленіи реформами администраціи и суда гражданскаго въ Россіи, съ вѣяніемъ отъ ихъ свѣтлаго духа на судъ и администрацію духовнаго вѣдомства, остающихся доселѣ внѣ нужной реформы; а нынѣ опять возрастающихъ и проявляющихся въ новыхъ фазонахъ директорскихъ...

Пріѣзжалъ разъ въ Казанскій университетъ министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, славившійся тогда своими сочиненіями въ печати; суеты было много вездѣ по поводу этого пріѣзда. Нѣсколько дней ждали его и въ нашу академію, которую онъ обѣщался посѣтить, но не дождались, — уѣхалъ и почему-то не хотѣлъ побыть...

Еще помню, проѣзжалъ изъ Сибири въ Ярославль архіепископъ Нилъ чрезъ Казань. Этотъ Нилъ посѣтилъ нашу академію, ласково поговорилъ со студентами во время посѣщенія ихъ въ своихъ комнатахъ и, осматривая все, что было ему видно, сказалъ намъ, что „насъ содержать теперь хорошо, и кормятъ, и одѣваютъ, и помѣщаютъ прилично, по-благородному; а въ мое время и въ академіи была чистая бурса“. Содержали насъ въ академіи дѣйствительно хорошо, въ сравненіи съ семинарскою бурсою. Были особыя спальни, гдѣ только спали ночью, а днемъ не смѣли быть, — да онѣ на ключъ и запирались до времени сна. Въ комнатахъ для занятій жили по 9—10 человекъ въ каждой; комната была большая съ двумя большими диванами и передъ ними большими четвероугольными длинными столами, по стѣнамъ стояло нѣсколько этажерокъ для занятій стоя, а за столами занимались сидя, кто какъ находилъ для себя удобнымъ. Утромъ будили насъ долгимъ звонкомъ, въ который во всю силу и немилосердно отзывались служитель, проходя медленно весь длинный корридоръ, по одну сторону котораго расположены были спальныя комнаты. Этотъ звонъ начинался ровно въ 6 часовъ и своею силою и продолжительностію пробуждалъ всякаго спящаго и мертвымъ сномъ, и скоро приводилъ въ бодрость. Послѣ молитвы отправлялись въ столовую, гдѣ стояли самовары съ кипящею водою и корзинка съ ломтиками бѣлаго казеннаго хлѣба. Хлѣбъ брали всѣ и ѣли, а чай садились пить тѣ, которые имѣли его, казеннаго не полагалось.

Въ послѣдній годъ предъ окончаніемъ курса даны были профессорами по своимъ предметамъ темы для курсовыхъ диссертаций. Каждый студентъ обязанъ былъ выбрать изъ множества темъ одну по своему желанію и написать на нее въ продолженіе послѣдняго года ученое сочиненіе на ученую степень кандидата или магистра. Это былъ тяжелый трудъ, для выполненія котораго надобно было предварительно доставать нужные источники—книги и на русскомъ, и на иностранныхъ языкахъ, и читать ихъ много и долго. И затѣмъ обмыслить планъ сочиненія и вкратцѣ написать и показать тому профессору, по предмету котораго избрана тема. Я выбралъ себѣ тему по богословскому предмету, который проповѣдывалъ архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ, о которомъ сказано выше. Темою было: „о вѣчномъ мученіи злыхъ духовъ и человекъ“. Составивъ предварительный планъ будущаго моего сочиненія, я понесъ его показать о. Ѳеодору. Онъ, просмотрѣвъ планъ, сдѣлалъ мнѣ указанія, какъ войти въ изслѣдованіе предмета поглубже, а не ограничиваться обычными приемами. Совѣтовалъ мнѣ выяснить, по слову Божію въ свящ. писаніи и свящ. предавіи, основаніе для вѣчнаго мученія злыхъ духовъ и человекъ въ самомъ Богѣ, въ природѣ злыхъ

существовъ и въ существѣ ихъ грѣха. Надъ этою выработкою и пришлось много думать и соображать—философскимъ путемъ и такъ углубленно, что я не разъ подумывалъ, что лучше и легче было бы сидѣть за какою-либо историческою темою и напрасно ее не взять. Такую тяжелую думу задалъ мнѣ этотъ мудреный Θεодоръ. Но взявшись за рало—не возвращайся вспять, вспомнилъ я заповѣдь Спасителя. И, слава Богу, съ Его помощію одолѣлъ свою задачу, хоть и усиленнымъ трудомъ. И благодареніе Богу, я за сочиненіе это главнымъ образомъ и удостоенъ былъ при окончаніи академическаго курса степени магистра.

Въ числѣ студентовъ нашего VI курса было нѣсколько весьма даровитыхъ, изъ которыхъ по окончаніи курса ученія нѣкоторые оставлены были при академіи бакалаврами. Это — Добротворскій и Щаповъ. Добротворскій впоследствии поступилъ профессоромъ въ Казанскій университетъ и по своему уму и преподаванію предмета пользовался особымъ уваженіемъ, онъ и студентомъ по спискамъ всегда былъ первымъ. Университетъ посылалъ за границу, но по возвращеніи онъ скоро умеръ. Говорили, что во время своего путешествія за границей онъ нашелъ одну прекрасную младую гречанку, влюбившись, женился на ней, и она-то, будучи женой, измотала его жизнь и довела до гроба преждевременнo. Щаповъ тоже скоро оставилъ академію и поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ своими воодушевленными лекціями производилъ фуроръ въ студентахъ, по по своей необузданной увлекательности долженъ былъ оставить и университетъ, надѣлавъ много шума въ тогдашнее время и въ Казани, и даже въ С.-Петербургѣ своею печальною судьбою. Этотъ человекъ былъ преоригинальной натуры. Родомъ сибирякъ изъ Иркутска—чистый сибирскій самородокъ, типа бурятскаго и сложенъ дубнякомъ, большого роста и съ большою копною курчавыхъ волосъ на большой головѣ, дурнецъ лицомъ; ума обширнаго и заносчиваго, характера необузданнаго и вздорнаго; любилъ заниматься чтеніемъ книгъ самыхъ ученыхъ и самъ до страсти привязанъ былъ къ сочинительству. Въ академіи, будучи студентомъ, онъ постоянно сидѣлъ за сочиненіями, обложенный множествомъ книгъ, и писалъ долго послѣ срока, и сочиненія эти всегда выходили обширныя, авторскаго достоинства и эрудиции, вполнѣ ученаго характера. Во время сочинительства онъ никого не подпускалъ къ себѣ и рычалъ какъ звѣрь, если кто мѣшалъ ему. Поэтому всѣ и сторонились его, а онъ въ довольствѣ отъ того и проводилъ все свое свободное время среди своихъ книгъ-друзей, какъ отшельникъ. Общеніе съ товарищами онъ имѣлъ только тогда, когда нужно и можно о чемъ-либо поспорить и поразсудить, и въ этомъ случаѣ онъ неистощимъ и надоѣдливъ, при-

ходилъ въ азартъ, когда его оспаривали, и непреклонно стоялъ на своемъ, въ азартѣ забрыжжеть вась слюнами и не уступить. Товарищи его не любили и почасту даже поддразнивали. Курсовое разсужденіе онъ написалъ обширное по изслѣдованію русскаго раскола и послѣ издалъ его въ печати. Вотъ изъ этого-то студента впослѣдствіи и вышелъ тотъ извѣстный въ ученой литературѣ Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ, біографію котораго напечаталъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ профессоръ университета Н. Я. Аристовъ, бывшій студентъ Казанской академіи VII курса... Еще въ Казани на службѣ университетской А. П. Щаповъ, во время процесса реформы крѣпостнаго быта, — въ это горячее освободительное время, — своими либеральными лекціями и рѣчами студентамъ имѣлъ несчастье въ подозрѣніе у крѣпостниковъ; его обвинили въ преступной агитаціи—вредномъ возбужденіи умовъ юношества университетскаго, арестовали и подъ арестомъ увезли изъ Казани въ Петербургъ. Ближайшимъ и быстрымъ поводомъ къ тому была отслуженная на кладбищѣ панихида по убіеннымъ крестьянамъ, при усмиреніи въ с. Бездна возмущенія крестьянъ; на этой панихидѣ демонстративно участвовали всѣ студенты со Щаповымъ во главѣ, который говорилъ надъ могилами рѣчи, выставляя убитыхъ мучениками за свободу и правду. Въ Петербургѣ Щаповъ жилъ подъ надзоромъ, и прикомандированъ къ архиву министерства внутр. дѣлъ для разборки архива съ жалованьемъ 50 р. въ мѣсяцъ. Надъ архивомъ онъ работалъ, какъ волъ, неугомию, и какъ ученый и даровитый изслѣдователь принесъ большую пользу и министерству, и ученому міру; потому что въ это время по матеріаламъ архивнымъ составилъ не мало ученыхъ статей, которыя печатались въ современныхъ журналахъ, получая за нихъ хорошую плату. И жилъ такъ долго, не нуждаясь, со славой ученаго писателя, даже женился на одной достойной и образованной дѣвицѣ, дочери сиротѣ умершаго профессора, которая вышла за него, увлекшись лишь его ученою славой и судьбой, почему бракъ для нея не былъ счастливымъ. Но по своей широкой и некультуривированной сибирской натурѣ не могъ успокоиться на этой укромной жизни. Въ чемъ-то онъ оказался еще опаснымъ въ Петербургѣ и усланъ былъ оттуда на свою родину въ Иркутскъ, гдѣ, пробавляясь мѣстной литературою, немного пожилъ и умеръ въ бѣдности, а прежде его умерла жена, послѣдовавшая добровольно за нимъ въ Иркутскъ изъ С.-Петербурга—мѣста ея родины.

По окончаніи курса ученія въ Казанской академіи въ іюлѣ 1856 г., я получилъ назначеніе въ Пензенскую семинарію—быть тамъ преподавателемъ математическихъ наукъ, съ прибавкою къ нимъ греческаго языка. Но поступить на должность могъ не скоро. Надо было

ждать еще утвержденія въ должности изъ С.-Петербурга — отъ духовно-учебнаго управленія при Синодѣ. Поэтому я и долженъ былъ изъ академіи отправиться на родину—къ отцу, и въ томительномъ ожиданіи безъ дѣла и въ скукѣ, прожилъ тамъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, пока не получилъ отъ товарищей въ Пензенской семинаріи частнаго письма, извѣщающаго, что утвержденіе въ Пензенской семинаріи уже давно получено, они уже вступили въ ноябрѣ въ должность, и удивляются, отчего меня тамъ доселѣ нѣтъ. По этому-то письму я сталъ поспѣшно собираться въ Пензу и вступилъ въ должность уже 7-го января 1857 года. А официальнаго извѣщенія въ Тамбовѣ такъ и не получилъ. Между тѣмъ въ Тамбовской консисторіи оно получено въ свое время изъ духовно-учебнаго управленія, но, какъ бумага недоходная, лежала себѣ долго безъ движенія, затѣмъ двинулась медленно въ Кирсановское духовное правленіе, чтобы изъ него двинуться къ благочинному въ село Трескино, гдѣ я проживалъ. Идя и сидя на этихъ медленныхъ дистанціяхъ, она такъ и застряла въ Кирсановѣ, не дойдя во-время до благочиннаго моего отца, и дошла уже и очистилась по-канцелярски тогда, когда я давно уже былъ въ Пензѣ и служилъ, пропустивъ нѣсколько мѣсяцевъ, не получивъ за нихъ жалованье, и проживая безъ пользы на счетъ скудныхъ средствъ отца.

Вступивъ въ должность профессора,—тогда всѣ преподаватели семинаріи носили громкое имя профессора, хотя официально усвоивалось оно только имѣвшимъ ученую степень магистра, которые и подписывались и прописывались вездѣ профессорами, а имѣющіе кандидатскую степень писались учителями. На службѣ въ Пензенской семинаріи я почувствовалъ удовольствіе жизни самостоятельной. Пріятно вспоминалъ, что благополучно пронесъ Господь чрезъ долговременную и трудную духовно-учебную школу, продолжавшуюся цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ. Безъ ломки костей удалось пройти шестилѣтнюю бурсацкую жизнь въ училищѣ, съ его сѣченіемъ и побоями палачей-учителей, затѣмъ шестилѣтнюю жизнь на мѣдныхъ деньгахъ въ семинаріи, подъ іезуитскимъ надзоромъ и инквизиторскимъ преслѣдованіемъ монаховъ-инспекторовъ, ихъ помощниковъ и четырехлѣтнее наконецъ обученіе въ академіи, хотъ и обезпеченное благородствомъ обстановки, но подавляющее тяжелымъ однообразіемъ: все ученія и ученія безъ развлеченія;—удалось все это пройти съ потратою до истощенія силъ и здоровья, но безъ искалченія, съ полною возможностью, при помощи молодыхъ силъ, войти въ свою мѣру и въ свою силу на самостоятельной жизни,—и слава Богу,—это все лучшее, чего и можно только получать отъ духовно-учебныхъ школъ; о другомъ чемъ чужномъ старайся уже самъ въ своей само-

стоятельной жизни, а школу не забывай своею благодарностію и за то, что вышелъ изъ нея „по-добру по-здорову“,—цѣль и невредимъ.

„Корень ученія былъ по истинѣ горекъ“. Сладки ли будутъ его плоды? Вотъ вопросъ, который предстояло разрѣшить въ послѣдовавшей самостоятельной жизни.

Въ Пензенской семинаріи я встрѣтилъ товарищескій кружокъ, въ которомъ была искренняя товарищеская связь и дружество. Въ немъ были два мои товарища—сокурсники, Степанъ Васильевичъ Масловскій и Александръ Мануиловичъ Каллистовъ, и курсомъ старшій Василій Михайловичъ Розовъ—всѣ воспитанники одной академіи, и уже не молодой по лѣтамъ, но молодой по духу Семенковскій Николай Ивановичъ. Всѣ мы пятеро были между собою искренны и откровенны; дѣлили пополамъ другъ съ другомъ и радости, и горести, и шалости. Всѣ мы ходили и въ гости къ своимъ сослуживцамъ—семейнымъ, съ которыми жили тоже ладно, и которые принимали и приглашали насъ съ искреннимъ радушіемъ. Здѣсь—въ домахъ семейныхъ, мы пѣли, танцовали съ дамами и барышнями-невѣстами со всѣмъ юношескимъ увлеченіемъ. Танцовать мы принуждены были особо учиться въ Пензѣ, и для этого отыскиали себѣ дешеваго танцмейстера, который и обучилъ насъ на скорую руку самому нужному, что было въ ходу въ нашемъ кружкѣ, ибо скоро сознали неловкость своего положенія въ кругу будущихъ невѣстъ. Иногда поигрывали и въ картишки, по самой маленькой, чтобы въ случаѣ несчастія не проиграть болѣе полтинника. При этомъ и выпивали не полной рюмочкой, чтобы только не терять веселаго расположевія. Одинъ только Николай Ивановичъ, какъ старшій насъ на много лѣтъ, по праву выпивалъ полною рюмкою, и по часту отъ того доходилъ до такого благодушнаго смиренія, что съ умильною улыбкою посматривалъ на всѣхъ, чувствуя какую-то неизреченную радость отъ своего присутствія среди друзей. Да ему, по общему признанію, и можно было по всей справедливости выпивать по полной. Танцовать онъ не умѣлъ, и любилъ только весело смотрѣть на танцующихъ. Женился не располагался, потому что на лѣта свои сталъ смотрѣть, какъ на застраховку отъ невѣстъ. Въ картишки играть тоже былъ не охотникъ, но никогда не отказывался, когда для ералашной партіи недоставало четвертаго партнера, и тутъ-то и была для него самая удобная почва выпивать по полной и почаще. И чѣмъ, отъ того, неселѣе онъ былъ, тѣмъ веселѣе и молчалъ. По природѣ своей вообще онъ былъ человѣкъ смирный, не говорливый и большой добрякъ. Въ этомъ товарищескомъ кругу мы находили всю отраду и утѣшеніе жизни, и отдыхали отъ жизни служебной, которая не давала намъ вкушать сладкихъ плодовъ.

Въ Пензенской семинаріи я преподавалъ алгебру, геометрію и пасхалию въ нижнемъ классѣ, и греческій языкъ въ томъ же классѣ въ послѣбѣдненное время. Науки математическія издавна въ семинаріяхъ были въ пренебреженіи и у учениковъ, и у начальства. Для преподавателя это обстоятельство было крайне тяжело. Ученики, въ огромномъ большинствѣ, рѣшительно не хотѣли учиться, и ничѣмъ нельзя было ихъ понудить учиться, потому что они очень хорошо знали, что если они учатся по другимъ, особенно главнымъ предметамъ, то незнаніе математики имъ нисколько не помпрепятствуетъ свободно переходить въ высшій классъ, не понижаясь нисколько въ разрядномъ спискѣ. Такъ всегда поступало начальство семинарское. Нужно было самому учителю ухищряться въ преподаваніи такъ, чтобы заохотить учениковъ и имѣть хоть сносное количество занимающихся, и облегчить имъ усвоеніе предмета по тяжелымъ стариннымъ учебникамъ. И вотъ я для пользы учениковъ и для своей рѣшился преподавать имъ какъ можно поупрощеннѣе и нагляднѣе, и принялся за тяжелый трудъ составленія самыхъ простенькихъ записокъ, которыя для нихъ и писалъ, выбирая изъ академическихъ и другихъ подходящихъ руководствъ пужный матеріалъ, и излагая его въ доступной ученикамъ формѣ и складѣ рѣчи. Записки эти и сдавалъ ученикамъ для списыванія. А въ классѣ предварительно уяснялъ и продѣлывалъ на доскѣ то, что они находили въ запискахъ. Этимъ я хоть немного помогъ успѣху дѣла. Я не былъ въ классѣ безъ внимательно слушающихъ учениковъ и отвѣчающихъ съ знаніемъ того, что я имъ преподавалъ. Но это на первыхъ порахъ стоило большаго труда, и мнѣ приходилось сидѣть дома за постоянной письменной работой. А пасхалию я и самъ не зналъ, въ академіи о ней не было и помина. Къ счастью моему въ Пензенской семинаріи по другому отдѣленію низшаго класса былъ отличный пасхалистъ, преподаватель давнишній,—Павелъ Матвѣевичъ Семиліоровъ, который издалъ въ печати, имъ составленную недавно предъ моимъ поступленіемъ, научную книжку „Пасхалия“, да такую умную и обстоятельную, что мнѣ безъ труда по ней можно было узнать, что нужно, и преподавать. Эту драгоценную для меня книжку я изучилъ, составилъ по ней коротенькія и простенькія записки, и ученики съ охотой ихъ усвоили. Учениковъ было все-таки мало—меньшинство, а большинство все-таки не училось, или училось кое-какъ. Но слава Богу и это, а то приходилось бы и воду толочь...

Семинарія Пензенская была въ то время тѣсенъкая и грязнѣйшая. Зданіе каменное—стариннѣйшей постройки, комнаты классныя низкія—рукой потолоки доставались. Ни стѣны, ни полы не были даже обѣлены, смотрѣли мрачными, полы некрашенные, отъ пыли и

грязи всегда черные. Выметали ихъ кое-какъ, перегоняя пыль съ мѣста на мѣсто. Поэтому въ классахъ всегда было душно и тяжело. Ученики сидѣли всѣ, въ чемъ пришли, въ калошахъ, у кого онѣ были, въ тулупахъ, если зимой, и другомъ верхнемъ платьѣ, потому что классы зимой всегда были холодные. Большую часть зданія занимало начальство—ректоръ и инспекторъ; квартиръ для кого-либо изъ наставниковъ ни одной не было; да квартира ректора была тѣсная, а у инспектора и походить было негдѣ. Ректоромъ въ мое время былъ архимандритъ Евпсихій, а инспекторомъ архимандритъ Серафимъ. Евпсихій былъ пренесносный человѣкъ, по своей горделивости и капризному настроенію и по отсутствію всякихъ достоинствъ. Умомъ и знаніемъ былъ до крайности скуденъ, и удивленія было достойно, какъ могъ онъ быть—и долго—ректоромъ при полной своей неспособности. И вѣѣшность его была самая мизерная: маленький ростомъ, съ морщенной дурной фizioноміей, съ походкой задорнаго пѣтушка. Нельзя было не смѣяться при видѣ этой удивительной каррикатурной фигуры. Не даромъ онъ въ свое время фигурировалъ въ сатирическомъ журналѣ „Искра“. Говорили, что онъ въ академіи шелъ по третьему разряду, т. е. такой былъ ученикъ, котораго за неспособностію надо было давно уволить, но его терпѣли и провели до конца, только ради одного его монашества. Въ Пензенской семинаріи онъ служилъ очень долго, и къ счастью не пошелъ дальше,—не пустили въ архіереи, а убрали въ какой-то монастырь на подобающее мѣсто... Отъ наставниковъ онъ держалъ себя всегда въ отдаленіи, и по своему мелочному тщеславію желалъ и беззастѣнчиво даже выражалъ, чтобы они, особенно молодые, еще незаслуженные, были къ нему какъ нельзя болѣе почтительнѣе, т. е. когда останавливалъ онъ ихъ гдѣ въ корридорѣ, или на дворѣ, и что-либо говорилъ имъ,—то они непремѣнно стояли бы безъ шапокъ. Конечно, никто этого передъ нимъ не дѣлалъ, но онъ отъ этого рьяно пѣтушился... Инспекторъ Серафимъ былъ человѣкъ достойный, тихо и кротко держалъ себя вездѣ и во всемъ, по тоска внутренняя его постоянно грызла, и отъ того, какъ говорили, что его слишкомъ долго держать на одномъ инспекторскомъ мѣстѣ, и не повышаютъ; забыли почему-то и не въ вниманіи былъ онъ у высшаго начальства. Слышно было, что его куда-то двинули въ послѣдствіи въ ректоры, но въ архіерействѣ его не оказалось. Епископомъ въ Пензѣ въ мое время былъ Варлаамъ, недавно переведенный сюда изъ Архангельска, на мѣсто умершаго Амвросія Морева, который въ Пензѣ оставилъ память въ духовенствѣ тѣмъ, что всѣхъ своихъ многочисленныхъ племянницъ размѣстилъ по лучшимъ священническимъ мѣстамъ, отдавая ихъ замужъ все за профессоровъ семинаріи, и снабжалъ ихъ богато

имѣніемъ. Сестра Амвросія старушка имѣла въ Пензѣ большой двухъ-этажный каменный домъ, купленный ей братомъ; въ домѣ этомъ она жила съ двумя своими зятьями, изъ которыхъ одинъ, Яковъ Петровичъ Бурлуккій, былъ профессоромъ и экономомъ семинаріи и еще протоіереемъ при городской церкви, самой доходной изъ всѣхъ въ Пензѣ; другой—профессоромъ только одной семинаріи былъ, не успѣвшій получить лучшаго священническаго мѣста за скорою смертію дядюшки, но зато рассчитывавшій одинъ имѣть во владѣніи тещинъ каменный домъ по ея смерти, потому что Яковъ Петровичъ—своику его, былъ и слылъ большимъ богачемъ; а онъ, Константинъ Ѳеодоровичъ Смирновъ, не успѣлъ получить ожидаемыхъ благъ отъ дядюшки за его смертію.

Епископъ Варлаамъ былъ права крутаго, но прямого и честнаго. Велъ онъ жизнь простую, безъ всякихъ сибаритскихъ прихотей, и доступенъ былъ для духовенства и другихъ во всякое время. Въ обращеніи былъ грубоватъ и аляповатъ, но это и шло къ его простой, не дипломатичной, а искренней его натурѣ. Роста онъ былъ большущаго, и сложеніе тѣлесное имѣлъ крѣпкое, какъ дубнякъ. Съ удовольствіемъ и пользою ѣлъ простой сухой картофель и капусту кислую, и любилъ гречневую кашу съ медомъ. Обладалъ онъ крѣпкимъ здравымъ смысломъ русскаго стариннаго человѣка и велъ себя и обращался со всѣми по этому своему смыслу, безъ всякаго стѣсненія себя какими-либо тонкостями дипломатическими: вѣжливостію, ласковостію и любезностію, при которыхъ обыкновенно мягко стелятъ, а жестко спать. Духовенство имъ было довольно, потому что онъ не обременялъ его ничѣмъ, и слѣдилъ за консисторіею, на сколько могъ. Въ поѣздкахъ по епархіи ѣздилъ просто—съ малою свитою, и останавливался только у духовенства, которымъ запрещалъ дѣлать угощенія ему, а кормить тѣмъ, что есть, чѣмъ Богъ послалъ, не гнушаясь ночевать и въ бѣдной хижинѣ на убогой постелѣ. Но крѣпостные помѣщики тогдашніе его недолюбливали. Онъ ихъ никогда не ублажалъ и отъ ихъ капризовъ и стѣсненій всегда защищалъ духовенство. Рассказывали тогда, что какой-то помѣщикъ явился къ нему и азартно на словахъ чернилъ своего приходскаго священника, жалуясь на то и другое... Варлаамъ выслушалъ его и, опѣнивъ своимъ здравымъ умомъ все ему наговоренное, прямо сказалъ такіа не дипломатичныя слова этому ярому помѣщику: „Удивляюсь, вы образованный человѣкъ, а являясь къ архіерею, говорите ему бездеремонно такіа глупости“. Ошеломленный помѣщикъ поспѣшно раскланялся, но въ архіерейской передней не выдержалъ и сказалъ въ азартѣ: „это не архіерей, а сибирскій медвѣдь“. Съ аристократіею и плутократіею онъ не сближался, такъ какъ ничего отъ

нея онъ не любилъ выгадывать, да она отъ него не могла чѣмъ пользоваться въ своихъ прихотяхъ. Онъ любилъ сидѣть дома за постоянными занятіями, которыхъ было очень много по управленію одному, а во всякое дѣло онъ считалъ своею обязанностію входить самому непосредственно. Не чуждъ былъ онъ и чисто ученыхъ занятій. Говорили, что онъ занимался пасхалиею и уже составилъ по этому предмету большое ученое изслѣдованіе и готовилъ его къ печати, но требовалъ при этомъ отъ начальства, чтобы цензура его сочиненія поручена была митрополиту московскому Филарету, котораго онъ особенно уважалъ. И я зналъ, что онъ приглашалъ къ себѣ часто пасхалиста преподавателя семинаріи Павла Семилюрова для разныхъ справокъ, и поручалъ въ семинаріи—не отыщутъ ли гдѣ что-нибудь по вопросу: о *dies solis*—день солнца у римлянъ, который былъ и днемъ воскреснымъ. Съ духовенствомъ и съ корпораціею семинарскою и со всѣми учеными онъ любилъ сближаться. Во всѣ высокаторжественные праздники и царскіе дни всѣ духовные и учителя непременно и обязательно къ нему являлись *in corpore* для поздравленія. Всѣ очередные проповѣдники съ своими проповѣдями должны были заранѣе лично быть у него. Онъ принималъ каждого въ своемъ кабинетѣ и заставлялъ свою проповѣдь ему читать, а онъ, сядя, слушалъ, дѣлая по временамъ свои замѣчанія, и затѣмъ на проповѣди своею рукою аляповато писалъ рецензію—чего она стоитъ, и дозволеніе или недозволеніе произнести при архіерейскомъ служеніи. Къ сказыванію проповѣдей очередныхъ привлекались тогда и всѣ наставники не священники. Мнѣ самому лично, тогда въ Пензѣ, пока я тамъ служилъ, пришлось испытать два раза эту комиссію. Первый разъ я пришелъ къ нему съ проповѣдью на текстъ: „не любите міра, пи яже въ немъ“, назначенною мнѣ въ день препод. Варлаама,—день ангела владыки. Проповѣдь по-моему была приличная дню, и написана съ яснымъ убѣжденіемъ въ тщетѣ мірскихъ благъ, но просто, съ доказательствами изъ наблюденія и опытовъ исторически-жизнейскихъ. Но когда я прочиталъ ему, онъ взялъ проповѣдь у меня и, ничего говоря, написалъ на ней: „дозволяется сказать, но впередъ ученому челоѣку нужно писать проповѣди не историческія, а или догматическія или чисто-нравственныя“. Сказать эту проповѣдь мнѣ не пришлось, потому что Варлаамъ рано утромъ отъ именинъ своихъ внезапно уѣхалъ въ загородный свой домъ архіерейскій и потомъ никого къ себѣ не принималъ.

Въ другой разъ носилъ къ нему проповѣдь въ недѣлю мясопустную и постарался вложить свою ученую мудрость въ проповѣдь, чтобы не получать замѣчанія отъ архіерея въ небреженіи ученымъ рангомъ. Изъ дневнаго евангелія о страшномъ судѣ я взялъ тему о

вѣчномъ мученіи грѣшниковъ и написалъ не проповѣдь, а догматическое разсужденіе, въ которомъ доказывалъ необходимость вѣчнаго мученія по требованію божественной природы Бога въ Его существѣ и триничности, по требованію природы грѣшниковъ и по требованію существа грѣха. Когда я явился къ нему, въ это время былъ у него городской священникъ Секторовъ тоже съ проповѣдью на тотъ же день, и онъ уже свое дѣло окончилъ и готовился уходить. Варлаамъ, увидѣвъ меня, остановилъ Секторова подождать, а меня заставилъ читать. Послушавъ нѣсколько, онъ сказалъ Секторову: „ну, отецъ, иди, эта проповѣдь будетъ получше твоей“. Я началъ продолжать чтеніе, которое онъ иногда прерывалъ, и совѣтовалъ, въ какихъ мѣстахъ прибавить: „страшно, страшно, слушатели“. Насилу я кончилъ чтеніе, усталъ, запыхался,—проповѣдь была большая, годная только для кабинетнаго чтенія, читалъ предъ нимъ стоя, сажать онъ не имѣлъ обычая. Когда остановился и отдыхать сталъ, онъ сказалъ мнѣ: „что вы взволнованы“, не думая, что я усталъ и нужно бы посидѣть, а думая о чемъ-то другомъ. На проповѣди онъ написалъ: „углубленіе въ предметъ очень замѣтно, хотя предметъ все еще не изслѣдованъ. Впрочемъ, благословляется сказать“.

Эта проповѣдь сказана мною при архіерейскомъ служеніи въ соборѣ, сказывалъ въ стихарѣ. Это бывало хоть и рѣдко, но крайне тяжело въ нравственномъ отношеніи. Уже давно вышелъ я изъ учениковъ, и ужъ насолило это ученичество въ продолженіе долгой учебной школы, а тутъ еще сумасбродный архіерей Варлаамъ обращается съ тобою и съ твоими проповѣдями по-школярски.

Такъ отводили мы, что называется, душу свою ропотомъ и бранью на Варлаама въ своей компаніи и тихомолкомъ въ другихъ мѣстахъ. Не менѣе тяжелъ былъ Варлаамъ и на экзаменахъ въ семинаріи. Когда пріѣзжалъ на какой-либо предметъ экзамена, непременно должна была собраться вся корпорація наставниковъ, встрѣтить его чуть не за воротами, подобострастно какъ идолу поклоняться,—надо замѣтить, что дома ему кланялись въ ноги; и затѣмъ всѣмъ сидѣть па экзаменѣ до конца. На экзаменѣ онъ уже и ломался во всю свою владычню силу и волю, не экзаменуя, а тѣша лишь себя, чрезъ свою потѣху надъ учениками и надъ ихъ учителями. Безъ возмущенія я не могу вспомнить такой сцены на экзаменѣ, которую владыка продолжалъ, какъ комедію. Вотъ вызваны для отвѣтовъ три ученика, съ ними съ боку стоитъ и учитель, какъ лицо тоже отвѣтственное. Ученики робко читаютъ наизусть, что имъ назначено къ отвѣту. Варлаамъ сурово слушаетъ... И вдругъ, останавливая отвѣчающаго, задаетъ на разрѣшеніе свой вопросъ, пришедшій ли ему внезапно, или заранѣе придуманный, на который ученикъ недоумѣваетъ, что

сказать, и боится, какъ бы въ чемъ не попасться. Помолчавъ нѣсколько, Варлаамъ хмуро киваетъ головой въ сторону учителя, говоритъ: „ну, учитель?“ Учитель начинаетъ говорить, что находитъ нужнымъ. Варлаамъ строго говоритъ: „нѣтъ, не то“, и если учитель боекъ, и говорить все—такъ, или иначе, на разные лады,—Варлаамъ постоянно удерживаетъ или осаждастъ его одними только словами: „все не то, да не то“. Затѣмъ перебираетъ другихъ сидящихъ на виду учителей другихъ предметовъ, и всѣхъ переберетъ, часто до послѣдняго сидящаго. Кого знаетъ, поднимаетъ такъ: „пу-ка, Спасскій протоіерей! Ну-ка, протоіерей Троицкій?“ „Все не то“, говоритъ на слова протоіереевъ мудреный Варлаамъ. „А ну - ка, новенькій“, кивая въ нашу группу, „какъ васъ тамъ учили?“ И новенькимъ скажетъ то же—все не-то. Ну-ка, отецъ инспекторъ? Инспекторъ поднимается медленно, съ грустною улыбкою, прижимая къ груди своей архимандричій крестъ, начинаетъ говорить, что думаетъ. Варлаамъ, помахивая своею головою, озадачиваетъ его словами: „эхъ, учитель Израилевъ, сихъ ли не вѣси! Ну, отецъ ректоръ?“ Убогенькій Евпсихій заерзаетъ на своемъ креслѣ около архіерея, и съ подобострастною улыбочкою что-то начпетъ въ уши архіерею тихонько говорить, и тѣмъ легко отъ него отдѣлывался. Ему Варлаамъ ничего бывало не скажетъ почему-то. И наконецъ все Варлаамъ поканчиваетъ такъ: „а мнѣ кажется дѣлотно простое: вотъ что я хотѣлъ слышать, — и скажетъ въ трехъ-четырехъ словахъ уже дотого простое, что всѣ бывало не падиятся, изъ-за чего же и весь „сыръ-боръ загорался?“ Ректоръ Евпсихій дотого юлилъ предъ Варлаамомъ, дотого пресмыкался, умѣя напускать на себя какую-то сіяющую во всей его фізіономіи несказанную радость и умиленіе отъ созерцанія владыки, что возмутительно было видѣть его въ этой фальши всякому, но Варлаамъ за одно это конечно,—потому что другаго чего въ ректорѣ не было,—благоволилъ къ нему и любовно былъ снисходительнымъ; а къ инспектору Серафиму, державшему себя солидно, какъ подобаетъ приличному достоинству, видимо для всѣхъ не былъ расположенъ... На экзаменахъ публичныхъ ректоръ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы Варлааму воздать поболѣе, какъ только можно, чести и угожденій,—и заставлялъ заранѣе и учениковъ, кто подаровитѣе, а всего чаще наставниковъ—сочинять въ честь и славу владыки рѣчи, которыя и говорились учениками, изучившими ихъ наизусть, предъ владыкою, когда онъ со всею торжественностію и велелѣпіемъ вступалъ въ экзаменаціонныя комнаты. Эти рѣчи Евпсихій предварительно по-своему изукрашивалъ, вставлялъ въ нихъ, гдѣ только возможно, цвѣтистыя, лъстивыя и кудрявыя слова и выраженія во славу владыки. И отъ этихъ цвѣтистыхъ похвалъ не могла не вскружиться и Варлаама голова.

Въ Пензѣ я прожилъ недолго, не болѣе полутора года. Отрадныя воспоминанія остались у меня отъ дружной товарищеской жизни, при которой мы, въ частыхъ компаніяхъ своихъ у того или другаго товарища семейнаго, находили развлеченіе отъ сутолоки служебной. Не мало развлеченія намъ доставляли общественныя гулянья въ городскомъ скверѣ, предъ губернаторскимъ домомъ, гдѣ часто слышалась даромъ прекрасная музыка губернаторскаго оркестра. Губернаторомъ въ то время былъ Панчулидзевъ, старикъ уже, бѣлый, какъ „лунь“, что называется. Онъ давнымъ-давно губернаторствовалъ въ Пензѣ и жилъ всегда въ одно полное свое удовольствіе, какъ истый сибаритъ. Онъ - то и давалъ возможность находить удовольствіе и развлеченіе всѣмъ въ городѣ и даромъ въ скверѣ, который по его старанію давно устроенъ былъ прекрасно, — съ широкими аллеями между деревьями, концентрически проведенными; а въ срединѣ сада площадь, на которой былъ прекрасный фонтанъ, и большая бесѣдка для оркестра.

Дѣлами губернаторъ, какъ говорили, пересталъ заниматься, любилъ, несмотря на старость, только веселиться. У него подъ рукой для всякихъ нужныхъ дѣлъ были преданные и тѣломъ и душой постоянные дѣльцы, составившіе себѣ громкую славу во всей Пензѣ. Это правитель канцеляріи Мѣшковъ и два чиновника особыхъ порученій: кривой на лѣвый глазъ Карауловъ и съ двумя дальнозоркими глазами Кузьминскій. Ходилъ по городу Пензѣ такой про нихъ каламбуръ: „губернаторъ сидитъ въ мѣшкѣ, караулитъ правымъ глазомъ, дабы кого подкузъмить“. Былъ и еще загородный садъ или роща, куда мы могли ходить для гулянья на чистомъ легкомъ воздухѣ. Въ рощѣ этой—театръ, куда мы очень рѣдко ходили, потому что на хожденіе нужны лишнія деньги, которыхъ у меня не могло быть.

Матеріальное обезпеченіе по службѣ въ семинаріи было скудное. Я получалъ въ мѣсяцъ не болѣе 21 р. съ копѣйками, а въ годъ двѣсти пятьдесятъ семь руб. Магистерскій окладъ въ 100 руб. въ годъ, я еще не скоро могъ получить — его выслали черезъ годъ. Квартиръ при семинаріи не было. Уроковъ стороннихъ нигдѣ не находилось. Вотъ и ухитряйся жить прилично. Ну, и жилъ, какъ было можно. Семь руб. съ полтиной платилъ за квартиру со столомъ у одного добраго діакона, при Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ.

Проживъ въ Пензѣ годъ, я уже сталъ чувствовать, что изъ пензенской семинарской жизни и службы не выжмешь для себя жизненной силы. Бѣдна, грязна и сутолочна она до крайности, и не видно было просвѣта къ лучшему. Вслѣдствіе сего, и по мечтамъ поэтическимъ:—„о родина святая! Кто не умиралъ, тебя благословляя“,—я замыслилъ перейти на родину въ Тамбовскую семинарію, и когда

узналъ, что тамъ есть ваканція, немедленно написалъ просительное письмо синодальному оберъ-прокурору о переводѣ меня въ Тамбовъ. Вслѣдствіе этого письма скоро и прислано было на имя епископа Варлаама официальное увѣдомленіе о перемѣщеніи меня согласно просьбѣ. Въ Тамбовъ пріѣхалъ я на свой счетъ и вступилъ въ должность профессора физики и математики 1858 года 6 - го іюня; ректоръ семинаріи архимандритъ Теофилактъ, къ которому представился, принялъ меня съ особенною наружною ласковостію, что меня не мало удивило, при воспоминаіи объ обращеніи пензенскаго пѣтушка Евсикіа. На другой день повезъ меня на тройкѣ своихъ лошадей къ епископу Макарію, который жилъ въ это время въ загородномъ архіерейскомъ домѣ на хуторѣ. И Макарій своимъ ласковымъ обращеніемъ и деликатностію расположилъ къ себѣ и удивилъ, при невольномъ воспоминаіи о грубомъ и аляповатомъ пензенскомъ Варлаамѣ. Ну, подумалъ я, здѣсь не то, что Пенза. Начальство доброе,—служба будетъ, при его вниманіи и добромъ руководствѣ и поощреніи, не тяжела и не безотраднa. И по возвращеніи чувствовалъ себя въ довольствѣ. При семинаріи для неженатыхъ наставниковъ было нѣсколько казенныхъ квартиръ въ особомъ каменномъ флигелѣ, длинномъ и одноэтажномъ; одна изъ нихъ была свободна, въ ней я и поселился. Во флигелѣ этомъ жили три наставника: В. О. Поспѣловъ и Димитрій Николаевичъ Тростяпскій, — уже довольно послужившіе—болѣе 10 лѣтъ, при которыхъ и я еще учился въ семинаріи,—и молодой только-что поступившій изъ С.-Петербургской академіи Николай Михайловичъ Вирославскій, потомъ протоіерей при С.-Петербургской Владимірской церкви. Они меня приняли радушно,—какъ друга - товарища, и я скоро въ кругу ихъ освоился и ориентировался въ совмѣстномъ житьѣ-бытьѣ. Василій Осиповичъ Поспѣловъ жилъ между нами аристократомъ, — такъ звали его наставники. Ему давно удалось войти въ городъ въ свѣтскій кружокъ и завести знакомство съ порядочными людьми и довольно высокими аристократами. Черезъ нихъ онъ имѣлъ частныя должности, дававшія ему значительныя пособія въ матеріальномъ содержаніи, и не мало частныхъ уроковъ съ хорошимъ вознагражденіемъ въ домахъ богатыхъ: Ліона, Арапова, напримѣръ. Все это давало ему возможность жить свободно и въ довольствѣ, ходить въ клубъ и въ театры, и быть общественнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, да и казенную квартиру обставить на свой счетъ на хорошій тонъ, съ диванами и мебелью на пружинахъ. Но мы трое ничего такого не имѣли, пробавляясь долго однимъ скуднымъ семинарскимъ жалованьемъ. Квартиры наши были чисто казематы, тѣсныя, грязныя, съ некрашенными полами, съ хромою и ветхою казенною утварью, въ родѣ стариннаго дивана огром-

ной величины и плотничьей подѣлки съ грубой кожанной обивкой, которая отъ древности уже была протерта до хлама внутренняго, и такихъ же стульевъ, которыхъ рукой одной и поднять было нельзя. Все въ нихъ и во всемъ дышало семинарскою пресловутою бурсою. Но на первыхъ порахъ, при скудости средствъ, я довольствовался и тѣмъ, что нашелъ. Одно то уже не мало значило, что квартира даровая, не платить за нее, да при квартирѣ позволено было довольствоваться чернымъ хлѣбомъ изъ семинарской бурсы и солью и дровами для отопленія кухни и компатъ. Чувствовалось по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ пензенскимъ убожествомъ много лучше и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Комнаты впрочемъ, послѣ усиленныхъ просьбъ у ректора, дешевенькими обоями оклеили, по окраски половъ и поправки старой мебели добиться отъ эконома стариннаго, еще о которомъ я говорилъ выше, протоіерея Степана Березнеговскаго, никакъ не могли. Уперся жидоморъ и никакихъ резоновъ не хотѣлъ слушать. И обоями-то оклеили только потому, что молодой нашъ товарищъ Вирославскій, къ которому епископъ Макарій видимо благоволилъ по землячеству съ нимъ, попугалъ эконома жалобой архіерею. Вирославскій, благодаря этому землячеству, получилъ даже и мебель приличную отъ самого ректора, изъ большого излишка въ ректорской квартирѣ. А мнѣ, когда я просилъ дать хоть два-три стула изъ излишка, этотъ ректоръ, съ кошачьею ласковістю на словахъ, отказалъ, узнавъ, что я ничѣмъ ему не могу насолить, какъ человѣкъ безъ фавора; и долженъ былъ потратиться на новую, хоть и дешевую, свою мебель, выпроводивъ поскорѣ казенную—клоповую. И странное дѣло! когда, спустя нѣкоторое время, поступилъ въ семинарію въ наставники монахъ Венедиктъ, и монахъ-то убогій нравственно, и пьяница горькій, для него живо отдѣлали и квартиру, и мебелью ее снабдили казенною, и жилъ онъ себѣ вольготно въ милости у ректора и инспектора, безъ стѣсненія припѣвая и попивая, и жилъ долго такъ, пока не убрали его какъ непотребнаго въ Задонскій монастырь на укрощеніе. Какъ бы то ни было, но въ домашнемъ—обиходномъ бытѣ я обезпечивался достаточно и дешево. Прислуга у насъ была общая, платили ей не много, и кормилась она на счетъ бурсы вмѣстѣ съ общею семинарскою прислугой. Въ капикулы и лѣтомъ и зимой я ѣзжалъ на отцовскихъ лошадяхъ въ родительскій домъ, все время проживалъ и отдыхалъ въ кругу родныхъ, сберегая большую часть каникулярнаго жалованья. Отцу я приносилъ маленькую помощь тѣмъ, что учащіеся братья жили нѣсколько времени у меня на казенной квартирѣ и учились подъ моимъ присмотромъ и руководствомъ.

Да и самъ онъ пріободрился въ своемъ смиреніи, имѣя сына въ

Тамбовѣ, профессоромъ семинаріи, а профессора тогда пользовались въ мірѣ духовномъ и учебномъ особымъ вниманіемъ и почетомъ, ибо академикомъ тогда было крайне мало, какъ много расплодилось ихъ теперь по всѣмъ даже училищамъ. Когда я мало-мальски обжился и сдѣлался извѣстнѣе, — тогда и консисторскіе перестали одолѣвать и тревожить отца, и даже скорѣе пошли ему и заслуженныя заурядныя награды. Это конечно утѣшало меня тѣмъ, что давало мнѣ возможность хоть чѣмъ-либо и такимъ хоть способомъ вознаградить отца за его воспитаніе и содержаніе во время моего ученія... Со временемъ открылась для меня возможность заняться частными уроками и въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ: Попова, Аранова, Сатиной и даже въ частномъ пансіонѣ княжны Назаровой. Это давало мнѣ не малое пособіе къ скуднымъ семинарскимъ средствамъ, которыя впрочемъ одни на много больше были пензенскихъ; я получалъ уже не 257 р., а 420 р. при казенной квартирѣ бурсацкой, отъ семинаріи. Семинарія Тамбовская была обширнѣе Пензенской и по числу учениковъ и наставниковъ, и по размѣрамъ зданій. Два корпуса было двухъ-этажныхъ каменныхъ; въ одномъ помѣщались казенные ученики—бурсаки; въ другомъ были классы, церковь, квартира ректора, инспектора и библіотека. Въ классахъ было хоть такъ же грязно и зимой холодно отъ нетопленія по экономіи, какъ и въ Пензѣ, но было попросторнѣе. Зимой сидѣли въ нихъ въ теплой одеждѣ, въ чемъ приходили всѣ—и наставники и ученики. Кромѣ двухъ этихъ корпусовъ было два длинныхъ каменныхъ одноэтажныхъ флигеля, — одинъ для квартиръ неженатыхъ наставниковъ, въ другомъ помѣщались кухни и столовыя учениковъ, тутъ же было помѣщеніе для комиссара и служителей—поваровъ и хлѣбопекотъ. Дворъ семинарскій былъ большой и пустой. На немъ семинаристы во всю бурсацкую ширь и удалъ играли въ чижі, чушки и мячъ, или лапту. Въ концѣ двора въ углубленіи стояла деревянная квадратной фигуры семинарская больница, въ которой, съ незапамятныхъ временъ, лѣчилъ и залѣчивалъ больныхъ учениковъ самодѣльными микстурами изъ травъ, собираемыхъ самими учениками, по наряду, въ лугахъ и лѣсахъ весной, „ветхій деньми“ Петръ Степановичъ Вишневскій. О немъ тутъ не могу не замѣтить, что это былъ преоригинальный врачъ и образцовый исполнитель своего врачебнаго долга.

Зная, что семинарская больница содержится на грошевыя средства, онъ никогда не употреблялъ аптечныхъ средствъ, а практиковалъ своими, простыми и ничего не стоющими семинаріи средствами. Всѣ матеріалы для лѣкарствъ доставляли ученики и семинаристы, которыхъ начальство, по его указанію и руководству, по очереди группами командировало для сборки травъ и корней въ лѣса, поля

и луга по окрестностям Тамбова весной и лѣтомъ. Изъ учениковъ всегда при больницѣ жилъ одинъ или два старшихъ классовъ ученика въ качествѣ подлѣкарей, которые заранѣе къ этому готовились, и научались, чему нужно, самимъ Вишневымъ. Эти подлѣкаря съ помощію другихъ дежурныхъ и служителей и приготавливали изъ заготовленнаго матеріала нужныя лѣкарства подъ его руководствомъ и при его указаніи. А пищей больнымъ всегда служила жидкая каша изъ пшена съ масломъ или овсяный жидкій горячій кисель съ масломъ. Этимъ онъ приносилъ большую пользу семинарской экономіи и не насилывалъ молодыхъ натуры аптечными снадобьями, предоставляя все натуральной цѣлительной силѣ юности. Самъ онъ, какъ я наблюдалъ и другіе замѣчали, повидимому, вовсе не болѣлъ. Всегда аккуратно, какъ заведенные часы, неопустительно въ опредѣленное имъ время утромъ, и почти всегда и вечеромъ непремѣнно въ больницѣ, долго и внимательно діагностируя всякаго больного и записывая въ скорбный листокъ свои замѣтки. Велъ онъ самую регулярную жизнь и простую, весь погруженъ былъ въ свое дѣло и ходилъ большею частію пѣшкомъ, рѣдко на лошади, развѣ по далекимъ больнымъ; никогда не видали его въ разсѣянности, или въ веселомъ расположеніи, и улыбался онъ рѣдко и говорить не любилъ. По виду казался чистымъ аскетомъ. Прожилъ на свѣтѣ много лѣтъ, болѣе 80-ти, и умеръ на ногахъ, идя зимой изъ семинарской больницы домой, на дорогѣ. Какъ шелъ тихонько, такъ и свалился на дорогу тихо и незамѣтно. Прохожіе случайно набрели на него, узнали и умирающаго донесли до дома, гдѣ онъ тутъ же испустилъ духъ. Дѣтей у него не было, осталась одна жена, которая послѣ него жила долго въ полномъ достаткѣ и любила благотворить изъ своего имущества. Какъ врачъ Вишневскій оставилъ по себѣ память честнаго, трудолюбиваго и безкорыстнаго врача. Кто бы его ни позвалъ къ себѣ, онъ скоро являлся на помощь больному, не разбирая, бѣдный онъ, или богатый, много ему дадутъ, или немного, или вовсе ничего, онъ спѣшилъ помочь больному и не интересовался платой. Въ послѣднее время онъ былъ въ Тамбовѣ врачебнымъ инспекторомъ.

Живя въ Тамбовѣ и устроившись уже въ своей обстановкѣ житейской, я часто вспоминалъ и о Пензѣ, какъ ни скучно было тамъ жить. Оставленное тамъ товарищеское общество, въ которомъ жило искренно, мирно и дружно, а потому и весело и спокойно, долго не забывалось, тѣмъ болѣе, что въ Тамбовѣ такого товарищества не было. Тутъ жили разьединеннѣе и по интригамъ обособленнѣе. Между нами, живущими въ одномъ мѣстѣ—на казенныхъ квартирахъ, было небольшое товарищеское дружелюбіе, къ намъ примыкали нѣсколько и другихъ, но связь эта поддерживалась болѣе выпивкой, кото-

рой, за отсутствіемъ всякихъ развлеченій, давалось большое употребленіе и свободный ходъ. По этой распивочной части у насъ особенно отличался, жившій съ нами въ одномъ семинарскомъ флигелѣ и старѣйшій холостякъ, Дмитрій Николаевичъ Тростянской, преподаватель естественной исторіи. Когда я еще учился въ семинаріи, онъ уже былъ въ ней учителемъ и состоялъ помощникомъ инспектора. Помогалъ инспекторамъ въ преслѣдованіи учениковъ онъ въ то время очень рьяно, за чтò пользовался благоволеніемъ ихъ особымъ, но ученики его не любили и называли его не иначе, какъ „черный марганецъ“, или чаще „маргашка“, былъ друженъ и съ Іеропимомъ пресловутымъ, о которомъ говорено выше, и совмѣстно съ нимъ дѣлали много зла ученикамъ и многихъ погубили. Въ послѣднее время онъ почему-то перемѣнилъ свой фронтъ, — вѣроятно потому, что, угождая монашествующимъ, онъ чрезъ это ничего отъ нихъ не выгадалъ себѣ, а только опрофанивался самъ,—и изъ угодниковъ имъ сдѣлался ярымъ антагонистомъ. Въ этомъ фазисѣ я его и засталъ, когда поступилъ въ наставники. Отъ природы онъ былъ не рѣчистъ говорилъ больше минами, чѣмъ словами, точно языкъ у него былъ чѣмъ подвязанъ. Онъ хмуро помалчивалъ, или иногда и выкрикивалъ полуфразами что-нибудь въ общемъ разговорѣ въ компаніяхъ. Но какъ только появлялся на столѣ графинъ водки, онъ оживлялся, языкъ его развязывался, и онъ становился находчивымъ въ разговорахъ, свободно—и весело и смѣшно—начиналъ говорить со всѣми, продѣлывая при этомъ энергическія жестикуляціи. Въ этомъ подъемѣ духа онъ становился самъ забавнымъ предметомъ для всѣхъ. Тутъ онъ подъ веселую руку съ откровенностію рассказывалъ свои старыя похождения по помощничеству разнымъ инспекторамъ, которые все сваливали на его шею, а онъ съ простоты изъ кожи лѣзъ, чтобы имъ угодить; приходилъ въ азартъ и съ озлобленіемъ поносилъ всѣхъ монаховъ съ ректоромъ во главѣ за то, что они не оцѣнили его трудовъ и заплатили ему черною неблагодарностію. Въ послѣднее время по закрытіи въ семинаріи естественныхъ наукъ, онъ вышелъ по необходимости до пенсіи и дослуживалъ оную въ уѣздномъ училищѣ. Предметъ свой зналъ основательно и, состоя членомъ разныхъ обществъ сельско-хозяйственныхъ, пописывалъ разныя статейки, отсылая ихъ въ издаваемые журналы для печатанія. Умеръ въ отставку, наживъ экономіею небольшой капиталецъ, который скопилъ отъ спартанской своей жизни и отъ долгаго преподаванія естественной исторіи въ кадетскомъ корпусѣ.

Другомъ Тростянского вообще, а особенно по части выпивки былъ преподаватель логики и психологіи Иванъ Максимовичъ Сладкопѣвцевъ. Человѣкъ умный, но крайне вздорный, а въ нетрезвомъ

видѣ грубо-буйный. Я засталъ его еще холостымъ съ желчною фізіономією. Потомъ онъ женился на дочери кирсановскаго протоіерея, который снабдилъ его всѣми матеріальными благами для достаточной жизни, — купилъ ему домъ въ Тамбовѣ и далъ денегъ на черный день. У протоіерея была единственная дочь — и наслѣдница всего имѣнія стариковъ. Можно было жить, не стѣсняясь. Дома одни безъ дѣла мужъ и жена всегда скучали, а это и побуждало ихъ постоянно и самихъ „въ гости ходить и къ себѣ гостей водить“. А въ гостяхъ было одно развлеченіе—празднствовать и злословить, а чтобы не было утомленія и истощенія въ разговорѣ, нужно было попивать во главѣ съ добрымъ хозяиномъ. Наша холостая компанія постоянно посѣщала Ивана Максимовича, и онъ и жена всегда рады были дорогимъ гостямъ, которые ходили запросто, какъ въ свой домъ. То же дѣлалъ и онъ намъ въ возмездіе; эти посѣщенія у насъ происходили въ разныхъ серьезныхъ разговорахъ по вопросамъ общественнымъ, политическимъ и литературнымъ; часто мы судили и рядили и о томъ, что дѣлается въ семинаріи по части управленія и экономіи, хулили, бранили, глумились, что не такъ, не по-нашему; особенно пробирали консисторскія безобразія и проказы разныхъ канцелярскихъ дѣятелей и крючковъ. Такого рода разговоры мало по малу начинали входить въ привычку, когда пообжились всѣ молодые въ Тамбовѣ, и они затѣвались вездѣ, гдѣ бы ни были въ гостяхъ. Но и при этихъ разговорахъ всегда бывала большая выпивка, которая иногда заканчивалась и импровизированнымъ пѣніемъ наскоро составившагося изъ насъ веселыхъ—хора. Если бывалъ И. М. Сладкопѣвцевъ въ этихъ компаніяхъ одинъ безъ жены, то всегда доходилъ до послѣдняго же взвода въ панданъ своему другу Тростянскому и нерѣдко производилъ скандалъ. Жена же не допускала его до этого и, замѣтивъ признаки, уводила его изъ гостей поскорѣе домой. Поступивъ въ священники, Сладкопѣвцевъ нѣсколько времени былъ воздержаннаго образа, крѣпился, но обжившись поворотилъ на старое и пріобрѣлъ неукротимую привычку выпивать дома одинъ. По смерти жены своей онъ еще больше сталъ пить, заливая горе водкой, разстроилъ донельзя свое здоровье, впалъ въ алкоголизмъ съ *delirium tremens* и умеръ въ нервномъ параличѣ... Эти два субъекта, Тростянскій и Сладкопѣвцевъ, съ самаго начала моего поступленія сильно вліяли на товарищескій кружокъ, и немало зла происходило въ нашихъ компаніяхъ отъ увлеченія ихъ заразительною попойкой. Но съ теченіемъ времени это вліяніе стушеввалось, и оба эти неугомонные гуляки подпали сами подъ опеку товарищей, которые при всякомъ случаѣ умѣли укрощать ихъ во-время и не давали въ компаніяхъ доходить имъ до крайностей.

Кругъ молодыхъ и холостыхъ наставниковъ постоянно мѣнялся одинъ, послуживъ годъ-два, выбывали, кто на родину, кто съ родины въ Питеръ, ища себѣ чего-либо лучшаго. На должность семинарскую смотрѣли мы всѣ, какъ на переходную, какъ на бивуакъ, съ котораго непремѣнно нужно сняться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, иначе замытарѣшь, пропадешь. Все на ней и располагало къ этому: скудное наставническое жалованіе, на которое едва прожить и холостому, а молодежь наша сильно тогда стремилась къ женитьбѣ, боясь оставаться старымъ холостякомъ. Прослужи свѣтскій человѣкъ—не священникъ и не монахъ въ семинаріи хоть весь служебный срокъ, не получить ему никогда никакого креста или награды, развѣ за 35 лѣтъ Владиміра, на смерть. Такая ужъ была несправедливая монашеская манера. Обильно и скоро сыпались эти награды только монахамъ, поменьше наставникамъ, священникамъ, а прочимъ полагалось въ царствіи небесномъ.

Не желая идти въ монахи и пользоваться ихъ антимонашескими благами, но желая жениться, чтобы жить въ нормальномъ положеніи солиднаго общественнаго дѣятеля, многіе изъ молодыхъ наставниковъ, чтобы имѣть обезпеченіе для семейной жизни, располагались принимать священническій санъ, становясь приходскими священниками и не оставляя карьеры наставнической. Въ такомъ положеніи былъ и я, перешедшій на родину съ расположеніемъ тутъ упрочиться. Не находя впрочемъ скорого и удобнаго случая для женитьбы и поступленія во священники въ Тамбовѣ, и начиная уже тяготиться неопредѣленностію своего положенія, я началъ предпринимать мѣры стороннія: подавалъ прошенія нѣкоторымъ попечителямъ учебныхъ округовъ по министерству народнаго просвѣщенія, прося ихъ о предоставленіи мнѣ учительскаго мѣста въ гимназіи, писалъ знакомымъ и товарищамъ по этому вѣдомству о содѣйствіи, и получалъ только одно извѣстіе:—будутъ имѣть въ виду, надо подождать. Посылалъ просительное письмо военному главному священнику Василю Борисовичу Бажанову, и отсюда все тоже получалъ увѣдомленіе: имѣть въ виду при открывшейся священнической вакансіи въ Гвардейскомъ или Гренадерскомъ полку, о чемъ я его просилъ. Но нужно все ждать, не знал, дождешься ли. Наконецъ, вздумалъ поѣхать и самъ своею особою—попытать счастья. Товарищъ мой, бывшій наставникомъ вмѣстѣ со мной въ Тамбовѣ и только-что уѣхавшій въ Питеръ для занятія священническаго мѣста тамъ при церкви на Пескахъ, съ женитьбою на дочери своего предмѣстника протоіерея, сдавашаго ему свое мѣсто, Василій Матвѣевичъ Масловъ, написалъ мнѣ письмо о томъ, что есть невѣста и за нею мѣсто священническое при Сампсоніевской церкви, можно не задумываясь ѣхать, тѣмъ болѣе, что

священникъ сампсоніевскій общается заплатить прогоны, если дѣло и не состоится. Приѣхавъ въ Петербургъ зимой въ январѣ—началѣ 1862 года, я нашелъ тамъ немало товарищей тамбовскихъ, среди которыхъ былъ не одинокъ и чувствовалъ себя всегда весело и бодро. Это были два брата Масловы, изъ которыхъ Василій готовился къ женитьбѣ и познакомилъ меня съ семействомъ песковского протоіерея, имѣвшаго въ то время одну дочь—невѣсту Маслова и два сына уже на службѣ; другой кончившій курсъ академіи братъ Иванъ Масловъ, ждавшій назначенія. Еще былъ тутъ Николай Яковлевичъ Аристовъ, мой однокашникъ по академіи, жившій въ Петербургѣ управляющимъ одного частнаго дома и готовившій докторскую диссертацию для занятія профессорской должности въ университетѣ, каковую впослѣдствіи и получилъ, и умеръ недавно на должности профессора и инспектора лицея въ Нѣжинѣ; да въ семинаріи Петербургской учитель Алексѣй Дмитріевичъ Маловъ, товарищъ мнѣ по семинаріи Тамбовской. Большую часть времени я проводилъ въ радужномъ семействѣ неvěсты Маслова, въ церковномъ большомъ домѣ при церкви Христорожденской на Пескахъ. У старца протоіерея было въ Петербургѣ не мало родственниковъ, они часто его навѣщали. Это семейство и показало мнѣ, что нужно наскоро узнать и увидѣть новичку въ Петербургѣ, и давало мнѣ возможность бывать вмѣстѣ съ ними въ ложахъ Петербургскихъ театровъ и видѣть представленія лучшихъ актеровъ и піесъ. Прожилъ я такимъ образомъ въ Петербургѣ болѣе мѣсяца. Нашелъ и еще знакомыхъ и бывалъ у нихъ, наприм. священника Владимірской церкви Николая Вирославскаго, который полгода служилъ вмѣстѣ со мной въ Тамбовѣ, и котораго я нашелъ отъ богатства, повалившаго къ нему отъ самой доходной въ Питерѣ церкви, и отъ бездѣлья уже ожирѣвшимъ до чувственной животности сибаритомъ, и не симпатичнымъ; въ Ораніенбаумѣ нашелъ земляка протоіерея при дворцовой церкви Гаврила Марковича Любимова, который предлагалъ мнѣ жениться на дочери исаакіевского ключаря, своей свояченицѣ, общая за ней и мѣсто, но я нецеремонно и даже съ жалкою теперь для меня по воспоминанію несообразительною по глупости юношеской неделикатностію отказался, повѣривъ предварительнымъ ходившимъ слухамъ, и побывать тамъ по его приглашенію; эта неловкость долго меня мучила послѣ—совѣстно было предъ Гавриломъ Марковичемъ, съ радушіемъ относившимся къ своимъ землякамъ. Еще нашелъ я земляка и близкаго по родинѣ чиновника, служившаго въ какомъ-то департаментѣ столоначальника Громова, женатаго; у него былъ раза два и обѣдалъ. Онъ меня разъ повезъ въ итальянскую оперу; я ее никогда не видалъ, приѣхали мы не рано—даже немножко опоздали, всѣ билеты

на мѣста подешевле были разобраны, оставались дорогіе билеты, а я уже располагался завтра ѣхать изъ Петербурга совсѣмъ; случая видѣть оперу съ знаменитыми итальянскими пѣвцами Тамберликомъ, Кальцолари, не хотѣлось упустить, ну, и убѣдилъ онъ меня не жалѣть—потратиться, и вотъ онъ и я заплатили по 6 руб. за билеты, за то въ высшихъ рядахъ кресель. Объ этой тратѣ мнѣ приходилось не разъ чувствительно пожалѣть, и только эстетическое удовольствіе, отъ удивительнаго искусства и необыкновенной силы голоса пѣвцовъ, смягчало матеріальную жалость. Дѣла своего, за которымъ собственно и пріѣхалъ въ Петербургъ, я не сдѣлалъ. Не судьба, вѣрно, была мнѣ жить въ немъ. Не по складу моей натуры онъ и приходился мнѣ со всею своею удушливою атмосферою, гдѣ все навтыжку, тонко и дипломатично, все дѣлается по расчету и ради карьеры, съ оставленіемъ высшихъ душевныхъ побужденій искренняго сердца. Посмотрѣлъ, приглядѣлся и понюхалъ петербургское благовоніе и неблаговоніе, и порѣшилъ оттуда въ свою простую, солидную и живую по нутру своему провинцію уѣхать. Хотя то взять, какъ мои товарищи женились. На мѣстахъ женились, а вовсе не на невѣстахъ. Невѣсты ихъ были и старше ихъ, и чахлыя отъ долгаго невѣстинскаго застоя; зато мѣсто покойное и доходное, живи, ѣшь, пей и жирѣй, если ничего болѣе не требуетъ молодое сердце. Какъ только я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и немного оглядѣлся, тотчасъ же съ своими товарищами отправился къ Сампсонію, гдѣ указана мнѣ была невѣста; приняты были хлѣбосольно, сидѣли съ батюшкой и бесѣдовали долго одни до самыхъ огней. Невѣста все не показывалась,—слышались изъ отдаленныхъ комнатъ шуршаніе и движеніе отъ уборовъ невѣсты, наконецъ, отворились двери, и выходитъ торжественно въ пухъ и прахъ разодѣтая и распудренная невѣста, большаго роста, далеко не первой молодости. Послѣ взаимныхъ представленій всѣ сѣли и долго другъ друга разсматривали,—невѣста меня и моихъ спутниковъ, а мы ее, и всѣ въ какомъ-то недоумѣніи молчали; особенно я былъ какъ бы чѣмъ ошеломленъ; мнѣ и не воображалось, чтобы такая бабелина могла претендовать на невѣсту юноши, какимъ я былъ. Она казалась пожившею дамою, имѣющею дѣтей моего возраста. Скоро Аристовъ вывелъ всѣхъ изъ молчанія, заговоривъ что-то съ невѣстой, она на его слова что-то сказала съ усмѣшкой. Немного посидѣвъ и поговоривъ за поданной закуской и чаемъ, мы наконецъ возвратились домой. Дома, т. е. въ квартирахъ своихъ въ гостиницѣ, ни они мнѣ, ни я имъ, ничего почему-то, и не говорили о невѣстѣ. Я оставилъ о ней всякія помышленія и, несмотря на зовы побывать еще, я кое-какъ это отклонялъ, а о обѣщанныхъ прогонахъ я, на заявленія о нихъ,

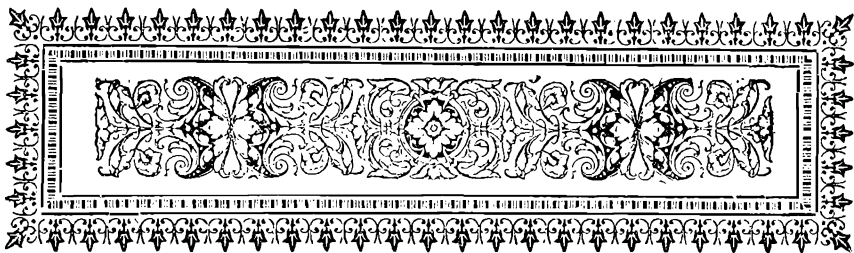
постарался щегольнуть великодушіемъ, что дескать я ѣхалъ въ Петербургъ по своимъ другимъ интересамъ и прогоновъ мнѣ и не слѣдуетъ... Оборвавшись на этой невѣстѣ съ мѣстомъ, я чрезъ нѣсколько времени рѣшился лично явиться къ Бажанову, котораго я прежде просилъ о мѣстѣ въ полку, какъ сказано выше, и лично изъ его устъ узнать, что можетъ быть полезнаго для меня отъ него. Думалъ, что не доберешься до него, не скоро пустятъ, онъ и архіереевъ заставлялъ себя подолгу ждать, — человекъ близкій государю, какъ духовникъ, и старѣйшій членъ Синода. Но, къ изумленію моему, онъ сію же минуту вышелъ ко мнѣ по докладѣ, въ простомъ домашнемъ подрясникѣ, сѣлъ на стулъ и ласково меня около себя посадилъ, спрашивая, что мнѣ нужно. Ободренный такимъ искреннимъ пріемомъ, я свободно высказалъ ему, что нужно. На это онъ мнѣ просто сказалъ, что свободныхъ вакансій нѣтъ и едва-ли скоро будетъ. Вѣдь и я, какъ въ епархіяхъ архіереи, говорилъ онъ, зачисляю мѣста за сиротами-невѣстами. И тутъ я понялъ, что безъ невѣсты не получу мѣста. Когда я, по возвращеніи, рассказалъ товарищамъ объ этомъ результатѣ у Бажанова, и узнало объ этомъ семейство песковского протоіерея, то у него возникла мысль женить меня на одной изъ внучекъ протоіерея, сиротѣ Ольгѣ, которая была уже перешедшею пору невѣсты — давно зрѣлыхъ лѣтъ. Старикъ, дѣдъ ея, ко мнѣ въ это время былъ расположенъ, я съ нимъ почасту умѣлъ бесѣдовать. Онъ высказалъ прямо, что къ Василию Борисовичу самъ пойдетъ, и онъ ему, какъ бывшему товарищу своему, не откажетъ. Пошли въ ходъ старанія о сближеніи меня съ невѣстой, и много случаевъ на это изобрѣтали. Но нужнаго сближенія, при всѣхъ стараніяхъ, какъ-то все не выходило. Между мной и невѣстой не проявлялось и незарождалось ничего почти симпатическаго. Она не была дурна, но такъ много думала о себѣ и своемъ образованіи, которое она получила въ заведеніяхъ Петербурга и дома, — покойный отецъ ея былъ профессоромъ университета, а также и сама приумножила практикой учительницы, — что смотрѣла на меня, какъ на низшаго по развитію, и въ разговорѣ со мной высказала мнѣ, что она имѣетъ свои убѣжденія, отъ которыхъ не отстанетъ, напр., она святыхъ не почитаетъ, и имъ не считаетъ нужнымъ молиться; предъ Богомъ не должно быть протекціи святыхъ; прямо Ему Одному и молись, Онъ безъ протекціи услышитъ и дастъ, что нужно; не нравится ей и то, что я разсчитываю получить мѣсто чрезъ протекцію постороннюю, а не по своей силѣ и достоинству только, что было бы лучше; высказала наконецъ то, что она желаетъ выйти замужъ, чтобы любить мужа и уважать его...

Въ это время въ Петербургѣ много говорили о писателяхъ Ша-

повѣ и Помяловскомъ, они своими сочиненіями и особенно громкою ихъ славою, особенно въ томъ кругу, гдѣ она вращалась, давно уже кружили ея голову, и она въ воображеніи своемъ давно уже стала обожать Пѣпова, какъ героя, не выдавъ его лично. Какъ дѣвица ловкая и развитая, что называется бой, она сумѣла хорошо отъ меня отдѣлаться, и родственниковъ не оскорбить за участіе въ ея судьбѣ, и свободно достигнуть намѣченной цѣли. Съ Пѣповымъ она впоследствии нашла возможность сблизиться, выйти за него замужъ, хотя и не на радость.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки протоіерія Пѣвницкаго.

V¹⁾.

Мое возвращеніе въ Тамбовъ.—Реформы въ духовномъ вѣдомствѣ.—Архимандритъ Геннадій.—Епископъ Макарій.—Епископъ Оеофанъ и консисторскій секретарь Радкевичъ.—Консисторскій триумвиратъ.—Епископъ Оеодосій.—Секретарь Остроумовъ.—Мое назначеніе въ Тамбовскій женскій институтъ.—Епископъ Палладій.—Вопросъ о преобразованіи церковнаго суда.—Лебедевъ и его книга.

Нослѣ неудачныхъ поисковъ за невѣстой, я разстался съ Петербургомъ охотно и, по возвращеніи въ Тамбовъ, успокоился тѣмъ, что „тамъ хорошо, гдѣ насъ вѣтъ“. И пошла опять семинарская жизнь по своему обычному руслу. Въ это время и надъ семинаріями и надъ всѣмъ вѣдомствомъ повѣяло новымъ духомъ,—духомъ обновленія, того всеобщаго обновленія, которое предпринялъ великій царь освободитель Александръ Николаевичъ своими реформами. Составленъ былъ при Синодѣ комитетъ для выработанія проекта по преобразованію семинарій подъ предсѣдательствомъ Димитрія, архіепископа херсонскаго. Проектъ былъ скоро составленъ и присланъ въ семинарію для рассмотрѣнія и составленія отзыва о немъ. Проектъ оказался невозможнымъ практически. Онъ, какъ говорили, скопированъ былъ съ іезуитскихъ школъ и до того проникнутъ іезуитскою религіозно-нравственностію, что по нему семинаріи выходили какими-то урочливыми моаствырями, съ спеціальнымъ назначеніемъ изъ дѣтей и юношей выковывать монаховъ высокой нравственности. Съ горячностью раскритиковали мы, наставники,—особенно молодежь, написали свой отзывъ, редакція котораго возложена была на меня, и отдали ректору на дальнѣйшее распоряженіе. Проектъ этотъ провалился, и состав-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1905 г.

ленъ скоро новый комитетъ подъ предсѣдательствомъ, кажется, протоіерея Іосифа Васильевича Васильева, который былъ предсѣдателемъ и учебнаго комитета при Синодѣ. Уставъ этого послѣдняго комитета и есть теперешній уставъ преобразованныхъ семинарій, училищъ и академій. Пошли отрадные слухи о преобразованіи быта духовенства, и въ матеріальномъ и юридическомъ отношеніяхъ. Предъ этими преобразованіями много надѣлали шуму въ интеллигентной публикѣ два сочиненія даровитыхъ писателей, появившіяся въ печати: одно Помяловскаго: „Семинарская духовная бурса“, въ которомъ талантливо изображена ужасно грязная картина быта и жизни бурсацкой въ своихъ грязныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Все, что написалъ Помяловскій, произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, которое собственно и побудило энергичнаго и умнаго тогдашняго прокурора Синода Димитрія Андреевича Толстаго поскорѣе взяться за преобразование духовно-учебныхъ заведеній.

Невообразимо тяжелое впечатлѣніе и ужасное даже смущеніе произвело въ обществѣ другое сочиненіе Беллюстина, отпечатанное за границей и распространившееся въ Россіи, по рукамъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, контрабандой, подъ названіемъ: „Сельское хозяйство“. Въ немъ описано было съ живою дѣйствительностью жалкое положеніе духовенства, стонущаго издавна и совершенно безпомощно подъ игомъ рабства у своихъ всевластныхъ владыкъ-деспотовъ архіереевъ, и отъ всевозможныхъ притѣсненій, поборовъ и обидъ архіерейской свиты, а по выраженію книги—„архіерейской сволочи“, и разныхъ канцелярій. Съ такою же дѣйствительностью и реальностью изображено все поведеніе архіереевъ по разнымъ своимъ отношеніямъ, а особенно по отношенію къ подчиненному духовенству. Все униженіе, запуганность, бѣдность и безпомощность и раболѣпность, которыя давили духовенство тяжелымъ гнетомъ, парализируя его жизнь и дѣятельность, авторъ сочиненія приписываетъ собственно и почти исключительно архіереямъ, которые не только ничего не хотѣли дѣлать, чтобы хоть сколько-нибудь вывести духовенство изъ антихристіанской рабской припиженности, но все напротивъ дѣлали такое, что погружало ихъ еще въ болѣшую приниженность и рабство. За это онъ часто называетъ архіереевъ россійской церкви: книжниками и фарисеями, возсѣдающими на Моисеевомъ сѣдалищѣ, а то и макіавеями и сатрапами въ рясахъ, у которыхъ одинъ принципъ: *pereat Ecclesia, fiat nostra voluntas*.—Припоминается мнѣ изъ этой книги такая картинка съ натуры въ архіерейской пріемной. Собрались просители разнаго духовнаго сана и чина, долго ждутъ владыки, ждутъ до утомленія въ страхѣ и трепетѣ, каждый повторялъ про себя придуманное объясненіе, чтобы не забыть, келейники

архіерейскіе нагло шныряютъ и взадъ и впередъ, разставляя просителей и обирая ихъ, и всѣхъ окидываютъ презрительными взорами. Послѣ долгаго ожиданія и изнеможенія—вдругъ раздается: „преосвященный идетъ!“ Всѣ моментально приходятъ отъ этихъ двухъ словъ въ такое ужасное положеніе, что какъ будто сказали имъ, что надъ ними потолокъ валится. У многихъ выскакиваетъ изъ головы все, что они придумали сказать владыкѣ. А владыка идетъ медленно, передвигая ноги, съ свирѣпымъ видомъ и грозною позитурою. Послѣ земныхъ ему поклоновъ, онъ грубо спрашиваетъ перваго: ты зачѣмъ, нелѣпный? Объясниться съ ваш-мъ; что? вѣрно, кляузы какія, у васъ вѣчно кляузы. А ты что? Тотъ, къ кому былъ этотъ вопросъ, отъ страха забылъ, что хотѣлъ сказать изъ придуманнаго, и началъ что-то бормотать. Ну, такъ, все кляузы. Отобравъ прошенія и ничего не поговоривъ въ утѣшеніе нуждающихся, владыка также грозно повертывалъ назадъ, какъ и впередъ, довольный собой и своей всевластной головой. Многіе современные архіереи увидѣли себя въ этой книгѣ, какъ въ зеркалѣ; наприимѣръ, Филаретъ московскій, которому поклонялось духовенство, какъ божеству, трепетало и пресмыкалось подъ его деспотизмомъ. Въ газетной литературѣ возвѣстилъ о появленіи такой книги Муравьевъ, писатель религіозный, давъ о ней отзывъ такого рода, что авторъ взвелъ хулу на русскую церковь, позоря ее въ лицѣ ея іерарховъ - святителей. Но всѣ прочитавшіе эту книгу не нашли въ ней никакой хулы, а нашли только одну колкую и рѣзкую правду о современныхъ и историческихъ—прежнихъ архіереяхъ, которые уклонились отъ своего истиннаго образа великаго архіерея и первосвященника Христа Спасителя, который былъ „кротокъ и смиренъ сердцемъ“, льна курящагося не угасалъ и трости надломленной не ломалъ, который не только никого не заставлялъ предъ нимъ пресмыкаться, но всѣмъ говорилъ и особенно апостоламъ, что онъ пришелъ не для того, чтобы ему служили, но всѣмъ послужить, что князи и вельможи міра сего любятъ господствовать и властвовать, а у меня—въ христіанской церкви—не такъ, а кто первый, да будетъ всѣмъ слуга.

Не нашель, какъ говорили тогда, въ этой книгѣ никакой хулы на церковь и великій императоръ Александръ Николаевичъ, когда довели до свѣдѣнія его эту книгу контрабандную и онъ ее прочиталъ. И затѣмъ приказалъ секретнымъ порядкомъ разослать по экземпляру этой книги каждому архіерею съ наказомъ: имѣть ее у себя въ виду, какъ книгу настольную. Какъ громомъ поразила и пришибла всѣхъ тогдашнихъ архіереевъ эта громкая книга, написанная въ горячемъ и возмущенномъ неправдою чистомъ сердцѣ, написанная, можно сказать, безъ преувеличенія, не чернилами, а

кровію. Всѣ интеллигентные люди, и высшіе и средніе, постарались ее достать, имѣть у себя или прочесть, какъ ни трудно было это, такъ такъ книга шла изъ-за границы, тайкомъ, и распространялась въ Россіи секретно. Мнѣ удалось ее прочесть и имѣть въ рукахъ въ селѣ Трескинѣ въ домѣ отца, которому сообщили ее помѣщики Чичерины. Какъ ни хранилось въ тайнѣ имя автора, но архіереи его узнали. Онъ былъ священникъ, образованіе получилъ высшее въ академіи, ученый и талантливый, писатель, могъ бы составить себѣ высшее по службѣ положеніе, но его постарались заключить въ захолустный городъ Калязинъ Тверской губерніи и держали его тамъ въ положеніи священника зауряднаго подъ опалой, никогда ничѣмъ его не награждая до самой смерти; умеръ онъ недавно въ старости, не далѣе, кажется, какъ 1890 году. Между тѣмъ официально ничего не числилось за нимъ предосудительнаго по формуляру, и былъ достойнѣйшій и дѣятельный пастырь, пользовавшійся всегда большимъ уваженіемъ во всей окрестности, принималъ участіе горячее и дѣятельное въ земствѣ и городскомъ обществѣ, въ качествѣ гласнаго, и печаталъ по общественнымъ вопросамъ мѣстнымъ въ газетахъ много статей подъ своимъ именемъ. Долго говорили о книгѣ Беллюстина, много было шуму о ней и вверху и внизу,—и этотъ шумъ и говоръ общественный особенно страшилъ архіереевъ, которые, къ утѣшенію духовенства, начинали понемногу сдерживать себя въ проявленіи властолюбивыхъ инстинктовъ и чувствовали себя постоянно въ какомъ-то испугѣ, ожидая себѣ худшаго. Духовенство скоро замѣтило, что архіереи въ обращеніи съ нимъ вдругъ, неожиданно для него, много понизили свой прежній тонъ и съ священниками стали обращаться поласковѣе и повѣжливѣе, перемѣнивъ грубое ты на вы, а манеру напускной грозы и искусственнаго величія на естественный образъ человѣческой, хоть немножко отражающій въ себѣ образъ Божій. Стали даже приглашать иныхъ послужившихъ въ свои гостиныя, которыхъ прежде никогда не удостоивались, и которыя свободно паполись только помѣщиками, чиновниками свѣтскими и богатыми купцами и церковными старостами, если они были богаты и чѣмъ-либо вліятельны,—приглашенные священники получали отъ владыкъ право садиться и даже по-человѣчески съ ними бесѣдовать. Это пониженіе архіерейскаго тона замѣтили, къ облегченію своему, и наставники въ семинаріи на архіерейскихъ экзаменахъ. Прежде архіерей во все время производства экзаменованія учениковъ, будь это время 2—3 часа, никогда не позволялъ сидѣть наставнику экзаменуемаго предмета, а морилъ его все это время стойкою съ безсердечнымъ равнодушіемъ къ его усталости и даже къ старымъ годамъ и заслуженной чести. А теперь стали сами уже и сажать наставниковъ,

хоть и неохотно дѣлалъ это, что замѣтно было потому, что иные получали право сидѣть съ самаго начала, а другимъ это право давалось послѣ небольшой стойки, но такъ, какъ бы это случилось по забывчивости владыки.

Слава Богу! говорили всѣ,—хоть пемножко наши архіереи сдвинулись съ своихъ искусственныхъ ходуль и стали подходить къ естественному своему нормальному положенію. Милостивый и праведный Господь, по молитвамъ униженныхъ и оскорбленныхъ, пошлетъ что-нибудь и большее, ко благу церкви Христовой. Все духовенство стало жить и оживляться надеждою, „посланницей небесъ“, и надежда эта не была безплодна. Господь воздвигъ дѣятеля „потребнаго въ свое время“, въ лицѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Дмитрія Андреевича Толстаго, избраннаго и утвержденнаго въ этой должности непосредственною волею великаго императора Александра Николаевича, съ совмѣщеніемъ въ одномъ лицѣ и должности министра народнаго просвѣщенія. Новый оберъ-прокуроръ, по мысли государя, со всею свойственною ему энергіею, съ умѣніемъ и твердостью взялся за осуществленіе давно уже назрѣвшей идеи объ улучшеніи быта привиженнаго руссійскаго духовенства. Онъ началъ дѣло прежде всего съ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, чтобы вывести ихъ изъ деморализующаго бурсацизма. Изыскалъ средства для построекъ новыхъ зданій и расширенія и обновленія старыхъ; возвысилъ всѣмъ оклады содержанія и жалованія, исходатайствовавъ предъ государемъ ежегодный отпускъ на это, въ пособіе къ имѣющимся своимъ средствамъ синодальнаго вѣдомства, полтора миліона рублей изъ государственнаго казначейства; далъ наставникамъ права на награды и повышенія по службѣ независимо отъ того, свѣтскіе они или духовные, священники или монахи; уничтожилъ исключительную привилегію монашества быть начальниками заведений—ректорами и инспекторами, и ввелъ свободный выборъ въ эти должности изъ магистровъ академіи, въ семинаріяхъ ли или въ средѣ духовенства, и выборъ предоставилъ всей корпораціи семинарской. Правленіе семинаріи усилено было нѣсколькими членами отъ духовенства и изъ среды наставниковъ—по выбору; и сверхъ того учрежденъ никогда небывалый въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ педагогическій совѣтъ изъ всѣхъ наставниковъ. Экономъ семинаріи низведенъ на низшее подобающее ему мѣсто, и изъ правленія, гдѣ онъ прежде состоялъ въ числѣ третьяго члена съ инспекторомъ и ректоромъ во главѣ, исключенъ. Словомъ, духовно-учебнымъ заведеніямъ данъ самый жизненный строй, вполне приспособленный къ правильному ходу, росту и развитію учебно-воспитательнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно важно и дорого было въ этомъ пре-

образованіи то, что преобладанію монашества въ управленіи положенъ былъ конецъ, и управленіе сосредоточивалось въ рукахъ цѣлой корпораціи—въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ съ предоставленіемъ достаточной доли самостоятельности. Произволь и безконтрольность прежнихъ ректоровъ - монаховъ, любившихъ, чтобы ихъ праву никто не мѣшалъ, сталъ теперь немислимъ. За это всѣ ревнители блага общаго благодарили Господа и радовались, что то зло, которое видѣли и испытали на себѣ, быть можетъ, не повторится!..

При Св. Синодѣ учрежденъ былъ на новыхъ началахъ, вмѣсто рутиннаго духовно-учебнаго управленія, новый учебный комитетъ, составленный изъ ученыхъ чиновъ; предсѣдательство въ немъ поручено бывшему прежде настоятелю посольской церкви въ Парижѣ протоіерею Іосифу Васильевичу Васильеву, человѣку весьма умному и европейски образованному. Этотъ Васильевъ преданъ былъ всею душою реформѣ учебныхъ заведеній, и благодаря, главнымъ образомъ, ему—они скоро поставлены были на прочной почвѣ, въ прочной организаціи, и улучшенъ ихъ бытъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ комитетѣ были и особые еще члены ревизоры, которыхъ обязанностію было разѣзжать по духовно-учебнымъ заведеніямъ, руководить въ веденіи педагогическаго дѣла на новыхъ началахъ, исправлять недостатки, ошибки и разрѣшать недоумѣнія на мѣстахъ. Эти члены облечены были особымъ полномочіемъ, почему ихъ побаивались и архіереи, въ отношеніяхъ своихъ къ учебнымъ заведеніямъ. Много ректоровъ-монаховъ, которые занимали свои мѣста только по одной привилегіи монашеской, устранили отъ должностей и направили на подобающее имъ мѣсто въ монастыри, и содѣйствовали свободному выбору на ихъ мѣста изъ достойныхъ магистровъ академіи въ средѣ наставниковъ и духовенства.

Въ то же время приступлено было и къ преобразованію общему—всего быта російскаго духовенства. Составленъ былъ комитетъ объ улучшеніи быта духовенства, который долженъ былъ заняться изысканіемъ средствъ обезпеченія матеріальнаго быта и коснуться быта юридическаго. Вопросъ о правахъ дѣтей духовенства рѣшенъ былъ скоро,—всѣ дѣти получали права гражданства и перестали носить званіе духовное, пока не вступали въ должность церковную. Но вопросъ матеріальный тянулся долго и затянулся. Учреждены были съѣзды духовенства, на которыхъ оно чрезъ избранныхъ своихъ депутатовъ получило возможность и право самостоятельно разсуждать о своихъ нуждахъ и дѣлахъ, и придумывать мѣры и изыскивать средства къ удовлетворенію нуждъ и улучшенію дѣла. Стало вводиться выборное начало въ его средѣ, и примѣнилось прежде всего къ избранію на должность благочинныхъ, которые прежде назначались коп-

систорією по чисто-консисторскимъ мотивамъ хлѣбнаго свойства. И наконецъ приступлено было къ преобразованію суда духовнаго. Все это озарило свѣтомъ туманную атмосферу. Слыша и видя, что на него обращено вниманіе высшаго начальства, признано положеніе его ненормальнымъ и приступлено къ благодѣтельной реформѣ, въ видахъ улучшенія его быта; духовенство оживилось духомъ, стало свѣтлѣе и сознательнѣе смотрѣть на себя и свое дѣло, готовясь и стремясь и самому быть лучшимъ въ улучшенной обстановкѣ своего быта. Смущало его только то, что не пройдетъ эта реформа благополучно до конца, какъ бы слѣдовало, ибо доброму дѣлу всегда какъ-то много встрѣчается препятствій на пути. Все духовенство видѣло и чувало, кому эта реформа „не-понутру“, и чья безконтрольная власть понижалась чрезъ рядовое духовенство. Но пока вѣяло вездѣ новымъ, свѣтлымъ духомъ и реформы зачинались, все духовенство ликовало. Петербургское духовенство даже рѣшилось повергнуть самому государю адресъ благодарственный и изготовило его по общему совѣщанію, но митрополитъ Исидоръ ему строго погрозилъ и всѣ адресныя затѣи разомъ остановилъ.

Пока зачиналась великая духовная реформа, я продолжалъ служить профессоромъ въ Тамбовской семинаріи. Ректоръ Теофилактъ, при которомъ я поступилъ сюда, скоро выбылъ, мнѣ не пришлось служить съ нимъ года. Не ладилъ онъ съ инспекторомъ, бывшимъ въ то время, архимандритомъ Антоніемъ, недавно въ 1890 году въ санѣ пензенскаго епископа. Этотъ Антоній былъ интриганъ; ему хотѣлось поскорѣе быть ректоромъ, именно въ Тамбовской семинаріи, и Теофилакта вытѣснить. Вотъ онъ и началъ про Теофилакта шпионить епископу Макарію, который почему-то и такъ не благоволилъ къ Теофилакту. Чувя все это, Теофилактъ, чрезъ своего вліятельнаго товарища въ Петербургѣ, и выхлопоталъ себѣ переводъ въ другую семинарію, но проѣздомъ чрезъ Петербургъ сумѣлъ насолить и Антонію тѣмъ, что его, уже давно служащаго, не сдѣлали ректоромъ въ Тамбовѣ, а перевели чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ другую семинарію, а въ Тамбовъ присланъ былъ архимандритъ Серафимъ, впослѣдствіи архіепископъ воронежскій. Инспекторомъ же присланъ изъ какой-то сибирской глуши Сергій, хоть и архимандритъ, но какой-то полудиотъ, впослѣдствіи совсѣмъ „рехнувшійся“, впавъ въ сумасшествіе. Серафимъ былъ ректоромъ не болѣе года и вызванъ былъ въ Петербургъ для епископства; присланный на мѣсто его изъ Кіева архіепископъ Теофилъ, не прослуживъ и года въ Тамбовѣ, переведенъ въ Кіевскую семинарію, потомъ былъ архіепископомъ рязанскимъ. О Серафимѣ можно сказать, что онъ, будучи ректоромъ, чрезвычайно добръ былъ для воспитанниковъ, особенно жившихъ на казенномъ содержаніи.

Заботился объ улучшеніи ихъ пищи и одежды и побуждалъ эконома не скардничать по экономіи; но самъ въ экономіи ничего не понималъ и ни за чѣмъ не слѣдилъ. Поэтому, въ коротенькое его правленіе, оказались въ семинаріи большія передержки, которыя поставили, при слѣдующихъ ректорахъ, семинарію въ критическое положеніе безденежья и долговъ неоплатныхъ. И только пожертвованіи пастырей тамбовскихъ монастырей, которыхъ нарочно вызывали въ Тамбовъ, умоляли ихъ, ублажали и угощали,—спасли отъ бѣды.

О Θεоктистѣ нельзя сказать ничего—ни добраго, ни худаго. Жилъ онъ совершенно отчужденно отъ всѣхъ въ семинаріи. Человѣкъ молодой, но тучный, плотно сложенный, съ лицомъ одутливымъ и красноватымъ. Догадывались, что любилъ дома, тайкомъ, порядочно выпить. Но видѣть его выпившимъ не приходилось при его рѣдкихъ появленіяхъ.

Послѣ Θεоктиста явился въ семинарію ректоромъ архимандритъ Геннадій. Пріѣхалъ онъ изъ Задонскаго монастыря, въ которомъ проживалъ не у дѣлъ, въ числѣ братства. До Задонска онъ состоялъ ректоромъ Самарской семинаріи не много времени, не угодилъ тамошнему епископу своею самостоятельною жизнію и дѣятельностію, и за то попалъ въ монастырь. Пріѣхалъ довольно уже помятымъ жизнію, но въ помятомъ его образѣ всѣ скоро нашли хромаго человѣка, съ здоровымъ умомъ, доброю волею и искреннимъ сердцемъ, съ обращеніемъ по внѣшности прямымъ, простымъ и откровеннымъ. Учебное монашество не успѣло на эти альтруистическія свойства наложить своихъ сухихъ печатей. Онъ не корчилъ изъ себя начальника, а со всѣми сослужащими обращался по товариществу, и всѣ его искренно за это уважали. Двери его всегда для всѣхъ были открыты, во всякое время можно было къ нему идти и говорить, если была нужда, онъ этимъ нисколько не стѣснялся и принималъ сослужащихъ въ этихъ случаяхъ съ радушіемъ. Умѣлъ вести дѣло управленія семинаріи по всѣмъ частямъ въ порядкѣ и цѣлесообразно. Семинарію онъ засталъ по экономіи въ критическомъ положеніи. Предшественники его, ректоры, при непониманіи экономіи и несмотрѣніи, истощили всѣ средства содержанія и ввели семинарію въ долги. Онъ сумѣлъ устроить дѣло такъ, что пришли на помощь монастыри, и настоятели ихъ своими значительными взносами покрыли всѣ долги и затѣмъ обязались ежегодно вносить особую сумму добровольно, въ пособіе къ скудному казенному жалованью наставниковъ семинаріи, такъ что содержаніе наставниковъ чрезъ это значительно возвысилось еще за долго до новыхъ окладовъ по преобразованію. Съ воспитанниками онъ всегда обращался отечески,—былъ къ нимъ всегда близокъ, простъ, и они всѣ любили его и уважали. Онъ умѣлъ и побранить ихъ и

наказать въ-время, и пошутить, и повеселить ихъ, и все такъ выходило, что всѣ искренно имъ были довольны. Не чуждался онъ и знакомствъ въ городѣ, но болѣе любилъ компанію въ товарищескомъ кружкѣ семинарскомъ, гдѣ иногда позволялъ себѣ повеселиться; любилъ приглашать наставниковъ и къ себѣ для компаніи. Въ Тамбовской семинаріи онъ прослужилъ лѣтъ 5—6 благополучно. Во все это время семинарія благоденствовала—все было исправно и жизненно. И Геннадія наконецъ вызвали въ С.-Петербургъ для епископства, котораго онъ скоро и удостоенъ, и былъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ епископомъ викарнымъ, а далѣе до самостоятельнаго епископа не дошелъ. Вездѣ, гдѣ онъ ни былъ викарнымъ, не мирно относились къ нему епархіальные епископы и старались выжить его; и загоняли его до того, что онъ былъ на покой въ Тамбовскомъ Козловскомъ монастырѣ, съ званіемъ настоятеля его.

Епископомъ тамбовскимъ, при моемъ поступленіи въ семинарію, какъ я сказалъ выше, былъ Макарій. При мнѣ онъ пребывалъ въ Тамбовѣ менѣе года, а всего пребыванія его не было и двухъ лѣтъ. Прощель онъ въ Тамбовѣ какъ блестящій метеоръ, на котораго всѣ съ интересомъ смотрѣли и съ удовольствіемъ дивились. А дамы были отъ него въ восхищеніи. Онъ всѣмъ казался человѣкомъ вполне и истинно образованнымъ. Да таковъ онъ былъ и во всей реальности своей: блестящаго ума и обширной учености, съ даромъ блестящаго ораторскаго слова, съ вѣщностію стройною и красивою, съ манерами благовоспитаннаго аристократа, но въ то же время и архіерей-монахъ, во всемъ его благородномъ и разумномъ человѣческомъ смыслѣ. Величественно и благоговѣнно было служеніе его въ храмѣ, гдѣ мастерски говорилъ свои импровизированныя проповѣди большею частью богословскаго содержанія и ученаго характера. И храмъ въ его служеніе всегда былъ полонъ не простымъ только народомъ, а и высшими лицами, интеллигентными. Съ духовенствомъ онъ всегда былъ вѣжливъ, гуманенъ, говорилъ священникамъ *вы* и приглашалъ въ гостиную послужившихъ. Будучи въ Тамбовѣ, онъ уже былъ давно извѣстенъ, какъ ученый богословъ, и началъ составлять въ Тамбовѣ великую многотомную исторію русской церкви, въ такомъ же характерѣ ученомъ, какъ составлялъ тогда свою русскую исторію профессоръ Соловьевъ. Но въ захолустномъ Тамбовѣ для такого ученаго труда не было никакого удобства, поэтому, какъ говорили, его и скоро, по его желанію, перевели изъ Тамбова въ ученый университетскій городъ Харьковъ. И сильно жалѣли всѣ тамбовцы, что липили скоро такого высокаго архипастыря, никогда у нихъ такого не бывало прежде, да и нигдѣ ими не видано. Много было при про водахъ и искренно плачущихъ. Утѣшались всѣ понимающіе дѣло

люди только тѣмъ, что этому рѣдкому въ архипастырствѣ архипастырю предстоитъ быть свѣтиломъ русской церкви, свѣтящимся на высотѣ, и принести великую пользу ей во главѣ управленія. Что и оправдалось.

Какъ мѣстный интересъ, занимавшій тогда тамбовское духовенство, припоминается мнѣ изъ времени Макарія слѣдующій: епископъ Макарій, очищая себя и консисторію, понемногу, отъ грязныхъ служащихъ, прежде всего смѣнилъ у себя письмоводителя, выбравъ въ эту должность одного молодого консисторскаго писца, Преображенскаго, только-что женившагося на дочери одного изъ угодниковъ консисторіи, благочиннаго въ селѣ, Ак—нова. По виду понравился онъ Макарію и сталъ письмоводительствовать такъ, что сзумѣлъ войти скоро въ полное довѣріе. Макарій поручалъ ему съ совершенною довѣрчивостію по дѣламъ консисторскимъ многое, что другимъ опасался довѣрять. Поручалъ ему и распродажу, и разсылку своихъ книгъ — богословія — по церквамъ на многія тысячи. Преображенскій все выполнялъ аккуратно и искусно, и Макарій былъ имъ вполне доволенъ. Но при этомъ для всѣхъ было очень замѣтно, какъ этотъ убогенькій консисторскій прежде писецъ вдругъ возросъ во вліятельнаго уже Павла Федоровича, ставшаго уже нужнымъ для всѣхъ духовныхъ; оперился и осанился, и сталъ располагать свободными денежками, и далѣе уже защеголялъ богачемъ. Духовенство знало, что въ этомъ консисторскомъ писцѣ еще въ консисторіи глубоко засѣла взяточная тля, и онъ тамъ еще хорошо изучилъ хитрое ремесло брать и концы хоронить, каковое ремесло и пустилъ въ ходъ на широкомъ полѣ архіерейской сферы, подъ крыломъ владыки, со всѣмъ своимъ плутовскимъ искусствомъ. Но Макарій, какъ видно, ничего этого не зналъ. Онъ даже предложилъ Преображенскому ѣхать съ нимъ въ Харьковъ и быть у него письмоводителемъ тамъ, и увезъ его туда съ собою. Въ Харьковѣ повалило богатство къ Преображенскому еще въ большемъ количествѣ, но благополучіе это какъ чудомъ Божиимъ — карательнымъ, скоро и вдругъ оборвалось трагически. Въ упорительныхъ мечтахъ о себѣ и своемъ растущемъ богатствѣ онъ внезапно впалъ въ сумасшествіе, и безумно сталъ повторять: „я богачъ, я крезъ,—кучи золота вижу, и все мое“; помѣстили его въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ скоро и умеръ. Вдова его, забравъ оставшееся отъ него богатство, пріѣхала на родину въ Тамбовъ и жила тамъ, припѣваячи, у брата своего, соборнаго протоіерея Петра Ак — нова, который для нея построилъ на своемъ дворѣ, но на ея деньги, особый флигель, и оказывалъ ей подобающій ся денежкамъ почетъ и угожденіе въ чаяніи будущихъ матеріальныхъ благъ.

Послѣ знаменитаго Макарія поступилъ въ Тамбовъ епископомъ

Оеофанъ. Пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ состоялъ ректоромъ духовной академіи годъ, два не болѣе. Послѣ Макарія онъ показался всѣмъ крайне убогимъ, особенно по маленькой фигуркѣ своей съ большой, несообразной съ туловищемъ головой. Человѣкъ въпрочемъ очень умный и большой богословской начитанности и знанія, но созердатель и мистикъ, аскетическаго характера и направленія. Мѣсто его—на поприщѣ ученаго кабинетнаго писателя или ученаго аскета въ монастырѣ, а отнюдь не на административномъ поприщѣ архіерея, на которомъ онъ оказался совершенно не способнымъ, по своему созерцательно-отвлеченному направленію, при отсутствіи реального практицизма. Въ его правленіе консисторія, не много предъ тѣмъ усмиренная, ожила спова во всѣхъ своихъ архаическихъ инстинктахъ плотояднаго свойства и стала смѣло и безбоязненно проявлять ихъ, какъ и во времена Николая. Оеофанъ привезъ съ собой изъ Петербурга, неизвѣстно какъ приставшаго къ нему, одного горькаго чиновника, малограмотнаго въпрочемъ, холостаго, и помѣстилъ его у себя въ архіерейскомъ домѣ въ канцеляріи, а затѣмъ сдѣлалъ и своимъ письмоводителемъ. Оный чиновничекъ, убогій и невзрачный по душѣ и тѣлу, сталъ скоро всему духовенству извѣстенъ и величаться Егоромъ Ивановичемъ, фамилія его Корсуновскій. Хитрый и пронырливый, онъ обошелъ витавшаго и парившаго въ идеяхъ и эмпирияхъ Оеофана такъ, что всю практику свою отдалъ ему, и слушалъ, и поступалъ, что внушалъ и искушалъ этотъ Егоръ Ивановичъ; особенно умѣлъ онъ располагать Оеофана въ опредѣленіи на мѣста духовныя. Тутъ просители давали ему много денегъ,—одни, чтобы не воспрепятствовали въ прямомъ правѣ на подходящее мѣсто, другіе, чтобы посодействовалъ получить мѣсто безъ права на это, третьи, чтобы устранилъ болѣе достойныхъ конкурентовъ. За все это Корсуновскій охотно бралъ, выторговывалъ предварительно со всѣхъ нужныя ему вознагражденія, и удобно устраивалъ дѣло къ выгодѣ себѣ и своимъ паціентамъ, но къ ущербу чести своего патрона. Онъ ухищрялся брать не малую сумму при посвященіи ставлениковъ, пріѣхавшихъ посвящаться. Если кто изъ нихъ ему не далъ положенной суммы, онъ имѣлъ возможность проморить его долго въ ожиданіи своего посвященія; ибо ставленики распредѣлялись по не частымъ архіерейскимъ службамъ.

Еще въ большей силѣ и сферѣ развернулъ свою эксплуататорскую дѣятельность консисторскій секретарь Агафоникъ Радкевичъ. Онъ присланъ въ Тамбовскую консисторію еще при епископѣ Макаріи; но все Макарьевское время жилъ смирно, тихо, не слышно, какъ будто и секретаря въ консисторіи не было. Макарій его совершенно игнорировалъ и къ себѣ не допускалъ, все дѣлая и распоря-

жался въ консисторіи чрезъ своего письмоводителя. Нерасположеніе Макарія къ секретарю объясняли тѣмъ, что Макарій, поступивъ въ Тамбовъ, хотѣлъ устроить въ секретарской должности одного изъ профессоровъ семинаріи и уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ, откуда и обѣщали исполнить его желаніе. Профессоръ этотъ Павелъ Ивановичъ Остроумовъ, секретарь правленія семинаріи. О немъ много говорено выше. Онъ уже сталъ было готовиться къ новой желанной имъ издавна должности. И вдругъ получается извѣстіе, что въ секретари назначенъ какой-то Радкевичъ. Макарій крайне былъ недоволенъ, хоть и получилъ отъ самаго оберъ-прокурора извинительное письмо, что онъ поступилъ вопреки желанія Макарія, потому что не могъ не исполнить предсмертной просьбы въ это время умершаго, митрополита кіевскаго Филарета о своемъ любимомъ письмоводителѣ Радкевичѣ — опредѣлить его въ Тамбовскую консисторію секретаремъ. Это обстоятельство, а можетъ быть еще и то, что Радкевичъ, какъ кіевскій,—былъ извѣстенъ Макарію, кіевскому воспитаннику, по академіи, какъ взяточникъ темный, какимъ проявилъ себя въ Тамбовѣ въ Теофаново правленіе. Этотъ Радкевичъ, старый, одинокій холостякъ, смотрѣвшій постоянно въ землю, по наружности показывался кроткимъ, благочестивымъ по-монашески, ходилъ усердно въ церковь и молился подолгу на колѣнахъ, въ слухъ вздыхая и охая и громко повторяя молитвы: Господи помилуй, Господи подай!.. Но душа его была чрезвычайно злая и хищная, хитрая и самолюбивая. Онъ пріѣхалъ въ Тамбовъ съ набранными уже, въ достаточномъ количествѣ, деньгами въ Кіевѣ подъ крыломъ старца митрополита Филарета. И, чтобы показать, что пріѣхалъ онъ на секретарское мѣсто, слышшее тогда золотымъ дномъ, не для наживы—у него есть свои средства,—купилъ себѣ, совершенно ненужный ему одинокому, большой домъ, и купилъ за большія деньги у нужнаго для него члена консисторіи, самаго вліятельнаго и перваго въ ней, протоіерея Ивана Андреевича Мос — на, дядя котораго поступилъ митрополитомъ въ Кіевъ, на мѣсто умершаго Филарета,—это Арсеній. Иванъ Андреевичъ Мос — нъ, о которомъ говорилось выше, очень радъ былъ сбыть съ рукъ домъ, уже ветхій, который требовалось поправлять, и при томъ за большую цѣну, которой и никто бы ему не далъ, и продалъ Радкевичу съ такимъ удовольствіемъ, что и Радкевичъ отъ того сталъ ему съ тѣхъ поръ милымъ человѣкомъ, чего Радкевичу и нужно было достичь, въ своихъ видахъ служебной перспективы. Когда для Радкевича страхъ Макарія миновалъ и настало безстрашіе маленькаго Теофана, онъ тихонько и легонько, по немногу и постепенно, во цѣнку и крѣпко идя все впередъ неуклонно, наконецъ забралъ все въ консисторіи въ руки, помимо которыхъ ничто

не могло ни входить, ни исходить изъ консисторіи. Члены консисторіи были совершенно безгласны и безсильны, ходили въ консисторію и сидѣли въ ней за столомъ чистыми автоматами и истуканами, балагурия отъ скуки между собой, рассказывая о новостяхъ и подписывая между разговорцемъ какія-то бумаги, невидимую рукой для нихъ изготовленные, и затѣмъ преспокойно въ урочный часъ расходились, чтобы опять въ урочный часъ за тѣмъ же и сойтись завтра. А невидимая рука секретаря работала преусердно. Въ канцеляріи онъ всѣхъ держалъ въ струнку, и его боялись писцы и даже столоначальники, какъ строгаго своего начальника. Онъ тамъ постоянно былъ, наблюдалъ, направлялъ, указывалъ и исправлялъ все по своему, требуя безусловнаго повиновенія.

Въ помощь себѣ какъ вполне подходящаго по всему строю и складу характера, такого же хитраго и хищнаго, злаго и самолюбиваго, но по внѣшности тихаго и молчаливаго на всякую тайну канцелярскую, какъ могила, онъ выбралъ изъ среды канцелярской, офиціально и числившагося помощникомъ секретаря, прослышшаго впоследствии взяточникомъ по всей епархіи, Андрея Ивановича Ле — ва, поступившаго въ консисторію изъ учителей духовнаго училища. Оба — и секретарь, и его помощникъ — скоро тѣсно сблизились, живя между собою всегда мирно и дружно, и дѣйствуя во всемъ согласно и обоюдно выгодно, такъ что одинъ другому со всѣмъ усердіемъ въ всемъ помогалъ и одинъ другаго съ такимъ усердіемъ ни въ чемъ не выдавалъ. Для большей безопасности и большей крѣпости оба они постарались привлечь къ своему союзу третьяго члена выше означеннаго Егора Ивановича Корсуновскаго, архіерейскаго писмоводителя. Такимъ образомъ и составилъ въ Тамбовѣ тройственный союзъ — своего рода лига мира, задолго, какъ очевидно, предъказавшая и предупредившая современную европейскую лигу мира. Эта тройственная лига дѣйствовала искусно и секретно. Главный дирижеръ въ ней — Радкевичъ былъ опытный, стариннаго пошиба, дѣлецъ, умѣвшій искусно составить всякую бумашку такъ точно и чисто — все на закопномъ основаніи, что ни къ какой тонко сокрытой въ ней неправдѣ и комаръ носа не подточить. Умѣлъ всегда отписаться на всякую жалобу въ Синодъ и выйти сухимъ и чистымъ изъ всякихъ грязныхъ дѣлъ, особенно, если пошлетъ кому изъ нужныхъ лицъ, въ въ синодской канцеляріи, которыхъ всѣхъ хорошо зналъ, чѣмъ кто страдалъ, малую толику изъ своихъ поборовъ. Мастеръ написать крючковатыя бумаги, беззапѣнчиво обращать ложь въ истину, а истину въ ложь чрезъ искусный подборъ и переименованіе написаннаго въ сыромъ матеріалѣ, по судебнымъ, особенно, дѣламъ, помощникъ Ле — въ, для котораго ничего не значило за взятые деньги

представить въ дѣлѣ доклада и въ постановкѣ рѣшенія виновнаго кругомъ—правымъ, невиннаго—виноватымъ, перваго — оправдать, а втораго — наказать; а если оба дали денегъ — то обоихъ оправдать. Члены не способны были проникнуть въ суть дѣла, а иные не хотѣли, получивъ тоже кусокъ, и подписывались подъ всякимъ изготовленнымъ рѣшеніемъ спокойно, надѣясь, что строгій и благочестивый секретарь ихъ не подведетъ. Тамъ, на верху у владыки, дѣйствовалъ самъ Радкевичъ, докладывая суть и ходъ дѣла такъ, какъ хотѣлъ и было ему нужно, и владыка довѣрчиво соглашался, не желая входить въ тяжелую для него сушь и суть дѣла, и если что и затѣвалъ по-своему, то къ секретарю приходилъ на помощь письмоводитель, и дѣло устроилось для нихъ благополучно. Теофанъ любилъ и погруженъ былъ въ чтеніе книгъ и духовныхъ журналовъ, любилъ и сочинительствомъ позаняться. Къ дѣламъ епархіальнаго управленія душа его не лежала. Ну, лига мира свободно и работала, наработала много зла епархіи и заработала себѣ большіе капиталы, соотвѣственно рангу каждаго союзника, пока Господь не убралъ изъ епархіи Теофана и не указалъ ему мѣсто въ монастырѣ — Вышенскомъ, на его душевное спасеніе отъ зла, которое свободно сѣялось врагомъ рода человѣческаго и росло быстро, какъ плевелы, отъ его архіерейской епархіальной бездѣятельности. Съ выбытіемъ изъ Тамбова епископа Теофана распался триумвиратъ и скоро советъ улетучился. Одного взялъ съ собою во Владимірѣ самъ Теофанъ—это Корсуновскаго, который во Владимірѣ, будучи тѣмъ же письмоводителемъ, при Теофанѣ, до того проворовался, что Синодъ предписалъ удалить его отъ должности, да и самъ Теофанъ устыдился долѣе держаться на владимірской каедрѣ и, прослуживъ тамъ всего не болѣе двухъ лѣтъ, самъ наконецъ испросилъ себѣ увольненіе на покой въ Тамбовскую Вышинскую пустынь, гдѣ и пребывалъ, отрѣшившись, по обѣту монашества, вполне отъ міра и его прелестей, и отдавшись всецѣло единому Богу. Другой секретарь, Радкевичъ, собравъ всѣ свои нажитыя въ Тамбовѣ денежки, поспѣшилъ самъ въ слѣдъ за Теофаномъ убраться добровольно изъ Тамбова и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ поступилъ въ монашество, пріютившись какимъ-то путемъ удобнымъ, говорили чрезъ Мо—на, племянника кіевского митрополита, при архіерейскомъ домѣ кіевского митрополита Арсенія и былъ потомъ архимандритомъ одного изъ кіевскихъ монастырей.

Забавную исторію рассказывали про Радкевича, случившуюся съ нимъ по отъѣздѣ изъ Тамбова. Когда экономомъ архіерейскаго дома былъ А., архимандритъ В. пустыни, любимый Теофаномъ, который выхлопоталъ ему собственно это мѣсто у Синода, Агафоникъ Радкевичъ былъ съ А. въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ: можно ска-

зять—это были два друга, любящіе одинъ другаго братскою любовію. Квартира Радкевича была около Казанскаго монастыря, — домъ свой Радкевичъ, какъ ненужный, давно продалъ, — и оба постоянно навѣщали другъ друга и весело проводили время. А — ю по экономіи монастырской какъ-то оказалось нужнымъ признать восемь тысячъ рублей. Онъ и обратился къ Радкевичу одолжить ему на короткое время эту сумму. Зналъ онъ конечно, что у друга его всегда есть въ рукахъ и въ шкатулкѣ дома много наличныхъ денегъ, которыя несли къ нему ежедневно и въ консисторіи, и въ домѣ многочисленный людъ—просители. И, повѣривъ другу, Радкевичъ одолжилъ означенную сумму А—я на честное слово. Вскорѣ А—я опредѣлили па В—у, и онъ уѣхалъ туда съ обѣщаніемъ прислать долгъ оттуда. Затѣмъ скоро уволился и Радкевичъ, и поѣхалъ къ своему другу па В—у за должкомъ, а кстати и проститься. Пожилъ у друга немножко, сталъ собираться въ дорогу и завелъ рѣчь о долгѣ. Но А — й серьезно и прехладнокровно осадилъ одними вопросами: какой долгъ? когда я занималъ? какія это деньги? Агафонику Радкевичъ посмотрѣлъ на своего друга, молча всталъ, сухо простился и горько заплакалъ, сядься въ свою повозку. Съ такимъ горемъ и въ Кіевъ пріѣхалъ... Третій союзникъ Ле — въ остался на мѣстѣ и жилъ еще нѣсколько лѣтъ тѣмъ же помощникомъ, но уже скорбно, не отъ того, что доходъ сократился, — онъ уже себя обильно обезпечилъ и на сто лѣтъ не прожить,—а напала на него злая болѣзнь желудка, отъ которой онъ ничего не могъ съ аппетитомъ ѣсть и пить, и постоянно его все тошнило и рвало, мучился онъ долго и постоянно, пока не умеръ, обогативъ наслѣдствомъ сестру и брата послѣ своей смерти. О Корсуновскомъ слышно было, что онъ, по увольненіи отъ должности письмоводителя за проступки, отправился въ Петербургъ, пристроился къ канцеляріи Синода сверхъ штата и, послуживъ тамъ нѣсколько времени безъ жалованья, получилъ высшее прежняго мѣсто—прямо попалъ въ секретари, помнится, Волынской или Подольской консисторіи.

Да! свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Дивное время и дивные правы. Триумвиратъ: двое хохловъ и одинъ тамбовскій, преспокойно пѣлыхъ 4—5 лѣтъ эксплуатировали въ свой карманъ Тамбовскую епархію, заправляли и управляли всѣми ея дѣлами по духовенству, брали нагло за все и со всѣхъ въ свой карманъ, связавъ епископа по рукамъ и ногамъ! И все какъ съ гуся вода. Я вначалѣ съ этимъ триумвиратомъ былъ не много и лично знакомъ, бывалъ у каждаго изъ нихъ иногда, и они бывали иногда, встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ. Но пришлось мнѣ разъ имѣть до нихъ дѣло, которое зависѣло отъ ихъ рукъ,—и я, несмотря на знакомство,

ничего у нихъ не успѣлъ съ одиѣми сухими руками и словами. Зятю, который женился на моей сестрѣ, я хлопоталъ найти гдѣ-либо священническое мѣсто. Былъ лично за этимъ у епископа Теофана, который обѣщалъ дать, если найдется свободное мѣсто. Затѣмъ подано было ему и письменное прошеніе о мѣстѣ. Но дѣло не двигалось впередъ. Я упрашивалъ и письмоводители, и секретаря, и его помощника посодѣйствовать дѣлу. Ничего не выходило, все мѣстъ нѣтъ, говорили. Между тѣмъ являлось въ это время не мало свободныхъ мѣстъ, и триумвиратъ намѣтилъ открывать еще во многихъ приходахъ, и ждалъ только разрѣшенія Синода, куда уже давно представлено. Но всѣ свободныя мѣста были у нихъ на откупѣ и хранились въ тайнѣ. Вижу я, что мое участіе ничего не поможетъ, послалъ отца своего лично къ секретарю на квартиру, попросить самому о мѣстѣ и положить ему прямо на столъ 100 рублей и уйти: такъ, я слышалъ, поступали просители чего-либо у него. Такъ отецъ мой и поступилъ. Секретарь Радкевичъ сначала отказывался отъ денегъ, говоря, что и такъ сдѣлаетъ, помня просьбу сына вашего Виктора Егоровича, но отецъ безъ церемоніи положилъ деньги на столъ и распрощался. Дѣло было лѣтомъ, и окна въ квартирѣ открыты. Отецъ, проходя мимо оконъ, услышалъ голосъ секретаря, державшаго въ рукахъ деньги: „Отецъ благочинный,—мѣсто у меня вамъ есть на примѣтѣ. Только вы ужъ о деньгахъ-то, пожалуйста, ничего не говорите Виктору Егоровичу“.—Хорошо, только вы-то, Агафоникъ Павловичъ, не оставьте безъ милости, отвѣтилъ отецъ. И что жъ? черезъ три—четыре дня самъ Радкевичъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, объявляетъ мнѣ, что владыко далъ мѣсто зятю, и радостно поздравляетъ меня съ этимъ. Мѣсто оказалось изъ плохихъ плохое—вѣроятно по цѣнѣ даннаго задатка въ 100 рублей назначено. Изъ него послѣ пришлось переходить, употребивъ на хлопоты тому же секретарю еще не мало денегъ...

Зная по опыту и наблюденіямъ все, что творилось нашимъ триумвиратомъ, мы, въ семинаріи служащіе, молодые наставники, чрезвычайно этимъ возмущались, вездѣ, гдѣ бывали, объ этихъ консistorскихъ мерзостяхъ распространяли свѣдѣнія и писали въ своихъ письмахъ и въ Петербургъ—знакомымъ, и всюду, куда можно. Въ это время вѣяло духомъ реформъ, и начинались онѣ и въ духовенствѣ—много матеріаловъ, для свободнаго сужденія и бесѣдъ. Мы возмущены особенно были тѣмъ, что повсюду старое зло — крѣпостное—стало стихать и слабѣть, а у насъ консistorское и архіерейское административное зло, какъ нарочно, вопреки свѣту и разуму, свирѣпствовало съ силою большею. Рабство крестьянъ уничтожается. Старые гражданскіе суды и порядки безпорядочные обновляются:

ужели только духовенство, эта соль земли, будетъ все затаптываться въ грязи и останется и въ бѣдности, и въ рабствѣ у владыкъ и разной консисторской клики? Ужели наша администрація, деморализованная, и наши суды духовные безсудные, сутяжные и хищные останутся нетронутыми? Такія раздавались рѣчи изъ среды образованнаго молодаго персонала профессоровъ семинаріи,—рѣчи открытыя, смѣлыя, искреннія, съ воодушевленіемъ отъ новаго свѣтлаго духа обновленія Россіи, протестующія противъ стариннаго закоренѣлаго зла, безпощадно разѣдавашаго всю духовную администрацію и судебные безпорядочные порядки. Эти протесты, какъ мы замѣчали, пугливо дѣйствовали и на нашихъ триумфировъ,—и они, въ своемъ безстрашии, въ сферѣ консисторской и архіерейской, въ свободѣ своихъ злохитрыхъ и злохитныхъ дѣйствій, стали ощущать внутреннее стѣсненіе. Страшна имъ стала распространившаяся о нихъ повсюду худая молва, и чувствовали они, и видѣли себя въ общественномъ мнѣніи, какъ въ зеркалѣ, ужасными страшилищами. Благотѣльная гласность, о введеніи которой писали и разсуждали—въ суды гражданскіе, и которой болѣе всего враждебна старинная и злая, какъ язва, господствовавшая канцелярская тайна, и тогда еще проявляла свою силу въ нашей даже темнѣйшей административной средѣ, и не давала покоя даже такимъ оголѣлымъ и съ сожженною совѣстію дѣлателямъ зла, какъ Радкевичъ, Л—въ и Корсунувскій. Злая память о нихъ долго была жива въ тамбовскомъ духовенствѣ. Но слава Богу,—они, кажется, завершили собою послѣдній рядъ чумазыхъ бичей-эксплоататоровъ тамбовскаго духовенства. Духъ поваго времени живительно освѣжать сталъ и ту смрадную атмосферу, и то грязное болото, гдѣ жилось имъ такъ вольготно и привольно, какъ имъ жилось во все время управленія Тамбовскою епархіею епископа Теофана...

Въ 1863 году поступилъ въ Тамбовъ епископомъ Θεодосій, прямо изъ ректоровъ Воронежской семинаріи. Онъ оказался пастыремъ добрымъ, „душу свою полагающимъ за овцы, радѣтелемъ вѣреннаго ему стада, не только не бѣгающимъ отъ грядущаго волка, готоваго расхитить стадо, но идущаго всегда ему навстрѣчу смѣло, чтобы отогнать его и защитить отъ него своихъ овецъ“. Человѣкъ онъ былъ невысокаго ума и учености, но обладалъ хорошимъ, здравымъ смысломъ и искренне-добрымъ сердцемъ, и отличался практическимъ направленіемъ своего характера. Велъ образъ жизни простой, скромный, безъ всякихъ сибаритскихъ прихотей, скромно и благоговѣнно служилъ онъ въ храмѣ—и это служеніе его благоговѣнно дѣйствовало на всѣхъ своею величественною простотою небеснаго характера. Попросто и безъ затѣй тщеславныхъ жилъ онъ

и дома, и доступенъ былъ для всякаго во всякое время. Дѣлами по управленію любилъ заниматься самъ непосредственно и знать ихъ не изъ чужихъ устъ и рѣчей. Поэтому у него никакъ не могли быть въ силѣ никакіе секретари и письмоводители. Отъ скромнаго и дѣятельнаго образа его жизни все около него и даже бродящая консисторія стала поскромнѣе и подѣльнѣе. При немъ, и по его ходатайству, опредѣленъ секретаремъ консисторіи Павелъ Ивановичъ Остроумовъ; поступивъ въ консисторію, онъ повелъ себя весьма благоразумно и былъ секретаремъ, особенно въ сравненіи со всѣми предшественниками, превосходнымъ, добросовѣстнымъ и благонамѣреннымъ. Поступивъ уже на старости въ секретари и привыкнувъ довольствоваться скромнымъ содержаніемъ семинарскимъ, онъ доволенъ былъ, какъ богатствомъ, и тѣмъ, что шло ему отъ консисторскаго секретарскаго положенія, само собою, по издавна заведенному порядку, въ помощь скудному жалованью отъ казны. Тогда оплачивалась всякая бумага, всякій документъ и книги, получаемыя отъ консисторіи, плата шла въ львиной долѣ секретарю, плата шла ежегодно отъ благочинныхъ, при отчетахъ, отъ монастырей и ихъ настоятелей и настоятельница, которые, т. е. монастыри, служили постояннымъ и обильнымъ источникомъ денежнаго и вещевого дохода. Со всего этого припаса секретарь свободно, безгрѣшно, какъ говорятъ, могъ получать въ годъ 3—4 тысячи, безъ всякой прижимки и чего-либо похотѣлаго, словомъ, благородно и честно. Такъ благородно и честно въ консисторскомъ смыслѣ и повелъ себя Павелъ Ивановичъ Остроумовъ и старался въ этомъ смыслѣ облагородить и подначальную ему канцелярію — писцовъ съ столоначальниками. Да если бы и захотѣлось ему свой небольшой семинарскій пушокъ на рыльцѣ пустить въ большой ростъ, по соблазнительнымъ примѣрамъ своихъ предшественниковъ, наживавшихъ въ десяткахъ тысячъ капиталы, то въ обстоятельствахъ современныхъ не было уже удобной для этого почвы, и епископъ Θεодосій былъ великою преградой для возрастанія и обрастанія всякихъ пушковъ на секретарскихъ и не секретарскихъ рыльцахъ.

При епископѣ Θεодосіи мнѣ открылась возможность, состоя на профессорской службѣ, поступить во священника, при приходской Покровской церкви г. Тамбова. Послѣ многихъ своихъ попытокъ найти себѣ мѣсто, болѣе достаточное для жизни, гдѣ-либо внѣ Тамбова, и неудачъ въ этомъ, я наконецъ убѣдился въ путяхъ Промысла Божія, судившаго мнѣ послужить своей именно родинѣ, куда я разъ уже и перешелъ изъ Пензы. Но я еще не былъ женатъ, и этотъ трудный вопросъ предстояло мнѣ рѣшать скоро, такъ какъ Θεодосій мѣсто мнѣ назначилъ къ занятію, и оно было никѣмъ не

занято. Господь невидимою рукою указалъ мнѣ эту невѣсту, не въ своей средѣ, гдѣ ихъ было не мало, но въ свѣтской сиротѣ, жившей съ своею матерью на деньги, доставшіяся отъ предковъ. Мать и дочь вели жизнь скромную, трудолюбивую и богобоязненную, и жили въ чистотѣ и опрятности, аккуратно, на приличной квартирѣ, въ достаткѣ, ни въ чемъ не нуждаясь. Невѣста была хорошо воспитана строгою матерью и училась наукамъ дома и въ пансіонѣ. Два брата ея учились въ университетѣ, и одинъ поступилъ въ медики, въ Москвѣ. Случилось съ ней встрѣтиться и нѣсколько разъ быть въ домѣ, гдѣ она бывала въ гостяхъ, сблизиться затѣмъ такъ, что она охотно за меня готова была выйти замужъ, и я охотно готовъ былъ на ней жениться. Симпатія любви живо зародилась и скоро заставила войти въ брачный союзъ. Ей было 20 лѣтъ, мнѣ 30 съ наростомъ; за ней было небольшое приданое—и деньгами, и всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, мнѣ предстояло получать достаточныя средства содержанія для семейнаго положенія—отъ священническаго мѣста и отъ семинаріи. Въ придачу къ невѣстѣ я получилъ и тещу. Хоть тещи и непріятная коммиссія для зятей и иронизируетъ надъ ними даже литература, и въ обществѣ онѣ не цѣнятся дорого, но у меня теща иронизируемыхъ общественныхъ свойствъ не имѣла. Когда я женился и мы трое стали жить вмѣстѣ, она полезна стала въ хозяйствѣ нашемъ,—за всѣмъ слѣдила и все берегла отъ вороватой прислуги, со всею зоркостью и днемъ, и ночью. Жена по матери сдѣлалась тоже бережливою и расчетливою хозяйкою, а отъ нихъ бережливостью, заразился и я, и у насъ такою одною бережливостью составились средства соорудить себѣ большой и удобный домъ, въ которомъ теперь, по милости Божіей, въ довольствѣ и живемъ. Сдѣлавшись приходскимъ священникомъ, я занялся требоисправленіемъ, которое было для меня очень обременительно, особенно потому, что къ Покровской церкви причислены были, въ двухъ верстахъ отъ Тамбова расположенные, такъ называемые, Покровскіе выселки, въ которыхъ жили крестьяне-хлѣбопашцы. Они одолѣвали меня частыми тасканіями къ нимъ безвременно, причащать больныхъ, и ѣхать къ нимъ на ихъ тощихъ лошаденкахъ въ деревенской телѣгѣ или саняхъ въ непогоду; да и въ городѣ много было бѣдноты въ самыхъ захолустныхъ и грязныхъ мѣстахъ по окраинамъ города; по ихъ хижинамъ приходилось ходить пѣшкомъ въ грязь и непогоду. Въ это время я опытно узналъ, какъ тяжела жизнь приходскаго священника въ томъ отношеніи, что своимъ служеніемъ, и въ храмѣ, и по исправленію требъ по приходу, приходится думать о получкѣ за это платы изъ рукъ того, для кого совершаешь службу, ибо все содержаніе священника зависитъ отъ того, дадутъ ли ему и сколько,

или ничего не дадутъ за его священнослуженіе; и можетъ случиться и большой недостатокъ въ его средствахъ отъ случайности платежнаго количества. И какъ тяжело полученіе это въ нравственномъ отношеніи! Особенно нравственно горько приходилось ходить по домамъ въ праздники подъ видомъ славленія Христа и освященія домовъ святою водой, собирать деньги для пропитанія. Къ церкви Покровской принадлежатъ много домовъ дворянъ и чиновниковъ, знатные изъ нихъ, бывало, не принимаютъ, отказывая „дома нѣтъ“, или высылаютъ деньги, не пуская въ домъ. Какъ попрошайкамъ ходить такъ—ужасно.

Въ это время рѣшался вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Въ литературѣ, особенно духовной, разсуждали и настойчиво заявляли, что все духовенство непремѣнно нужно освободить отъ унижительной для него платы за требоисправленія, которую онъ получалъ поручно, какъ подаваніе; указывалось много способовъ устроить это такъ, чтобы духовенство имѣло опредѣленное годовое содержаніе въ количествѣ и качествѣ, получаемое изъ опредѣленнаго источника и не зависящее отъ случайностей. Изъ центрального комитета въ С.-Петербургѣ объ улучшеніи быта духовенства, подъ предсѣдательствомъ митрополита Исидора, обсужденіе этого дѣла, ближайшее и непосредственное, предварительно отдано было въ епархіи, гдѣ по распоряженію архіереевъ собирались чрезъ благочинныхъ нужныя свѣдѣнія на мѣстѣ; свѣдѣнія эти обсуждались, съ выводами и заключеніями, на мѣстныхъ, въ губернскихъ городахъ, комитетахъ. Комитеты эти изъ мѣстнаго матеріала составляли проекты частные отъ себя, и все со свѣдѣніями отсылалось въ С.-Петербургъ. Въ тамбовскомъ комитетѣ по разбору свѣдѣній объ улучшеніи быта тамбовскаго духовенства, въ числѣ нѣсколькихъ членовъ, состоялъ и я, въ 1866 году. На меня, какъ члена - редактора, и пала вся тяжесть разборки и обработки сыраго матеріала. Одолѣвъ этотъ кропотливый трудъ, я, съ помощью Божіею, составилъ подробную записку, гдѣ проектировано было матеріальное улучшеніе изъ опредѣленно указаннаго источника такъ, чтобы сельскій священникъ получалъ опредѣленнаго ежегоднаго жалованья не менѣе 600 руб., съ оставленіемъ въ его пользованіе церковной земли, и съ обязательствомъ бесплатно совершать всѣ необходимыя требы. Записка эта, въ обработанной литературной статьѣ, послѣ отпечатана мною въ „Православномъ обозрѣніи“ 1866 года. Время это было горячее, воодушевляло всѣхъ на разговоры, разсужденія и писанія по улучшенію духовнаго быта. Журналы духовные съ жаромъ разрабатывали вопросъ, указывая источники и средства къ успѣшному и практическому его рѣшенію. Особенно радѣлъ объ этомъ вопросѣ, полагая въ немъ всю свою душу,

молодой и новый еженедѣльный журналъ, никогда небывалый въ духовной журналистикѣ, безъ предварительной цензуры, подъ названіемъ: „Церковно-Общественный Вѣстникъ“. Этотъ журналъ, свѣтлый, искренній, правдивый, горячо преслѣдовавшій благороссійскаго духовенства, и смѣло указывавшій, и разоблачавшій коренное зло и разныя язвы, изстари разѣдавшія и подрывавшія все его благосостояніе, оказалъ духовенству неоцѣненную услугу и огромную пользу въ его бытѣ и жизни общественной. Любило его все духовенство читать и зачитывалось имъ; бодрилъ, живилъ и просвѣтлялъ онъ самымъ симпатичнымъ образомъ, особенно сельское духовенство, забитое и приниженное, и мало знающее общественные вопросы и интересы въ ихъ сущности.

Предсѣдатель духовно-учебнаго комитета, протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, самъ принималъ въ этомъ журналѣ участіе, оказывалъ ему своимъ авторитетомъ нужную поддержку и защиту отъ всѣхъ недоброжелателей. И талантливый редакторъ А. И. Поповицкій, подъ сильною защитою Васильева, котораго любилъ и уважалъ за глубокій умъ и европейскую образованность самъ оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой, сумѣлъ какъ нельзя лучше воспользоваться своимъ положеніемъ и со всѣмъ безпристрастіемъ и яркою правдивостію, смѣло и безопасно выяснить всѣ причины униженнаго положенія духовенства, не оставивъ безъ вниманія и тѣхъ, которыя скрывались въ архіереяхъ и прежде всегда замалчивались. Редакторъ смѣло печаталъ всѣ епархіальныя корреспонденціи, въ которыхъ правдиво описывались распоряженія архіереевъ и разныя курьезные поступки съ духовенствомъ, но которые архіереи желали бы держать въ безгласности. Поэтому всѣ архіереи побаивались „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, и благодаря этому одному, смиреніе были, по журнала терпѣть не могли, считая его и всѣмъ объявляя зловреднымъ. Но пока живъ былъ знаменитый дѣятель, по вопросу объ улучшеніи быта духовенства, и особенно по заботамъ о преобразованіи способовъ воспитанія и обученія дѣтей духовныхъ, Іосифъ Васильевичъ,—Поповицкій не боялся озлобленія недоброжелателей, и журналъ стоялъ твердо и расходился повсемѣстно въ большомъ количествѣ безпрепятственно. У Васильева онъ служилъ органомъ духовно-учебнаго комитета, по вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, въ которомъ печатались и уяснялись улучшенія и распоряженія въ нихъ. Но со смертію Васильева журналъ этотъ скоро забрали въ монашескую цензуру, и сталъ онъ издаваться уже за подписомъ цензора архимандрита Тихона, уже чахлый, и затѣмъ скоро умеръ отъ истощенія.

Въ 1867 году, при Знаменской церкви умеръ протоіерей Бондар-

скій, состоявшій и членомъ консисторіи. Преосвященный Θεодосій предложилъ мнѣ перейти на его мѣсто къ Знаменью, съ занятіемъ и должности члена консисторіи. На это я добровольно согласился, такъ какъ знаменскій приходъ былъ поудобнѣе и подходнѣе, хоть въ консисторію не желалъ было поступать и сначала отказался, и только убѣжденія и одобренія Θεодосія вселили въ меня рѣшимость. Попробую, сказалъ я себѣ, послужить и въ консисторіи, и опытно узнать, что это за служба. Видѣлъ я, что въ консисторіи и секретарь новый и знакомый по семинарской службѣ, и члены не старинные, прежніе заросшіе консисторскою плѣсеню, а всѣ новые, два изъ академіи, и къ нимъ третій академикъ я. Это успокоило меня, и я вступилъ въ консисторію смѣло, и скоро вошелъ въ свою колею. Въ экспедиціи, которая поручена мнѣ въ завѣдываніе, столоначальникомъ былъ давнишній крючекъ консисторскій, воспитавшійся съ юныхъ лѣтъ въ старой безпардонной школѣ консисторскаго обирательства, Авксентій Розановъ, льстивый плутъ, успѣвшій на своевольной канцелярской службѣ и подслуживаніи нажить большой домъ и изрядный капиталъ. Разѣзжалъ въ консисторію и по городу на лошадахъ и жилъ баринкомъ. Дѣлами въ столѣ занимался и ихъ обрабатывалъ, по старой привычкѣ, какъ хотѣлъ по своему вкусу, безконтрольно, и рѣшалъ ихъ самъ по соображенію одной своей выгоды. Писцы были у него покорнѣйшіе рабы, которымъ онъ за работу на него выдавалъ доходную плату, сообразно усердію cadaго въ угожденіе ему, изъ тѣхъ доходовъ, которые текли въ руки столоначальника, по разнымъ дѣламъ и бумагамъ, отъ лицъ, имѣющихъ нужду до консисторіи. Мнѣ, какъ члену и начальнику его, онъ обязанъ былъ докладывать каждую бумагу или дѣло, чтобы по нему постановить и записать въ настольномъ реестрѣ свое рѣшеніе. Прежде онъ не имѣлъ обыкновенія дѣлать обстоятельный докладъ, а диктовалъ члену рѣшеніе, составленное имъ заранѣе, и членъ подъ его диктовку и писалъ. Такъ онъ хотѣлъ по привычкѣ дѣйствовать и у меня, держа меня автоматомъ. Долго я мучился этимъ положеніемъ, какъ новичекъ, не привыкшій обращаться съ подобными наглецами, и деликатно все хотѣлъ въ свое положеніе его поставить, но не успѣвалъ. Мучась его наглымъ присутствіемъ и обращеніемъ со мной, я наконецъ велѣлъ приносить ему въ присутствіе однѣ бумаги, а самому уходить, и сталъ прочитывать ихъ самъ и соображать, что нужно по нимъ сдѣлать, и затѣмъ записывалъ свое рѣшеніе въ книгу. Дѣло это шло у меня по непривычкѣ медленно, и я поэтому часто бралъ дѣла на домъ и разбиралъ ихъ вечеромъ. Трудно мнѣ было, но зато легко чувствовалось въ независимости отъ опаснаго столоначальника, который легко могъ подвести члена, изъ своихъ

выгодъ. Но, слава Богу, этого столоначальника случай благопріятный изъ консисторіи убралъ и безъ хлопотъ. Въ 1868 году вышли новые штаты для консисторій—нѣкотораго рода улучшение,—по штатамъ нужно сдѣлать сокращеніе классныхъ чиновниковъ, а оставшимся въ штатѣ увеличено жалованье. Положено было быть 4-мъ членамъ въ присутствіи консисторіи съ жалованьемъ въ 500 руб. каждому. Въ это сокращеніе епископъ Ѳеодосій и постарался очистить консисторію отъ всѣхъ злыхъ остатковъ темной канцелярской старины; въ ихъ числѣ и попалъ, къ моему спокойствію, и мучившій меня Розановъ. Увеличеніе средствъ консисторскимъ чиновникамъ дало возможность имѣть ихъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи и новыхъ, не пробовавшихъ еще закваски консисторской. Была надежда облагородить и обновить канцелярію. И служить члену являлась возможность дѣлательно и удобно, безъ препятствій, тѣмъ болѣе, что членъ обезпечивался порядочнымъ жалованьемъ въ 500 руб. Такъ сложилась моя служба въ Тамбовѣ. Былъ я приходскимъ священникомъ и членомъ консисторіи, и состоялъ при этомъ профессоромъ семинаріи, гдѣ въ то же время занималъ и должность помощника инспектора. Занятій было много и хлопотъ довольно, но въ средствахъ я отъ этихъ должностей былъ вполне обезпеченъ и, не имѣя дѣтей, обстроивался свободно на осѣдломъ мѣстѣ и обросталъ средствами въ достаткѣ.

Дѣятельность приходскаго священника, впрочемъ, меня сильно тяготила,—и нравственно чрезъ поручное полученіе платы за каждое священнослуженіе, и внѣшне отъ временныхъ и безвременныхъ скитаній по приходу въ непогоду. Случилось оттого сильно заболѣть и проболѣть долго и серьезно, съ опасностью жизни. Послѣ болѣзни, хоть и вылѣчился, но остался на цѣлую жизнь слабымъ, послѣдствія болѣзни,—плеврита, оставили на мнѣ свои неизгладимые слѣды, требовавшіе болѣе спокойной, осторожной и строго-умѣренной жизни и дѣятельности. Приходская дѣятельность стала для меня невозможна, потому что разстраивала мои слабыя силы и грозила худшимъ. И вотъ, когда открылось мѣсто при Александринскомъ институтѣ городскихъ дѣвицъ, и преосвященный Ѳеодосій предложилъ занять его мнѣ,—я перешелъ изъ Знаменской церкви въ институтъ въ 1869 году, занявъ должность священника при институтской церкви и законоучителя. Членомъ консисторіи я остался и при этой новой должности. Но изъ семинаріи, когда въ ней введены были новые штаты, по новому уставу, я черезъ два года вышелъ, прослуживъ въ ней сряду по окончаніи курса академіи 13 лѣтъ. Разставшись съ семинарією, я очень былъ доволенъ этимъ. Эта неблагодарная служба горько отзывалась въ моемъ сердцѣ. Служи усердно, или кое-какъ,—

одна тебѣ цѣна у начальства,—быть безъ вниманія и поощренія. Во всѣ 13 лѣтъ я не получилъ ни одной награды, не потому, чтобы не заслужилъ, а потому, что былъ только наставникъ. Начальство себя награждало и своихъ монаховъ, а меня и мнѣ подобныхъ и не считало нужнымъ. Однако ректора архимандрита, помнится, наградили Анною 2-й ст. Мы наставники пришли поздравить. И онъ насъ за поздравленіе такъ благодарилъ: „Благодарю васъ, господа, много благодарю,—и желаю вамъ здоровья и всѣхъ васъ поздравляю, вѣдь въ лицѣ моемъ и васъ всѣхъ наградили“. Кажется, это было въ Пензѣ. Такъ насъ и награждали все въ лицѣ другихъ.

Въ институтѣ я встрѣтилъ иную сферу, совсѣмъ не похожую на сферу семинарскую. Все было здѣсь деликатно, тихо, благородно, чисто и опрятно. Эта сфера, послѣ грубой, боевой и шумной семинарщины, подѣйствовала на меня самымъ оживляющимъ образомъ, и слабость моя болѣзненная стала для меня не ощутительна, я душою отдохнулъ. Начальство отнеслось ко мнѣ и всегда относилось вѣжливо, деликатно, съ ласковостью и даже уваженіемъ; воспитанницы всѣ были почтительны, вѣжливы, послушны и услужливы, въ классѣ держали себя тихо, внимательно и съ особымъ усердіемъ учились по преподаваемому мною закону Божію; также вѣжливо и почтительно держали себя внѣ классовъ. Въ храмѣ Божіемъ всѣ держали себя въ такой благоговѣйной тишинѣ и образцовомъ порядкѣ, что служеніе божественное составляло для меня истинную отраду и утѣшеніе. Пѣли въ храмѣ пѣвчія—изъ воспитанницъ, прекрасно обученныя хоровому церковному пѣнію, голосами нѣжными, гармоническими и обработанными искусствомъ. Такъ это продолжается и доселѣ въ неизмѣнномъ строѣ и порядкѣ, и подъ такимъ вѣяніемъ отрадной атмосферы служу я въ институтѣ благопріятно и благополучно сряду теперь двадцать третій годъ.

Освободившись отъ тяжелой службы приходскаго священника и отъ неблагодарной службы семинарской, и состоя на одной тихой и спокойной въ внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи службѣ въ институтѣ, при вполнѣ достаточномъ обезпеченіи отъ него въ матеріальныхъ средствахъ, я могъ свободно и безпрепятственно заняться и по должности въ Тамбовской консисторіи. Освоившись мало-по-малу со всѣми ея порядками и дѣлопроизводствомъ, и ознакомившись со всѣми законоположеніями духовнаго судоустройства, и администраціею по уставу консисторскому и по другимъ сборникамъ распоряженій правительственныхъ, какъ духовныхъ, такъ и по новымъ гражданскимъ законамъ, по уставамъ императора Александра II, только что изданнымъ, я принялся ревностно за практику консисторскаго члена.

И много положилъ труда на то, чтобы выработать изъ себя члена опытнаго, знающаго свое дѣло основательно, и умѣющаго его дѣлать своими руками и головой, безъ вторженія и вмѣшательства съ своимъ порабощающимъ руководствомъ секретарей и столоначальниковъ. Трудъ, какъ давно извѣстно, все преодолеваетъ. И я, при помощи Божіей, со временемъ сталъ въ довольно твердое положеніе, при которомъ могъ руководствоваться въ дѣлахъ своего столоначальника, да могъ имѣть вліяніе по дѣламъ и на секретаря, направляя всякое дѣло къ нормальному его ходу и законному исходу. У преосвященнаго Θεодосія я находилъ нужную поддержку и руководство. Онъ человѣкъ по дѣламъ управленія былъ добросовѣстный и правдивый, преслѣдовалъ взяточничество, которое по новымъ окладамъ—возвышеннымъ, для секретаря и его канцеляріи, должно было совершенно прекратиться; но въ канцеляріи въ ѣвшаяся язва старинная была еще въ силѣ, и хотъ тайно и боязливо, дѣйствовала по своимъ закоулкамъ. Самъ Θεодосій слѣдилъ за всѣмъ, и дѣла консисторскія просматривалъ и разбиралъ внимательно, и отъ членовъ требовалъ дѣятельности зоркой и внимательной. Поэтому при немъ въ консисторіи все шло болѣе или менѣе исправно, и служба дѣятельнаго члена консисторіи была спокойна, солидна и разумно-дѣловаго характера. При всей нелегкости обязанностей члена, я на службѣ консисторской не тяготился,—трудись и дѣлай свое дѣло добросовѣстно, по закону, архіерей это замѣтитъ, и поможетъ въ случившихся прпятствіяхъ, и поощритъ. Стало все въ консисторіи устанавливаться въ законную форму и идти, привыкая, по нормальной колѣѣ.

По издавна вошедшему обычаю въ нашей высшей церковной администраціи, монахи-архіереи и монахи - не архіереи въ семинаріи не заживаются на своихъ мѣстахъ подолго, а очень часто черезъ самое короткое время мѣняются и передвигаются, кто на высшее, кто на низшее мѣсто, кто на выгодное, кто на менѣе выгодное, кто по видамъ административнымъ переводится изъ отдаленнаго мѣста, напр., Сибири—поближе къ центру Петербургскому, а кто изъ Петербургскаго центра въ отдаленный край Сибири. И на это передвиженіе, постоянно творимое, идетъ, и едва-ли производительно, большая сумма денегъ, особенно по щедро отпускаемымъ деньгамъ для подъездовъ и проѣздовъ на дюжину лошадей архіереямъ. Какъ быгодились всѣ эти деньги на вошіющія нужды въ духовномъ вѣдомствѣ! А сколько бываетъ неудобствъ и разстройствъ мѣстныхъ при этой частой смѣнѣ. Одинъ архіерей поработалъ на своей епархіи, завелъ строй и цорядокъ, и идетъ дѣло благоустройства въ нужномъ складѣ и направленіи. Другой поступившій, не зная мѣстности, ея склада, и не понимая исторически существующаго, все поверты-

ваетъ по-своему, и выходитъ часто путаница, которую новый поступившій беретъся распутывать, устанавливая свое безъ всякаго знанія мѣстнаго склада и историческаго сложенія порядковъ и обычаевъ. И такъ епархіальная почва распланировывается то такъ, то иначе, и засѣвается то хлѣбомъ, то травой, то зарастаетъ бурьяномъ отъ постоянного передвиженія и смѣны ея оратаевъ.

Это случайное и неустойчивое обстоятельство внезапно и постигло Θεодосія, когда онъ только-что обжилъ въ епархіи, устроилъ консисторію, и много другаго завелъ хорошаго и полезнаго, и расположился охотливо жить и болѣе устроить свою епархію, имѣя для этого и опытное знаніе, и знакомство съ мѣстомъ и его историческимъ складомъ, тѣмъ болѣе, что и лѣта его преклонныя располагали его, и внутреннее его настроеніе скромное и неискательное побуждало окончить и дни свои въ Тамбовѣ, къ которому онъ привыкъ. Но нѣтъ,—свыше почему-то распорядились иначе. Прислали указъ быть ему епископомъ вологодскимъ и устюжскимъ, а на мѣстѣ его въ Тамбовѣ быть епископу вологодскому П—ію, и отпустить тому и другому на перекрестный путь и подъемъ приличную сумму. Съ великою скорбію, и даже поплакавъ, принялъ Θεодосій этотъ переводъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не повышение. Не хотѣлось трясти по дорогѣ свои старыя кости и зябнуть на старости въ холодной и пустынной съ болотами и тундрами Вологодской епархіи. „Да, говорилъ онъ своимъ монахамъ приближеннымъ, вотъ и наградили за то, что я устроилъ вашъ монастырь, -- ѣлъ самъ щи и кашу, и скопилъ вамъ въ монастырской экономіи десятки тысячъ. Приѣдетъ другой—молодой, все это у васъ растратитъ на одинъ свой столъ“.

Но онъ не это одно устроилъ; онъ устроилъ и основалъ для духовенства училище для обученія его дочерей, и употребилъ на него своихъ денегъ до двадцати тысячъ, и заботился о немъ какъ родномъ своемъ дѣтищѣ, а отъ духовенства на устройство и содержаніе училища, пока онъ жилъ въ Тамбовѣ, ничего не потребовалъ. Зачѣмъ и по какой причинѣ его смѣнили, никто не зналъ хорошо. Догадывались только, что вѣроятно въ слѣдствіе незадолго бывшей посылки въ Тамбовъ епископа муромскаго Іакова, въ качествѣ слѣдователя по одному скандальному и тайному доносу на игуменію женскаго монастыря, Іаковъ секретно это разслѣдовалъ и зачѣмъ-то изъ Тамбова былъ потомъ въ Саровской пустыни, что-то дознавалъ; а при этомъ, какъ замѣтно было, дѣйствовалъ недоброжелательно по отношенію къ Θεодосію. И Θεодосій имъ въ чемъ-то былъ недоволенъ, и была молва, что Іаковъ рассчитываетъ быть въ Тамбовѣ на мѣстѣ Θεодосія. Какъ бы то ни было, но Іаковское дознаніе имѣло такое послѣдствіе: изъ Синода игуменію велѣно было отъ мѣста удалить въ другой мона-

стырь въ монахини рядовыя; священника Смирнова изъ монастыря взять и дать мѣсто въ церкви приходской, и впредь въ женскіе монастыри вдовыхъ священниковъ не опредѣлять. Іакову Муромскому, какъ онъ ни интриговаль, въ Тамбовѣ, какъ онъ ни мечталъ, быть епископомъ не пришлось, а остаться все тѣмъ же викарнымъ, и даже въ послѣдствіи сойти на покой въ одинъ монастырь въ Москвѣ; вѣроятно, дошли слухи, ходившіе въ Тамбовѣ, до Петербурга о томъ, какъ въ Саровѣ заставилъ себѣ заплатить за свою поѣздку туда порядочную сумму. Этотъ Іаковъ оказался стариннымъ консисторскимъ членомъ. Онъ, будучи только семинарскаго образованія, въ началѣ служилъ діакономъ при одной изъ московскихъ церквей, потомъ священникомъ и по вдовству поступилъ въ монахи, и былъ въ санѣ архимандрита нѣсколько лѣтъ заядлымъ членомъ консисторіи Московской при митр. Филаретѣ.

Такимъ образомъ и лишились мы добраго, скромнаго, умнаго и трудолюбиваго епископа Ѳеодосія, который неохотно поѣхалъ на старости въ суровую Вологду, а изъ Вологды съ охотою и удалю прибылъ къ намъ епископъ Па—ій, еще молодой. Онъ, несмотря на свою молодость, успѣлъ уже наскоро пройти быть викарнаго епископства при митрополитѣ петербургскомъ Исидорѣ, затѣмъ былъ епископомъ въ Олонецкѣ; изъ Олонца переведенъ въ Вологду, а изъ Вологды въ Тамбовъ, и тутъ оставался осѣдлымъ только три года. Изъ Тамбова перешелъ затѣмъ въ Рязань, далѣе въ Казань, а потомъ въ Тифлисъ. Къ такому быстрому перемѣщенію съ одного мѣста на другое, какъ по лѣстницѣ вверхъ, побуждало Па—дія его неугомонное искательство вслѣдствіе внутренняго его честолюбія, все большаго и лучшаго, и это ему удивительно легко удавалось. Изъ всѣхъ архіереевъ, какихъ я знаю въ своей современности, это удачникъ первой масти. Онъ прозорливо усматривалъ скорѣе всякаго всѣ моменты и шансы, способствовавшіе карьерѣ, ловилъ ихъ во-время и ловко ухитрялся поворачивать ихъ въ свою пользу. Еще будучи въ Нижнемъ-Новгородѣ, профессоромъ и священникомъ, онъ сумѣлъ приблизиться къ тамошнему епископу Нектарію, который былъ извѣстенъ въ С.-Петербургѣ и былъ тамъ вліятеленъ, состоялъ даже въ Св. Синодѣ присутствующимъ. Нектарій избралъ его даже въ свои ключари и сдѣлалъ своимъ домашнимъ компаніономъ; по вдовствѣ расположилъ его идти въ монахи, и открылъ удобный путь къ славѣ и почестямъ, чего жаждала душа Па—дія. Затѣмъ посодѣйствовалъ ему перейти въ Петербургъ и сдѣлаться ректоромъ Петербургской семинаріи. Здѣсь, по свойственной своей лъстивости предъ вліятельными людьми, и всевозможной угодливости имъ со всею зоркою предупредительностію, онъ сумѣлъ войти въ особое благоволеніе у ми-

трополита Исидора, какъ непосредственнаго своего начальника, который скоро и сдѣлалъ его своимъ викаріемъ, поставивъ во епископа. Въ должности митрополичьяго викарія Па—дій постарался такъ твердо укрѣпить за собою исидоровское благоволеніе, что оно съ тѣхъ поръ никогда не оставляло его и съ силою дѣйствуетъ во всѣхъ путяхъ его жизни и доселѣ... Это обстоятельство и было причиною того, что Па—дій, изъ молодыхъ ранній, опередилъ многихъ старшихъ по лѣстницѣ карьеры, леталъ такъ быстро съ кафедръ на кафедру, все повышаясь, отъ епископа до архіепископа, отъ архіепископа до экзарха съ однимъ шагомъ до митрополита, и все украшаясь крестами и орденами. Говорятъ, что онъ теперь ¹⁾ всѣ дипломатическія мѣры употребляетъ къ тому, чтобы, помимо старшихъ и болѣе достойныхъ, не въ примѣръ другимъ, занять мѣсто митрополита, ожидаемое быть вакантнымъ, въ виду глубокой старости какъ Исидора, такъ и кіевскаго Платона. Этимъ объясняютъ его лѣтнія поѣздки въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, изъ отдаленнаго своего края. Но будущее извѣстно Богу; и я возвращусь къ прошедшему тамбовскому, что я видѣлъ и знаю по опыту своему.

Пріѣхавъ изъ Вологды въ Тамбовъ, Па—дій, при первомъ представленіи ему тамбовскаго духовенства городского, съ особою настойчивостію убѣждалъ его, чтобы жить съ нимъ мирно и жалобъ на него въ Синодъ отнюдь не подавать. Пусть недовольные идутъ ко мнѣ прямо, и я буду стараться уладить дѣло полюбовно, безъ Синода. Когда консисторія представила ему на принятое отъ предшественника его имущество актъ, онъ отнесся къ нему съ грознымъ недовѣріемъ и нарядилъ особую комиссію для повѣрки всего имущества монастырскаго и архіерейскаго дома, и комиссія удовлетворила его, нашедши все въ исправности. Долго занимался онъ выборомъ себѣ новаго протодіакона поголосистѣ и новаго ключаря. Послѣ тщетныхъ исканій на сторонѣ, въ протодіаконы онъ взялъ изъ архіерейскаго хора перваго баса-солиста діакона Ле—ва, который составлялъ украшеніе хора и приспособленъ былъ искусно именно къ хоровому пѣнію, и долго въ хорѣ находился. Всѣ въ публикѣ объ этомъ жалѣли, да и діаконъ Ле—въ нехорошо себя чувствовалъ—неловко и тяжело, принужденный свободный—хоровой и музыкальный свой голосъ ломать и неестественно расширять и возвышать, чтобы позффективѣе выкрикнуть, съ потрясеніемъ сводовъ церковныхъ, протодіаконскіе возгласы, особенно „Господина нашего“ къ удовольствію владыки; и въ послѣдствіи современемъ этимъ надувательскимъ крикомъ искалѣчилъ себя до того, что теперь больной и разбитый. Еще далѣе

¹⁾ Уже скончался.

искалъ себѣ подходящаго ключаря. Ключарь, который служилъ при Θεодосіи, былъ человѣкъ солидный, держалъ себя съ подобающимъ достоинствомъ безъ приниженности рабской и угодливости лъстивой, и уже почтенныхъ лѣтъ. Этими достойными качествами и не понравился онъ Па—дію. Не находя за нимъ ничего такого, за что бы прямо можно было его отставить, онъ сталъ сторонкой и постепенно его—то тѣмъ, то другимъ—донимать, и если не мытьемъ, такъ катаньемъ довелъ таки до того, что ключарь заболѣлъ и, не отказываясь отъ ключарства, сталъ проситься отъ занимаемой имъ еще должности въ попечительство по слабости. Па—дій этимъ и воспользовался, и написалъ на его прошеніи дипломатически: „по тяжелой болѣзни ключаря, уволить его, согласно прошенію, отъ попечительства и отъ ключарства“. Болѣзнь не была тяжкая, и онъ скоро поправился и занималъ протоіерейское мѣсто въ соборѣ. Но мѣсто ключаря стало свободно и ждало достойнаго кандидата. Въ Тамбовѣ достойныхъ не нашлось. Иные не нравились, иные и нравились владыкѣ, но не шли сами въ ключари, видя, чего желаетъ въ ключарѣ себѣ Па—дій, и не находя въ своей совѣсти никакихъ къ тому побужденій. Нужно было искать на сторонѣ. Во время своихъ поѣздокъ по епархіи пришлось ему быть въ глухомъ—захолустномъ городкѣ—Борисоглѣбскѣ. Тамъ прозябалъ на должности соборнаго протоіерея нѣкто Петръ Ак—новъ, постунившій прямо съ парты, по окончаніи курса Казанской академіи, со взятіемъ внучки своего предмѣстника, который и уступилъ ему мѣсто ради внучки, а самъ по старости—въ заштатъ. Этотъ-то ничего не выдавшій и не знавшій молодой протоіерей, по неопытности своей благоговѣвшій до идолопоклонства предъ архіереями, и остановилъ на себѣ вниманіе Па—дія,—онъ сразу замѣтилъ въ немъ все нужное и желательное ему для ключаря,—„рыбакъ рыбака видитъ издалека“, и „звѣрь на ловца бѣжитъ“. Когда Па—дій объявилъ ему о своемъ желаніи сдѣлать его своимъ ключаремъ, въ Ак—новѣ явилась сначала полная готовность, и онъ почувствовалъ въ себѣ пробужденіе всѣхъ инстинктовъ къ устроенію лучшей карьеры. Но послѣ поразмысливъ, встрѣтилъ много препятствій: во-первыхъ, то, что жена его, родившаяся и воспитавшаяся въ Борисоглѣбскѣ, никакъ не хотѣла въ Тамбовъ; во-вторыхъ, мѣсто соборное въ Борисоглѣбскѣ было очень доходное—давало 3 тысячи ежегодно, отъ добра добра не ищутъ; въ третьихъ, и родство все въ Борисоглѣбскѣ; оно и не тянуло его въ Тамбовъ. Несмотря однакожь на все это, Па—дій умѣлъ чѣмъ-то обольстить Ак—нова, и онъ охотно ушелъ въ ключари, презрѣвъ всѣ препятствія, даже мольбы и слезы жены—не уѣзжать въ Тамбовъ, и равнодушно перенесъ даже послѣдовавшую отъ того смерть своей жены, но ключаремъ сдѣлался и постарался

всѣми трудами и усиліями быть Па—дію вполне подходящимъ, и служилъ ему на удивленіе всего міра тамбовскаго и духовнаго, и не духовнаго, служилъ всею душою и тѣломъ, до забвенія совѣсти и Бога, служилъ, какъ своему божеству. Конечно, тутъ много имѣло силы то, что чрезъ рабское служеніе такому владыкѣ, каковъ Палладій, ключарь пріобрѣталъ себѣ все внѣшнее значеніе и вліяніе въ мірѣ духовномъ, и обильно текли въ его карманы денежные струйки изъ разныхъ хлябей сферы земной. Но при этой внѣшней выгодѣ пришлось искалѣчить себя нравственно и лишиться истинной чести и достоинства, ставъ предметомъ глумленій и попуганій въ обществѣ; чтò и случилось вполнѣ въ послѣдствіи отъ долговременной его практики въ своемъ направленіи при послѣдующихъ владыкахъ, за которыхъ онъ научился всегда цѣпко держаться и извлекать свою выгоду, несмотря на неодинаковые ихъ нравы. При Па—діи впрочемъ ключарь учился какъ въ школѣ, ключарскому искусству у самого Па—дія, бывшаго въ свое время не мало времени ключаремъ, и чрезъ это открывшаго себѣ путь на широкое поле жизни. И при такомъ опытномъ учителѣ скоро усвоилъ всю нужную премудрость. Па—дій затѣмъ опредѣлилъ своего ключаря и въ члены консисторіи, гдѣ онъ оказался смѣлымъ нарушителемъ порядка и законности, безъ боязни отвѣтственности. Прежній ключарь не состоялъ членомъ консисторіи. Избравшій его епископъ Макарій былъ такого мнѣнія, что ключарямъ никакъ не слѣдуетъ быть въ консисторіи и некогда имъ заниматься консисторскими дѣлами, какъ людямъ разъѣзднымъ и рассыльнымъ по порученіямъ и распоряженіямъ архіерея, и во избѣжаніе разныхъ злоупотребленій и нарушеній нормальности; поэтому и установилось было въ нашей консисторіи благодѣтельное правило—не пускать ключарей въ консисторскіе члены, и продолжалось оно съ очевидною для всѣхъ пользою долгое время, при трехъ архіереяхъ, какъ мудрый завѣтъ великаго святителя русской церкви митрополита московскаго Макарія. Но Па—дій съ одного маху уничтожилъ это благодѣяніе, и пошло съ тѣхъ поръ свободно гулять въ консисторіи ключарское злодѣяніе. Съ поступленіемъ ключаря Ак—ва спокойное и солидное положеніе членовъ консисторіи стало переходить въ тревожное и шатающееся. Обычнаго независимаго и свободнаго обсужденія дѣлъ уже не могло быть. Ключарь становился всѣмъ поперекъ горла и своимъ вліяніемъ у архіерея забиралъ преобладаніе, пользуясь тѣмъ достигать своихъ личныхъ выгодъ. Онъ почасту бѣгалъ изъ консисторіи къ архіерею и шпионилъ ему все, что считалъ нужнымъ для своихъ цѣлей по разнымъ дѣламъ, и беззастѣнчиво бралъ взятки, общаясь въ консисторіи и у владыки провести дѣло въ пользу своихъ ухлебителей. Вотъ тутъ-то и зачалась у меня борьба съ этимъ ключаремъ консисторіи;

борьба эта неослабно продолжалась при Па—діи и другихъ двухъ его преемникахъ и стояла мнѣ много трудовъ, чтобы не давать ходу въ своихъ взяточныхъ замашкахъ, или сократить хоть немного нашего зарвавшагося эксплуататора. Много унесла у меня эта борьба силъ и здоровья, пока стихійная сила не выдвинула меня совсѣмъ изъ консисторіи.

Па—дій въ свое трехлѣтнее пребываніе въ Тамбовѣ не сдѣлалъ ровно ничего жизненнаго и плодотворнаго для епархіи. Любилъ онъ по ней съ помпою, пышно и величественно разъѣзжать для своего развлечения, а не обозрѣнія. И излюбленный ключарь впереди его вездѣ будировалъ духовенство и народъ устроить ему покуривае встрѣчи при въѣздахъ въ села и входахъ въ церкви. Онъ первый завелъ, — прежде не было и дѣло велось просто, съ апостольскою скромностію, — чтобы изъ церквей вездѣ духовенство выходило къ нему навстрѣчу, въ церковномъ облаченіи и съ множествомъ иконъ и хоругвей, и ждало заранѣе его приѣзда на площади церковной. Въ поѣздкахъ всегда сопровождала его огромная свита съ пѣвческимъ полнымъ хоромъ, иподіаконами и протодіакономъ. Память о себѣ оставилъ въ Тамбовѣ однѣми постройками, да и то совершенно не нужными и обременившими многихъ понапрасну. Такъ онъ, не довольствуясь давнишнимъ стариннымъ архіерейскимъ домомъ, въ которомъ находили весьма достаточное, покойное и просторное до излишества помѣщеніе всѣ его предшественники, задумалъ, во что бы то ни стало, надстроить на немъ такое же помѣщеніе повыше и ни мало не медля началъ широкую и дорогую постройку каменную. Средства же денежные велѣлъ собирать по епархіи, и особенно изъ сундуковъ монастырскихъ. И выстроилъ такъ, что на прежнемъ архіерейскомъ домѣ большомъ явился другой домъ, еще большій и помѣстительный, сообщенный съ нижнимъ внутренними ходами и вверхъ и внизъ, и сталъ такимъ образомъ архіерейскій домъ истымъ лабиринтомъ съ несчетнымъ числомъ комнатъ для жилья единого владыки-монаха. Зачѣмъ и для какихъ цѣлесообразностей совершилось это столпотвореніе, — доселѣ покрыто мракомъ неизвѣстности. Только архіерею нуженъ въ немъ одинъ уголокъ, гдѣ онъ и находитъ уютный покой, а все прочее, какъ пустыня пространная и великая, доселѣ необитаема. А сколько капитала, труда понапрасну положено — говорили болѣе 100 тысячъ, со всею внутреннею дорогою и роскошною отдѣлкою, — и какія бы вопіющія нужды въ духовенствѣ могъ покрыть этотъ капиталъ, — великаго сожалѣнія достойно! Другое построеніе — тоже затѣянное безъ всякой нужды, — это распространеніе Предтеченской церкви въ монастырѣ. Церковь была достаточно просторная и безъ расширенія занимала много мѣста въ саду монастырскомъ; слу-

жила съ давнишнихъ временъ всегда просторнымъ помѣщеніемъ. Захотѣлось пристроить новый алтарь, удлинивъ на востокъ, и расширить съ боковъ. Чрезъ это опустошено много сада и утѣсненъ просторъ въ немъ. Капиталу употреблено не менѣе дома архіерейскаго. Такъ все время свое въ Тамбовѣ Па—дій и провелъ въ постройкахъ и сборахъ на нихъ съ монастырей, церквей и обывателей денегъ; такъ и уѣхалъ въ Рязань, не достроивъ все задуманное, и оставилъ на монастырѣ много долговъ. Любилъ онъ и пожить въ Тамбовѣ въ свое удовольствіе. Поваръ у него былъ широкой руки, и столъ готовился изысканный и обильный, доставались живыя стерляди и осетры, и подавались лучшія вина, съ шампанскимъ Редереръ. При немъ жилъ родной его братъ іеромонахъ Поликарпъ, котораго поставилъ въ архимандриты, да еще два сына. Весь столъ и все содержаніе оплачивалось на братскій монастырскій счетъ. И все скопленное скромнымъ Θεодосіемъ ушло на это благоустройство.

Недаромъ Θεодосій, когда собирался уѣзжать изъ Тамбова, съ сожалѣніемъ и какъ-бы пророчески говорилъ, что вотъ онъ ѣлъ все время щи и кашу по-монашески и постарался скопить на нужды монастырскія порядочный капиталецъ,—экономической суммы монастырской накопилось въ это время болѣе 20 тысячъ, а другой на его мѣстѣ все это въ разъ прожить. Дѣйствительно, мало того, что эта сумма была проѣдена, но Па—ій, уѣзжая, оставилъ отъ себя непоплаченными много счетовъ по разнымъ колоніальнымъ, съѣстнымъ, виннымъ, закусочнымъ лавкамъ; въ счетахъ этихъ значилось на большія сумму изысканные и дорогіе предметы потребленія, какъ наприм., рейнвейны, токайское, венгерское, клико, зернистая икра, балыки, стерлядь и осетеръ, рябчики даже, и разные фрукты. И все это на тысячи оплатилъ послѣ монастырь... Изъ сборовъ Па—емъ денегъ на постройки припоминается мнѣ живой рассказъ, лично мнѣ изложенный настоятелемъ Санакарскаго монастыря Иларіемъ, во время бытности его у меня въ домѣ—онъ былъ мнѣ издавна близко знакомый. Во время одной поѣздки по епархіи Па—ій со всею своею богохранимою огромною свитою остановился въ Санакарскомъ монастырѣ; всѣ ѣли, пили и отдыхали тутъ нѣсколько дней. Передъ отъѣздомъ, послѣ обильнаго прощальнаго угощенія преосвященный, говоритъ Иларій, „берешь меня за руки и дружески идешь со мной въ мой кабинетъ; усаживаетъ вмѣстѣ съ собой на диванъ и заводитъ рѣчь о наличныхъ теперешнихъ суммахъ монастырскихъ въ экономіи. Я изложилъ ему всѣ средства монастырскаго содержанія, указывая на то, что нашъ монастырь нуждается и только сборомъ по книжкамъ и восполняетъ недостатки. При этомъ откровенно и сказалъ что теперь у насъ деньгами есть пять тысячъ руб., и это пойдетъ на

содержаніе. Сколько же ты можешь пожертвовать мнѣ на постройки? Сотенку—другую, пожалуй, можно, говорю въ отвѣтъ. Нѣтъ, говорить, владыка, тутъ не сотнями, а тысячами надо. И подумавъ, и помолчавъ нѣсколько, сказалъ: Вотъ что, отецъ Иларій,—пять тысячъ ты отдавай всѣ; а я тебѣ разрѣшу рубить свой монастырскій лѣсъ, сколько хочешь, продавай его и выручишь поболѣе пяти тысячъ. Да вѣдь законъ запрещаетъ такъ рубить лѣса монастырскіе. Ну какой законъ? Войди ко мнѣ съ представленіемъ о нуждахъ монастырскихъ; консисторія тебѣ дастъ указъ—и вырубай свободно, не боясь...“ „Такъ, дружокъ мой, заключилъ грустно свой рассказъ о. Иларій, истинно благочестивый и богобоязненный старецъ, всѣ пять тысячъ—послѣдніе достатки монастырскіе—и отдалъ П—ію,—что подѣлаешь?“ А Санаксарскій монастырь самый бѣдный въ епархіи Тамбовской. Когда Па—ій уѣхалъ, не заплативъ сдѣланные имъ долги, многіе кредиторы перепугались, какъ бы не пропали ихъ депъги; ибо заборы были всѣ на имя Казанскаго монастыря. Ко мнѣ, помнится, въ тревогѣ прибѣгаетъ купецъ Вологинъ, со счетомъ изъ своей лавки—на нѣсколько тысячъ, посоветоваться, какъ съ членомъ консисторіи, что ему дѣлать,—вѣдь мы отпускали все въ долгъ и долгъ ради владыки, а ну-ка монастырь откажется. Ну, не откажется, не скоро, и понемногу заплатить, успокаивалъ я его. Лавка у него была ковравая, обойная, и со всѣми желѣзными и мѣдными товарами. Разсказывали, что по оставленіи Тамбова и будучи въ Рязани П—дій купилъ гдѣ-то для своихъ сыновей много земли, и что одинъ изъ его сыновей отъ пріизобильной жизни, да скоро затѣмъ и другой—замотались. Но насколько слухъ этотъ достовѣренъ, я сказать не могу, не знаю.

Все духовенство тамбовское Палладія не любило за то, особенно, что онъ презрительно и свысока съ нимъ обращался, требуя отъ него раболѣпнаго поклоненія себѣ. При представленіяхъ къ нему въ торжественные дни вмѣстѣ съ свѣтскими духовенство держало себя какъ-то сиротливо и обиженно. Архіерей Па—ій, благословляя свѣтскихъ, любезно и съ умильною фізіономіею разговаривалъ, или кидалъ сладкія слова тому или другому, но замѣтивъ подходящаго священника къ его благословенію, моментально, хамелеоновски измѣнялся въ суровую начальническую, самобытную, и смотрѣлъ по верхамъ... Зналъ нерасположеніе къ нему духовенства, Па—ій опасался холодныхъ и сухихъ проводовъ его изъ Тамбова. Но клевретъ его ключарь, изворотливый на все, выручилъ его изъ смущенія. Какими-то путями пріурочили ко времени отъѣзда Па—ія сѣздъ депутатовъ отъ духовенства для какихъ-то своихъ дѣлъ по епархіи, и въ семинаріи состроили прощальный обѣдъ. Ключарь много хлопоталъ о сборѣ денегъ на стипендію въ честь Па—ія въ семинаріи, но съ духовенства

на это ничего не могли собрать, и Па—ій далъ на это своихъ денегъ 2.000 руб., и стипендія на его деньги и устроилась. Но проводы съ очевидностію для всѣхъ все-таки были внушительные для Па—іи, онъ на всѣхъ видѣлъ и въ глазахъ, словахъ и дѣйствіяхъ читалъ, какъ духовенство съ холоднымъ равнодушіемъ къ нему относится, и чрезвычайно радостно разстается съ нимъ, какъ-бы сбрасывая съ себя какое-то несносно-тяжелое бремя. Я лично, служа членомъ въ консисторіи еще задолго до него и все время при немъ, не пользовался его благоволеніемъ именно за то, что не умѣлъ ему, что называется, „потрафлять“ въ его желаніяхъ прихотливыхъ, да и нисколько объ этомъ и не думалъ, занимаясь дѣлами консисторіи не въ угоду архіерею, а по убѣжденію своей совѣсти—дѣлать дѣло для дѣла во благо общее,—говорю это по чистому сердцу, не хвалясь. Онъ зналъ это и относился ко мнѣ сначала съ возможною, по его характеру, долею вниманія, какъ къ члену, въ консисторіи смыслящему и трудящемуся. Нерѣдко призывалъ меня къ себѣ для объясненій по дѣламъ и давалъ порученія смотрѣть въ консисторіи, чтобы дѣла шли исправно и не залеживались. Но при этомъ нерѣдко по инымъ дѣламъ, чѣмъ-либо для него интереснымъ, выражалъ настойчивое желаніе, чтобы я обработалъ ихъ именно такъ, какъ-бы ему хотѣлось, но какъ, по моему убѣжденію и рѣшенію, нельзя было устроить законно. Разумѣется, я не брался за это и отстаивалъ свое мнѣніе и рѣшеніе, что ему крайне не нравилось. Помню, одно дѣло было о старостѣ церковномъ въ Усмани—купцѣ богатымъ. Обвиняли его священники въ самовольномъ и безконтрольномъ распоряженіи церковными деньгами. Дознаніе дало достаточно доказательствъ виновности старосты. И по разбору дѣла, надъ которымъ я лично трудился, староста, на законномъ основаніи въ составленномъ мною рѣшеніи, подвергался надлежащей отвѣтственности. Такъ пѣтъ. Требуется да и только П—ій отъ меня—передѣлать дѣло и выгородить старосту такъ, чтобы онъ былъ безотвѣтственъ. И я, не соглашаясь на это, только тѣмъ его могъ побѣдить, что рѣшеніе противное, съ выговореніемъ старосты по дѣлу виновнаго, и богатаго при томъ купца, наглядно и очевидно всѣмъ докажетъ, что тутъ взяли богатую взятку, и дѣло непременно дойдетъ до Синода, и будетъ и вамъ и намъ не хорошо. Надо замѣтить, что Па—ій у насъ во все свое время уважалъ и ублажалъ богатыхъ купцовъ, и изъ нихъ старостъ церковныхъ особенно, такъ что они взяли такой верхъ въ церквахъ, что не хотѣли и знать настоятелей „что намъ настоятель? мы прямо ко владыкѣ“, грозили они причту церковному дерзко и нагло. Боялся Па—ій много и заботливо оберегался жалобъ на него въ Синодъ,—онъ зналъ, что въ Синодѣ хорошо смотрятъ на архіерея, если у него

смирно и не тревожатъ Синодъ жалобами. Поэтому и духовенство, не успѣвая въ чемъ-либо у него, прибѣгало иногда къ заявленію предъ нимъ, что вынуждено будетъ беспокоить жалобой Синодъ, и часто за это одно получало, въ чемъ отказывалось. Этою слабостію пользовались особенно люди бывалые, смѣлые, сутяжные. Впослѣдствіи, когда Па—ій подыскалъ себѣ въ лицѣ Ак—ова ключаря и члена консисторіи, работѣннаго во всемъ угодника, я подпаль его прямому нерасположенію, и въ консисторіи съ Іудею предателемъ становилось служить все тяжелѣе и тяжелѣе, такъ что я и вышелъ бы изъ консисторіи, еслибы не перевели Па—ія, и не стало за тѣмъ благопріятнаго времени для службы нормальной. Особенно нерасположеніе это укрѣпилось, когда въ консисторію поступилъ проектъ преобразованія духовнаго суда изъ С.-Петербурга, и нужно было составлять мнѣніе о немъ, независимо отъ архіерея и отослать затѣмъ въ С.-Петербургъ. Такой же проектъ особо присланъ и архіерею для своего особаго мнѣнія по нему. Въ консисторіи за составленіе мнѣнія взялся я и поработалъ надъ нимъ долго; мнѣніе съ помощію Божіею составилъ такъ, что оно всѣмъ членамъ и секретарю понравилось, всѣ согласно подъ нимъ подписались и отослали въ С.-Петербургъ, не показавъ и даже ничего не сказавъ о его содержаніи Па—ію, какъ онъ ни желалъ этого. Онъ зналъ, что работалъ надъ нимъ я одинъ, и предугадывалъ, въ какомъ духѣ и смыслѣ оно написано, а можетъ быть и зналъ его содержаніе, такъ какъ мнѣніе переписывалось въ канцеляріи открыто, и долгое время прошло въ перепискѣ до отсылки. Сочувственное отношеніе къ проекту и разныя соображенія, высказанныя по поводу разныхъ его параграфовъ, не въ пользу архіерейскаго управленія, и въ устраненіе безсуднаго стараго суда консисторскаго съ произволомъ архіерейской власти, крайне возмущали Па—ія въ нашемъ мнѣніи, которое онъ скоро получилъ изъ Петербурга въ извлеченіи вмѣстѣ со всѣми и другими мнѣніями. Но обстоятельства преобразованія суда церковнаго произвели вездѣ въ обществѣ и литературѣ большой шумъ и движеніе, какъ дѣло громадной важности, какъ преобразование капитальное, отъ котораго и общество и духовенство, и вся русская церковь ожидали съ нетерпѣніемъ и отрадою вождѣнныхъ плодовъ. Ждали искорененія того зла, которое глубоко гнѣздилося въ административномъ произволѣ и въ безобразныхъ, извращенныхъ, искалѣченныхъ черною неправдою и взяточкою судахъ консисторскихъ; ждали твердой юридической почвы для униженнаго и безправнаго духовенства, почвы, на которой оно отыскало бы свои прирожденныя и пріобрѣтенныя права, могло бы за нихъ крѣпко держаться, чтобы по совѣсти, по закону и ученію Христа и Его церкви, по требованію долга и чести своего

внутренняго достоинства и священнаго сана отправлять всѣ возложенныя на него священныя обязанности съ полною возможностью отражать всѣ злыя препятствія къ тому. Ждали сильнаго, разумнаго и обеспеченнаго всѣми гарантіями правды и справедливости суда, который бы свободно и независимо отъ возможныхъ злыхъ вліяній, со всѣмъ безкорыстіемъ и безпристрастіемъ, оберегалъ бы духовенство отъ всякаго произвола властей, отъ всякихъ правонарушеній, и преслѣдовалъ всякіе проступки и преступленія, полагая соотвѣтственныя наказанія, по разборѣ дѣла въ строго законномъ порядкѣ, гласно, скоро, правдиво и милостиво. Всѣ и во всѣхъ слояхъ русскаго понимающаго дѣло общества сочувствовали этому благодѣтельному предпріятію преобразовать на новыхъ лучшихъ началахъ по слову Божію и духу Христовой церкви церковный судъ, давно уже намозолившій глаза всѣмъ своею черною неправдою въ консисторіяхъ и измотавшій духовенство до изнеможенія. Въ одномъ только властномъ монашествѣ тайлось и пока опасно молчало глубокое къ тому нерасположеніе. Но судя по началу этого дѣла, его обстановкѣ и успѣшномъ продолженіи, а особенно по тому, что въ общемъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, разрабатываемый повсемѣстно, юридическое его улучшеніе составляетъ неизбѣжное слѣдствіе, какъ важная сущность, все духовенство радовалось и твердо надѣялось, что безсильны будутъ всѣ частныя препятствія недоброжелателей, и вопросъ окончится въ своемъ рѣшеніи благополучно къ общему благу духовенства и всей російской церкви. Въ виду всего этого и поэтому и я въ этой своей запискѣ, какъ нѣкоторымъ образомъ принимавшій оффиціально личное участіе въ сужденіи объ этомъ вопросѣ, и близко къ сердцу принимавшій все, что его касалось, помогало ему, разрабатывало его и мѣшало, войду въ историческое изложеніе хода этого дѣла со всею обстоятельностью, какую помню, какъ его современникъ.....

Послѣ преобразованія гражданскаго суда и изданія новыхъ уставовъ въ 1864 году, въ духовномъ вѣдомствѣ возникла мысль о преобразованіи суда духовнаго. Правительство и общество сознавало, что въ обновленной Россіи, при учрежденіи новаго судоустройства и судопроизводства на новыхъ началахъ, оставить судъ духовный въ прежнемъ—устарѣвшемъ и деморализованномъ положеніи, особенно, когда шла вездѣ и въ столицѣ и провинціяхъ горячая и энергическая работа по комитетамъ объ улучшеніи быта духовенства, не было возможности, въ виду крайней дисгармоніи его въ общемъ строѣ новыхъ судебныхъ порядковъ гражданскихъ, и того зла, которое творилось въ немъ подъ прикрытіемъ обветшалыхъ началъ.

И вотъ синодальный оберъ-прокуроръ графъ Д. А. Толстой отъ

23-го мая 1869 года вошелъ въ Св. Синодъ съ предложеніемъ, въ которомъ, выяснивъ всю несостоятельность устава духовныхъ консисторій, по которому производится управленіе и судъ духовный въ російской церкви, и его несоотвѣтствіе и противорѣчіе судопроизводству и судоустройству по гражданскому вѣдомству, подвергнутымъ коренному преобразованію на совершенно новыхъ началахъ, съ рѣшительною настойчивостію заявлялъ о необходимости „нынѣ же приступить къ преобразованію суда духовнаго, съ тѣмъ, чтобы это преобразование было произведено на тѣхъ началахъ, на основаніи совершеннаго преобразования судопроизводства и судоустройства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, въ такой мѣрѣ, въ какой сіи начала окажутся удобопримѣнимыми къ цѣли и потребностямъ суда духовнаго“.

Для исполненія сего важнаго дѣла и для всесторонняго его обсужденія оберъ-прокуроръ полагалъ учредить особый комитетъ изъ нѣсколькихъ ученыхъ и изъ нѣсколькихъ практиковъ, подъ предсѣдательствомъ, по назначенію Св. Синода, одного изъ преосвященныхъ, присутствующихъ въ Синодѣ,—и по разсмотрѣніи Св. Синодомъ основныхъ положеній, кои будутъ составлены комитетомъ, поднести оныя на высочайшее его императорскаго величества утвержденіе. На это предложеніе Св. Синодъ выразилъ полное свое согласіе и въ опредѣленіи своемъ заключилъ:

„Раздѣляя вполне предложеніе господина синодальнаго оберъ-прокурора о необходимости преобразования всей судебной части по духовному вѣдомству, Св. Синодъ опредѣляетъ: 1) предоставить господину синодальному оберъ-прокурору испросить высочайшее его императорскаго величества соизволеніе на учрежденіе при Св. Синодѣ, предсѣдательствомъ присутствующаго въ ономъ преосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго, особаго комитета изъ опытныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства народнаго просвѣщенія, министерства юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, для изготовленія и внесенія затѣмъ на обсужденіе Св. Синода основныхъ положеній преобразования судебной части по духовному вѣдомству, сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершено преобразование судоустройства и судопроизводства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, по примѣненіи сихъ началъ, насколько это окажется полезнымъ и возможнымъ, къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго; и 2) по воспослѣдованіи на учрежденіе таковаго комитета высочайшаго соизволенія, членами онаго назначить: главнаго священника арміи и флотовъ, доктора богословія протоіерея Богословскаго, членовъ духовныхъ консисторій: С. - Петербурга-

ской—протоіерея Содоальскаго, Московской — протоіерея Рождественскаго, Кіевской—протоіерея Лебединцева, профессора Кіевскаго университета доктора богословія протоіерея Фаворова, профессоровъ церковнаго законовѣдѣнія при С.-Петербургской духовной академіи Тимоѣя Барсова, Московской—Лаврова, и юрисконсульта при синодальномъ оберъ-прокурорѣ статскаго совѣтника Степанова; о командированіи въ составъ сего комитета профессоровъ С. - Петербургскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пахмана и коллежскаго асессора Чебышева - Дмитріева и нѣсколькихъ должностныхъ лицъ министерства юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, по ближайшему усмотрѣнію статсъекретарей, графа Панина и князя Урусова, предоставитъ господину синодальному оберъ-прокурору войти съ кѣмъ слѣдуетъ въ надлежащее сношеніе. Дѣлопроизводство по комитету возложить на секретаря С.-Петербургской духовной консисторіи Камчатова“.

По исполненіи этого опредѣленія Св. Синода синодальный оберъ-прокуроръ въ своихъ предложеніяхъ Св. Синоду отъ 14-го и 29-го января 1870 года изложилъ, что по всеподданнѣйшемъ докладѣ имъ опредѣленія Св. Синода отъ 10-го декабря 1869 г. объ учрежденіи особаго комитета для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, государь императоръ въ 12-й день генваря 1870 года высочайше на сіе соизволилъ, и что о назначеніи въ комитетъ должностныхъ лицъ отъ министерства народнаго просвѣщенія,—юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи сдѣлано сношеніе, и эти лица назначены, именно: профессора университета Пахманъ и Чебышевъ-Дмитріевъ; отъ 2-го отдѣленія его императорскаго величества канцеляріи—тайный совѣтникъ Маркусъ, и тайный совѣтникъ сенаторъ Любимовъ; отъ министерства юстиціи: правитель канцеляріи министерства коллежскій совѣтникъ Бурлаковъ, товарищъ предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда Сабуровъ, члены консултации при министерствѣ: прокуроръ С.-Петербурга Баженовъ и предсѣдатель столичнаго мирового съѣзда Неклюдовъ.

Выслушавъ эти предложенія, Св. Синодъ, по справкѣ, опредѣленіемъ отъ 19-го марта 1870 года постановилъ: „Объ изъясненныхъ въ предложеніяхъ синодальнаго оберъ-прокурора высочайшемъ повелѣніи распоряженіяхъ его—оберъ-прокурора, касательно учрежденія особаго при Св. Синодѣ комитета, для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, дать знать, съ прописаніемъ справки изъ опредѣленія Св. Синода отъ 10-го декабря 1869 г., для должнаго въ чемъ слѣдуетъ исполненія, присутствующему въ Св. Синодѣ преосвященнѣйшему Макарію, архіепископу литовскому“.

Этотъ комитетъ, учрежденный по опредѣленію Св. Синода и высочайше утвержденный, въ составѣ членовъ отъ вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства народнаго просвѣщенія и юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Макарія въ количествѣ 17 человекъ—мужей ученыхъ и опытныхъ, и открылъ свои занятія 30-го апрѣля 1870 г. и, работая неустанно и энергично въ продолженіе двухъ лѣтъ, выполнилъ высочайше возложенное, по опредѣленію Св. Синода, порученіе блестящимъ образомъ—со всею компетентностію и солидарностію, и составилъ „проектъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части“, съ обширною объяснительною къ нему запискою. Въ проектѣ основныхъ положеній сдѣлано рѣшительное примѣненіе къ судоустройству и судопроизводству духовному тѣхъ выработанныхъ юридическою наукою главныхъ началъ, которыя были положены въ основу преобразованія судоустройства и судопроизводства гражданскаго, именно: отдѣленіе судебной власти отъ административной, учрежденіе ближайшихъ органовъ правосудія въ лицѣ духовныхъ судей, замѣна закрытаго и письменнаго судопроизводства гласнымъ и устнымъ производствомъ, отиѣна теоріи формальныхъ доказательствъ и предоставленіе судьямъ, при рѣшеніи дѣлъ, права внутренняго убѣжденія. А въ объяснительной запискѣ къ этому проекту обстоятельно и основательно выяснены возможность и польза такого примѣненія означенныхъ началъ къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго, безъ противорѣчія духу и характеру каноновъ церкви.

Проектъ, составленный единогласно и солидарно всѣми мудрыми мужами, членами комитета, съ знаменитымъ своею ученостію и образованіемъ докторомъ богословія, архіепископомъ Макаріемъ во главѣ, представленъ былъ въ Св. Синодъ на его обсужденіе, за подписію всѣхъ, кромѣ одного члена, который остался при своемъ особомъ мнѣніи о преобразованіи духовнаго суда,—мнѣніи совершенно противоположномъ всему дѣлу комитета, признававшимъ самое дѣло преобразованія напрасно затѣяннымъ. Это профессоръ церковнаго законовѣднія въ Московской академіи Лавровъ, человекъ неженатый и измлада готовившійся на высшій постъ монашества во власти и почестяхъ антимонашескихъ, чего онъ скоро и достигъ и умеръ въ 1890 году въ санѣ архіепископа литовскаго и съ именемъ Алексѣя. Несмотря на то, что мнѣніе Лаврова было единичное, въ комитетѣ никѣмъ не раздѣляемое, идущее въ упоръ и разрѣзъ дѣлу преобразованія, признанному нужнымъ опредѣленіемъ Св. Синода, утвержденнымъ высочайшею властію, оно—это мнѣніе, въ послѣдствіи возросло въ такую внѣшнюю силу, которая, воспользовавшись обстоятельствами

времени, могла остановить дальнѣйшій ходъ дѣла и поставить неодолимую, до поры до времени конечно, преграду къ благополучному исходу и концу. Состоя членомъ комитета, Лавровъ тихо и смирно, но смѣло и энергично обрабатывалъ свое особое дѣло, совершенно противоположное дѣлу общему въ комитетѣ, и при этомъ очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что его смѣлое предпріятіе найдетъ полное сочувствіе во всѣхъ архіереяхъ, которые стануть за него горой и не только выручатъ изъ всякой напасти, но прославятъ и вознесутъ. Когда Св. Синодъ, прежде обсужденія представленнаго ему комитетскаго проекта, положилъ разослать его въ особыхъ экземплярахъ, напечатанныхъ по числу консисторій и архіереевъ, въ епархіи съ тѣмъ, чтобы какъ архіереи, такъ и консисторіи, отдѣльно и независимо одни отъ другихъ, представили въ Св. Синодъ свои мнѣнія о проектѣ, Лавровъ имѣлъ полную возможность свое мнѣніе пустить въ свѣтъ—въ печать, обработавъ его въ большой книгѣ и издавъ анонимно, съ именемъ только издателя какого-то Елагина, подъ названіемъ „Реформа церковнаго суда“. Книга эта оказалась драгоцѣннымъ кладомъ для всѣхъ архіереевъ, которые напali въ пей все имъ нужное для того, чтобы составить мнѣніе, требуемое Синодомъ, въ рѣшительное ниспроверженіе комитетскаго проекта; но для людей, не зараженныхъ партійными тенденціями, а ищущихъ безпристрастной правды, правды внутренней Христовой, читать эту книгу было возмутительно, какъ книгу казуистическую, наполненную преданіями старцевъ такъ, что изъ-за нихъ, тенденціозно подобранныхъ и перетолкованныхъ, оставлено слово Божіе, въ его духъ и силѣ. Въ ней преслѣдовалась правда книжниковъ и фарисеевъ, а не та, о которой говорилъ Христосъ: еще не избудетъ правда ваша паче книжниковъ и фарисеевъ, не внидите въ царствіе небесное... Еванг.

